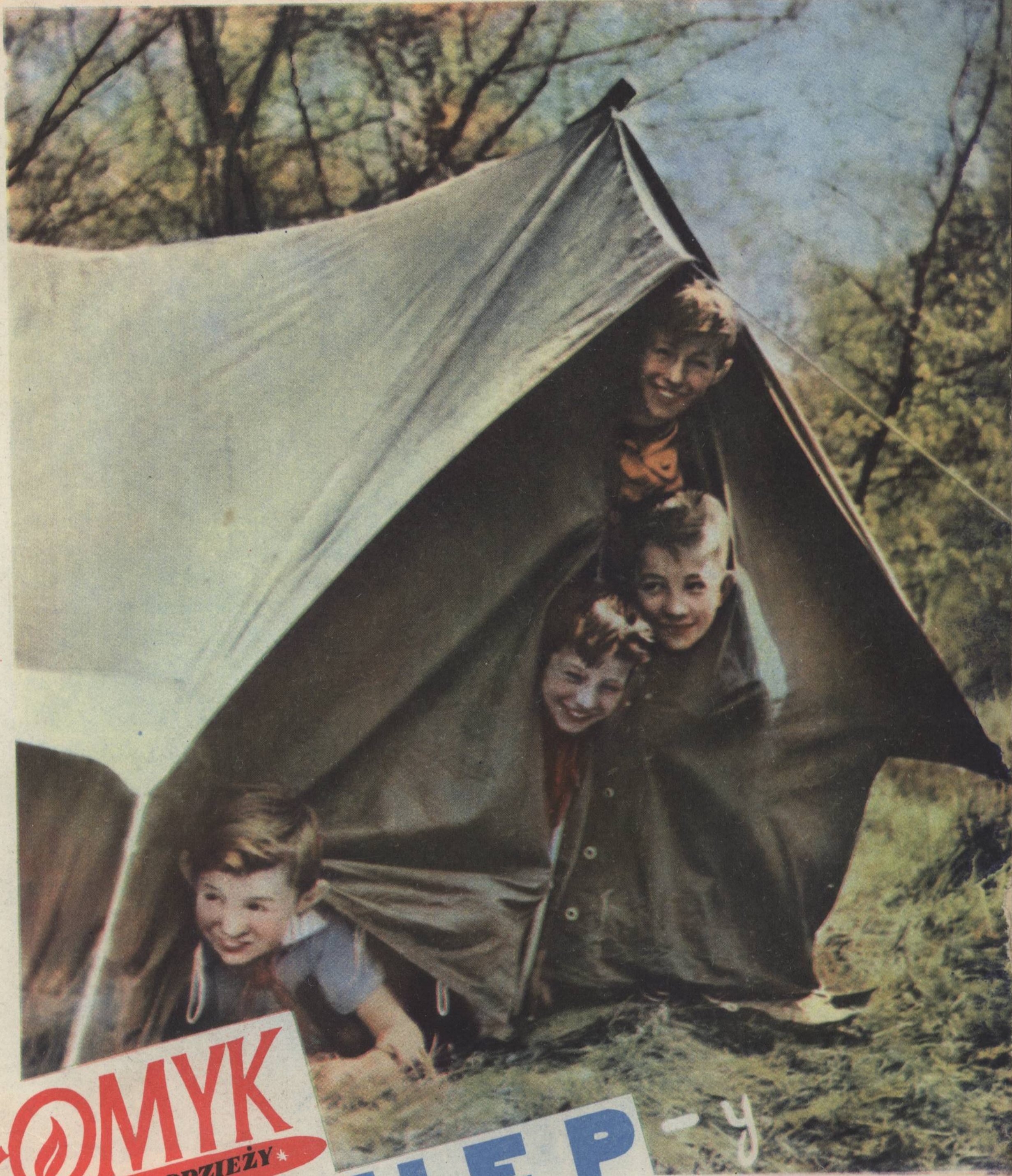
ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ
№ 10
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1962 г.

PŁOMYK
PRZYJACIEL MŁODZIEŻY

ПИОНЕР-у

с дружеским
приветом

Владислав **БРОНЕВСКИЙ**

НАШ МАЙ

Над новой Польшей песня Мая
Звенит, звенит, не умолкая.
Она в знамена разодета
Прекрасного такого цвета!
Ее поют в Москве, в Париже.
Чем дальше, тем она все
ближе!
Идут, идут, идут колонны —
Свободной родины районы:
Ткачи, шахтеры, металлисты —
С высоких Татр, с широкой
Вислы.
И снова Висла перед нами
Несет развернутое знамя.
Наш Май! Чтобы воспеть все
это,
Слов не хватает у поэта!

Перевел Сергей Михалков.

Рисунок К. Зажицкой.

Дорогие друзья!

«ПЛОМЫК» («Огонек») — журнал ваших польских сверстников — сегодня пришел к вам в гости. Он хочет рассказать вам как можно больше о Польше и передать горячее желание польских детей лучше познакомиться и крепче подружиться с вами. Наша дружба родилась уже давно. Нас связывает очень многое: оба наших народа тяжко пострадали во время последней войны; Народное Войско Польское и доблестная Советская Армия плечом к плечу сражались против общего врага — фашизма; немало советских воинов героически отдали свою жизнь и за нашу свободу. Нам с вами одинаково дорог мир, потому что только мир даст всем нам возможность строить лучшее будущее.

Когда вы в СССР будете читать этот номер «Пломыка», к нам в Польшу на страницы нашего журнала придет в гости «Пионер». Он расскажет польским ребятам о вашей Родине.

Этот дружеский обмен происходит вскоре после того, как в Москве закончился Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Лучшие люди разных стран ищут надежных путей и способов сохранить и обеспечить мир на земле. Могут ли молодежь и дети помочь им? Могут!

Если дружба ребят разных стран будет расти и крепнуть с каждым днем, она наконец восторжествует во всем мире — так, как сказано в этой песне:

Шаг равняйте, ребята!
Комсомольцы-орлята
Впереди трудовой молодежи.
Из Москвы и Варшавы пронесем
песню славы,
В ней слова, что всего нам дороже:
Стань рядом с нами! И шаг
равняй,
Врагов свободы не пропускай!
Мы руки в дружбе соединим,
В борьбе за счастье
мы победим!

Да, мы победим в борьбе за счастье, за прочный мир! А это и есть самое горячее наше с вами желание. И пусть оно исполнится как можно скорее!

От имени читателей «Пломыка»
главный редактор
Ганна ОЖОГОВСКАЯ

Год издания 39-й

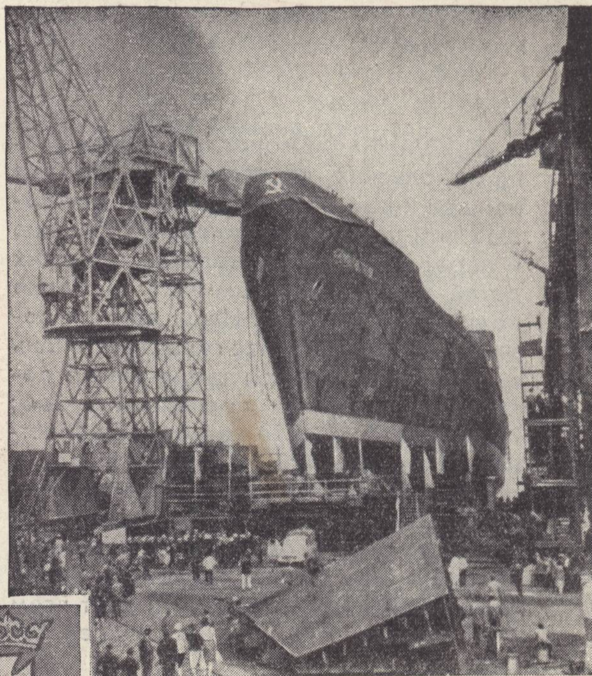
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

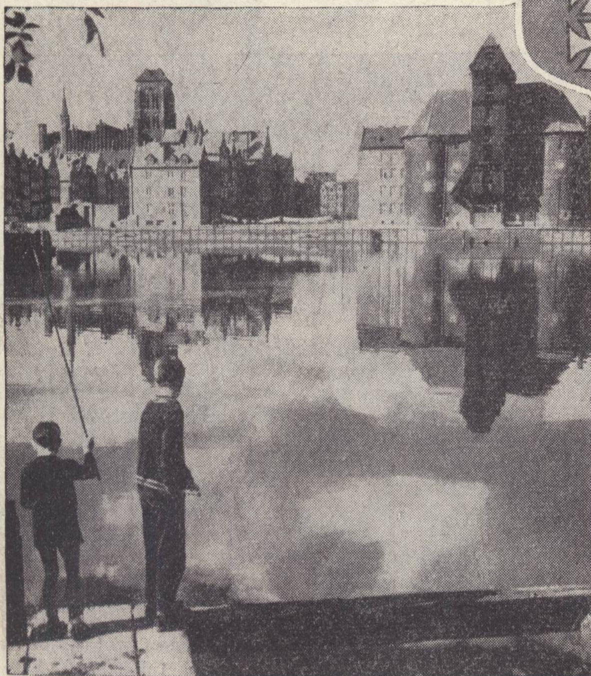
ОКТЯБРЬ 1962 г. **10**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Польша — наша РОДИНА

ГДАНЬСК

Город с 1000-летней историей, древней архитектурой и современным строительством. В 1945 году здесь были только руины. Сегодня население Гданьска достигло трехсот тысяч человек.

Польша занимает:
ВТОРОЕ место (после СССР) по тоннажу морского флота среди государств социалистического лагеря.
ВТОРОЕ место по строительству рыболовных судов.
ДЕВЯТОЕ место в мире по судостроению.
ДВАДЦАТОЕ место в мире по торговому флоту.

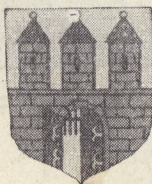
157 крупных современных морских кораблей ходит под польским флагом (не считая кораблей-баз и всего рыболовного флота). Большинство их построено в Польше.

362 корабля, плавающих под флагами СССР, Индонезии, Китая, Бразилии, Швейцарии, Франции, Англии, Египта и Кубы, построены польскими судостроителями.

МАЗУРСКОЕ ПООЗЕРЬЕ

Мазурское поозерье — это чудесный край тысячи озер. Здесь раздолье для любителей водного спорта.

БЫДГОЩ

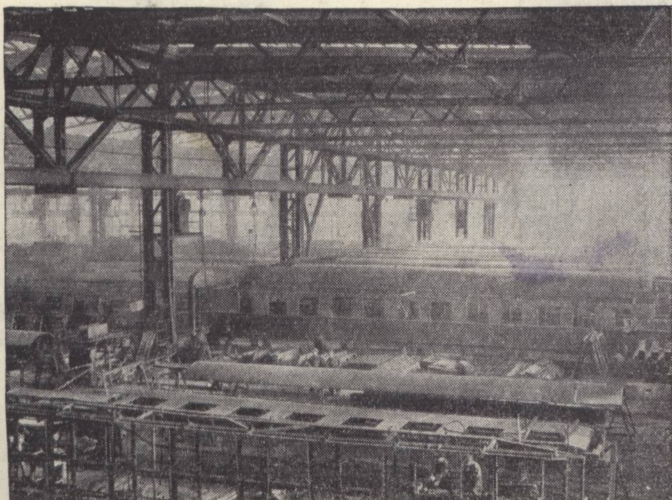
На могилах советских воинов, павших геройской смертью на польской земле, вы всегда увидите цветы. Об этом заботятся харцерские дружины.

ВРОЦЛАВ

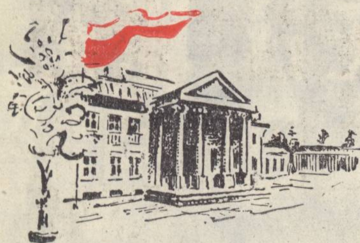

Пястовский (по имени одного из первых королей Польши — Пяста) орел в гербе Вроцлава неоспоримо доказывает, что это искони польский город. Не помогли немцам ни переименование его в Бреслау, ни многолетняя германизация польского населения. Теперь Вроцлав снова польский город. Сейчас он насчитывает около 400 тысяч жителей, в нем одиннадцать высших учебных заведений. Вроцлав стал центром различных отраслей промышленности. Наиболее известное предприятие Вроцлава — вагоностроительный завод «Пафаваг».

Если бы первый секретарь ЦК ПОРП (Польской объединенной рабочей партии) товарищ Владислав Гомулка смог воспользоваться всеми приглашениями коллективов промышленных предприятий и организаций, ему наверняка не хватило бы на эти визиты даже 365 дней года!

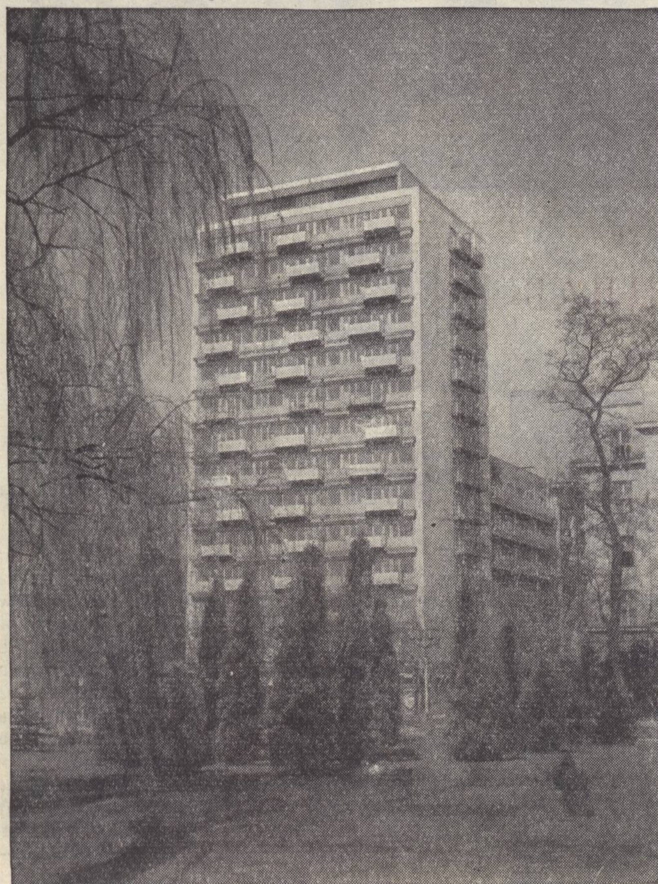
Но харцерам посчастливилось! Вот торжественный момент передачи товарищу Гомулке и премьеру Юзефу Циранкевичу почетного харцерского галстука.

ВАРШАВА

Направо — мост,
Налево — мост,
И Висла перед нами.
И тут дома,
И там дома,
Одетые лесами.
Вот машины летят, обгоняя
Голубые вагоны трамвая.
Сияет яркой новизной
Варшава, мой город родной!

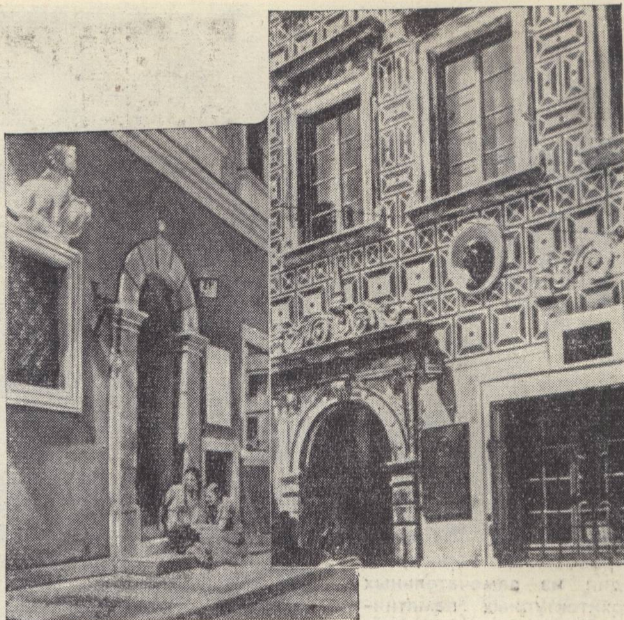
Варшавская песенка.

Перевел Д. Самойлов.

◀ В этом красивом, современном, многоэтажном доме живут наши учителя.

«Район Старе Място (Старый Город) — памятник национальной культуры и революционных боев народа Варшавы — был в 1944 году дотла разрушен фашистскими оккупантами. Польское правительство подняло этот район из руин и вернуло народу в 1951—1953 годах».

(Надпись на мемориальной доске.)

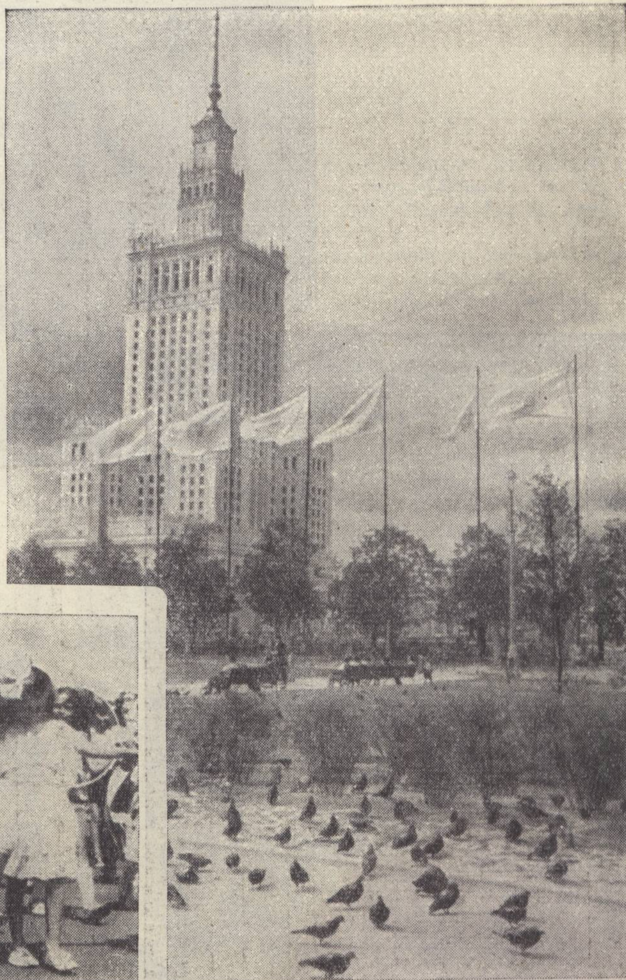

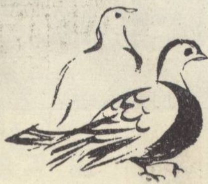
Каждый из домов Старого Мяста — своего рода шедевр, сделанный руками неизвестного мастера в давние годы.

45 этажей,
230 метров в высоту,
3 288 залов, комнат, кабинетов, холлов,
44 учреждения.

Вот несколько цифр; они красноречиво говорят о колоссальных размерах Дворца культуры и науки. Этот дворец — дар советских друзей польскому народу — стоит в самом сердце Варшавы. В одном из его помещений находится Дворец молодежи.

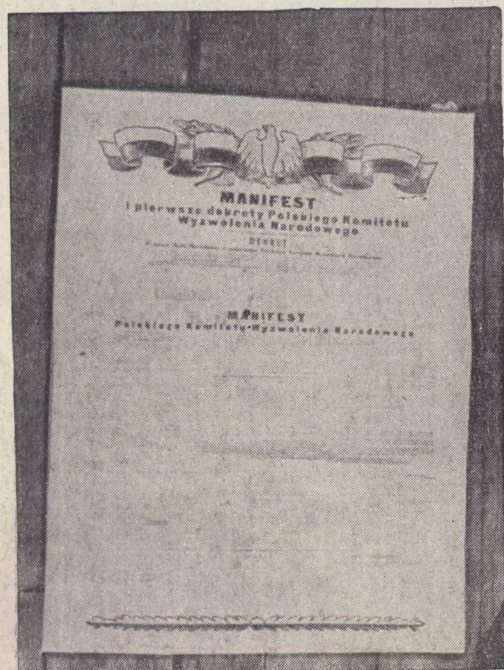

ЛЮБЛИН

«Краковска брама» (Краковские ворота) — один из замечательных архитектурных памятников Люблина.

MANIFEST
I pierwsze dekrety Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego

MANIFEST
Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego

22 июля — День национального возрождения, наш национальный праздник. Вся страна отмечает его торжественно и весело.

«Соотечественники! Пробил час освобождения! Польская армия вместе с Советской Армией форсировала Буг, польский солдат сражается на нашей родной земле. Над измученной Польшей снова развеваются бело-красные знамена...»

Так начинается знаменитый манифест Польского комитета национального освобождения — первой исполнительной временной власти, резиденция которой была в городе Люблине.

Шленские горняки устроили горячий и сердечный прием Никите Сергеевичу Хрущеву, когда он в 1960 году посетил Польшу. Они подарили ему парадную форму горняка.

ШЛЕНСК

Для пейзажа Шленска — польского угольного бассейна — характерен дым, подымающийся из бесчисленных труб заводов и шахт. Жизнь бурлит здесь на каждом шагу.

Шестисоттысячная армия горняков добывает из-под земли ее сокровище — «черное золото».

Здесь выдают на-гора около 110 миллионов тонн угля в год. И уголь этот — самое ценное наше сырье для экспорта.

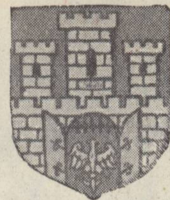

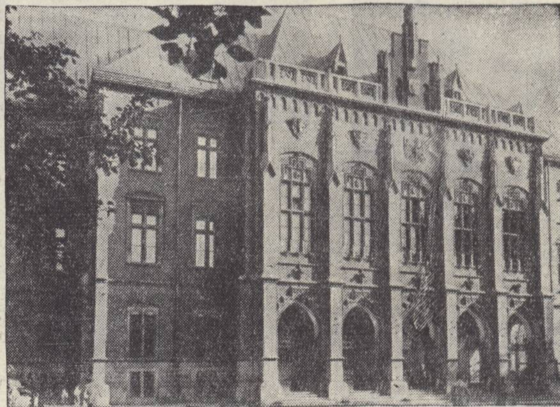
КРАКОВ

Висла волны катит
По родному краю...
Как увидит Краков,
Так его обхватит...

(Краковская народная песня.)

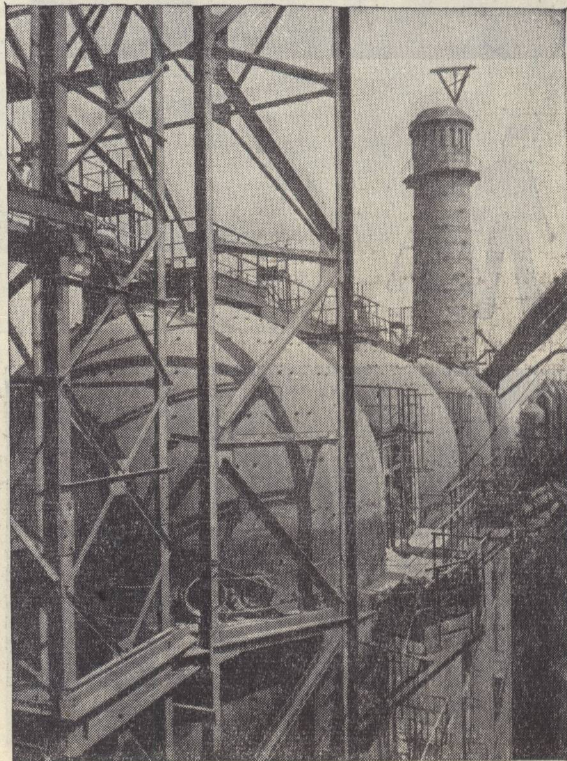
Краковский университет (именуемый Ягеллонским) был основан еще в 1364 году.

Всего в нескольких километрах от Кракова, там, где еще в 1948 году колосились поля, сегодня рас-

НОВА ГУТА

кинулся самый молодой город Польши — Нова Гута. Здесь теперь насчитывается уже свыше 100 тысяч жителей.

Каждый год вот такой всадник-«ляйконик» гарцует по главной площади Кракова. Он напоминает об очень давнем событии: о нашествии татар на этот древний город.

«Мысль Ленина проста, как действие, действие Ленина просто и величественно, как Революция».

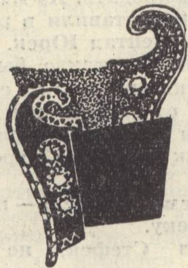
(Владислав Броневский «Поклон Великой революции».)

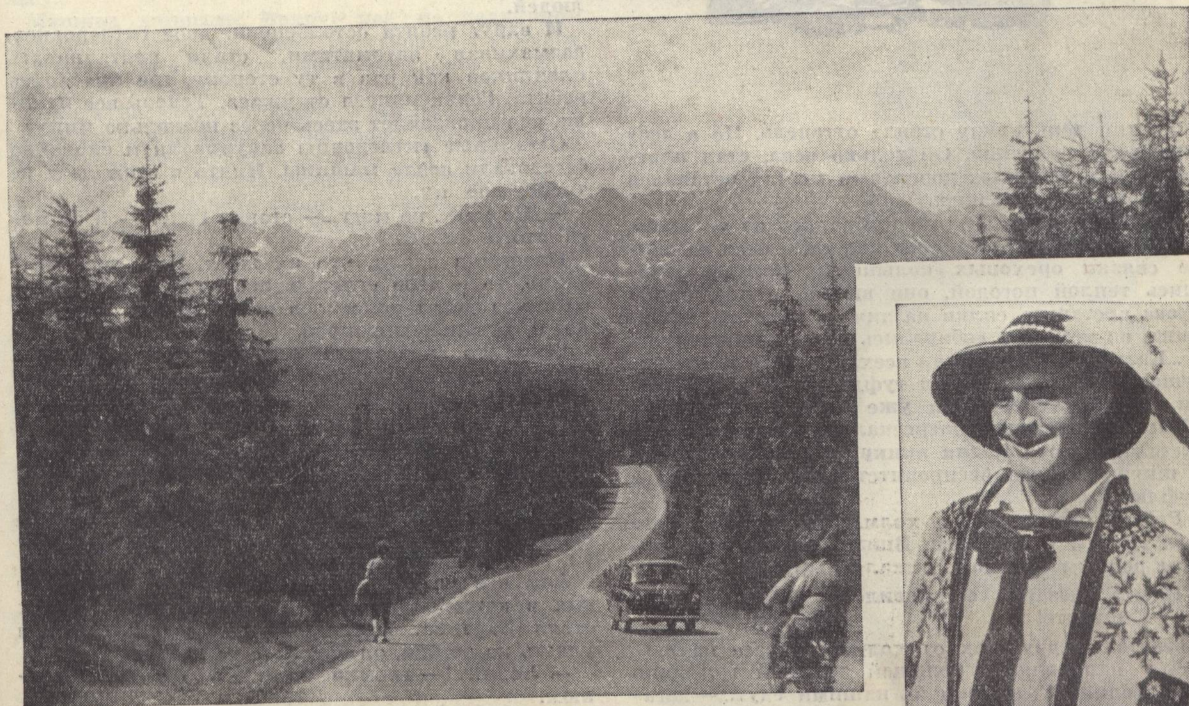

У подножия прекрасных высоких Татр, неподалеку от курорта Закопане — центра польского горнолыжного спорта,— находится местечко Поронин. Здесь в 1912—1914 годах жил Владимир Ильич Ленин. Отсюда он редактировал «Правду» и руководил революционным движением в России. Сейчас тут находится музей Ленина, где собраны драгоценные реликвии его жизни в Поронине.

На снимке вы видите слет школьных кружков «Друзей Советского Союза».

Отважные и веселые жители горных селений — гурали — любят родные Татры. С гордостью носят они свои старинные живописные костюмы.

ПАРТИЗАНЫ

Ю. ЩИГЕЛЬ

ИЗ ПОВЕСТИ «ТАРНИНА»

Третий день кряду стояла оттепель. Но в лесу снег таял медленно. Он только осел, стал плотнее, а в затененных деревьями местах оставался твердым и скользким.

Минул полдень. Ребята выбрались из укрытия. Вшестером шли они по опушке леса, неся на спине связки ореховых колышков. Воспользовавшись теплой погодой, они вышли в лес, чтобы снова поставить силки на дичь и нарезать орешника, из которого собирались делать мундштуки.

...Казик бежал впереди всех, выбирая места посуше. Он все еще носил туфли своей прабабушки. Только теперь они уже мало походили на обувь: кожа сверху потрескалась, одна подметка отстала, и, хотя Казик прикрутил ее проволокой и шнурком, вода беспрепятственно проникала в туфлю.

Ребята поднялись на холм. Лес в этом месте был густым и высоким. Внизу, отделенная крутым ровным склоном, лежала вырубка.

Казик внезапно остановился.

— Смотрите!

Метрах в двухстах от холма с шоссе на вырубку направлялся большой зеленый грузовик.

— Полицаи! Это они за нашими едут...— догадался Бенек.

— Бежим! — воскликнул Генек.

— Убежать всегда успеем... Подожди! — остановил товарища Зимек.

— Спрячемся за деревьями,— посоветовал Бенек.

Ребята сбросили связки колышков на землю и укрылись у самого гребня холма за толстыми стволами сосен. Грузовик двигался медленно. Посреди вырубки — в каких-нибудь ста метрах от ребят — машина неожиданно остановилась. Притаившиеся мальчики с любопытством и страхом наблюдали: что будет дальше? Из кабины и кузова выскочило несколько гитлеровцев.

— Если они пойдут сюда, удираем! — настаивал Генек.

— Молчи! — прошипел Зимек.

Ребята продолжали наблюдать. Из машины вывели четырех мужчин и поставили в ряд.

— Заключенные,— прошептал Юрек.

Действительно, теперь отчетливо было видно, что у всех четверых руки связаны за спиной.

— Бежим! — бледный от страха, шептал Генек.

Но ребята не слушали его: они ждали, что произойдет дальше. Казик шепотом пересчитывал гитлеровцев:

— Один, два, три... Семь человек! — шепнул он стоящему рядом Стефеку.

— Тише! — прошептал Стефек, не отрывая взгляда от грузовика и ходивших вокруг него людей.

И вдруг ребята остолбенели: двое гитлеровцев, размахивая автоматами, стали подталкивать пленников как раз в ту сторону, где прятались ребята. Генек присел от ужаса. Теперь все поняли, что произойдет здесь через несколько минут...

Остальные гитлеровцы закуривали и спокойно беседовали возле машины. Ничто в этом лесу не тревожило их.

— Не могу, не могу...— стонал Генек.— Я не могу этого видеть.

Пленники знали, что их ждет. Они шли медленно, то и дело оглядываясь назад... До притаившихся ребят доносился рокот мотора грузовика и ругань конвоиров.

Внезапно гитлеровцы остановились, а те, четверо, ускорили шаг. От гребня холма их отделяло теперь каких-нибудь тридцать метров.

Идущий впереди пленник бросился бежать...

— Ложитесь! — приглушенным голосом скомандовал ребятам Бенек. Он видел, как гитлеровцы вскинули автоматы.

— Немедленно ложись! — услышали ребята низкий, властный голос, неожиданно раздавшийся за их спинами.

Они все разом обернулись. В двух шагах от них в кожаной куртке, с автоматом в руках стоял Заремба. Прежде чем мальчики успели упасть на землю, он был уже на гребне.

— Ложись! — громко крикнул он заключенным.

Они поняли его и немедля залегли. В тот же момент из леса с разных сторон одновременно прогремели выстрелы. Двое гитлеровцев, что были ближе других к холму, повалились на снег.

Третьего пуля срезала возле самой машины. Четверо оставшихся фашистов укрылись за кузовом грузовика. Мотор заглох...

Ребята видели, как Заремба сбежал по склону вниз. Слева и справа из лесу еще раздавались выстрелы. Со стороны грузовика протарахтела автоматная очередь — фашисты огрызались...

Широко открытыми глазами Зимек смотрел на все это. Он увидел, как из лесу на помощь Зарембе выбежало еще четверо, как они упали на землю и, продвигаясь вперед ползком, не переставали обстреливать грузовик. А вон там, справа, Зимек заметил еще нескольких: склонившись к самой земле, они перебегали по направлению к машине. Выстрелы гремели, не смолкая.

Вот Заремба вскочил, пробежал несколько метров, взмахнул рукой, бросил что-то в сторону грузовика, рухнул на землю, распластался на ней. Все замерли. Сначала послышался металлический щелчок, а затем раздался оглушительный, всколыхнувший землю взрыв. Мотор и кабину грузовика охватило яркое пламя. Из-за машины выскочили двое гитлеровцев и бегом кинулись к шоссе. Нападавшие поднялись с земли и бросились вдогонку. Один из гитлеровцев упал, не пробежав и двухсот метров, второй пополз на четвереньках.

Через несколько секунд на вырубке воцарилась тишина.

Ребята поднялись. Смотрели, как двое вышедших из лесу людей развязывают руки пленникам. Несколько человек копошились возле машины, обыскивали убитых гитлеровцев, собирали оружие, патроны. Все произошло молниеносно. Спустя две-три минуты «лесные люди» вместе с освобожденными ими пленниками быстрым шагом пересекли наискось вырубку и исчезли в лесу.

Машина догорала. Вокруг нее на различном расстоянии лежали семь гитлеровцев в своих противных зеленовато-мышиного цвета мундирах.

Ребята не могли оторвать глаз от того места, где исчезли партизаны. Они были ошеломлены и потрясены до глубины души.

— Пошли! — очнулся Бенек.— В любую минуту сюда могут нагрянуть фашисты. Наверно, стрельбу и взрыв слышали в местечке... Бежим скорее!

Мальчики еще раз окинули взглядом горящую машину, вырубку с разбросанными телами гитлеровцев, опушку леса, где скрылись партизаны. Отойдя с десяток метров, ребята пустились бежать. Генек бросил свои колышки и без оглядки мчался впереди. Лишь один Зимек время от времени останавливался и прислушивался к чему-то.

Только около Тарнины [1] ребята замедлили бег. Лица их побледнели, по щекам скатывались струйки пота. Никто не произнес ни слова. Все понимали, что произошло, но в то же время были изумлены и напуганы: ведь на их глазах разгорелся и закончился настоящий бой!

Когда подошли к самой Тарнине, Зимек остановился. Он вбил палку в снег и, гордо подняв голову, торжествующе сказал:

— Да, здорово наши надавали фашистам!

---

[1] Тарнина — место, где во время гитлеровской оккупации Польши ребята организовали себе укрытие, чтобы сообща пережить там тяжелое время страшной войны.

ПЕСНЬ О БРАТСТВЕ

Станислав ВЫГОДСКИЙ

Кто шел от Оки вплоть до Вислы,
До Одера — старой границы —
Вперед, по дорогам раскислым,
Под небом в багряных зарницах,
Кто чист был и в битве неистов,
Как вихрь, как пуля, как гром,
Тот знает: сожгли дом фашисты.
Тот знает: мы выстроим дом!

Кто, вспомнив свой путь, обнаружил
Руины, Освенцим, могилы,
И месяц в ночи, как оружье,
И лес, как мятежные вилы,
Тот знает: он выдержал стойко
Все бури войны и невзгоды,
Чтоб жизнь расцветала на стройках,
Чтоб счастье вернуть народам!

А тот, кто дошел до Победы
И в руки взял кельму иль молот,
Чтоб строить иль, руды разведав,
Мартенов насытить голод,
Тот знает: ковали свободу
Носители славы крылатой
Двух братских славянских народов:
России и Польши солдаты!

Перевел Я. Немчинский.

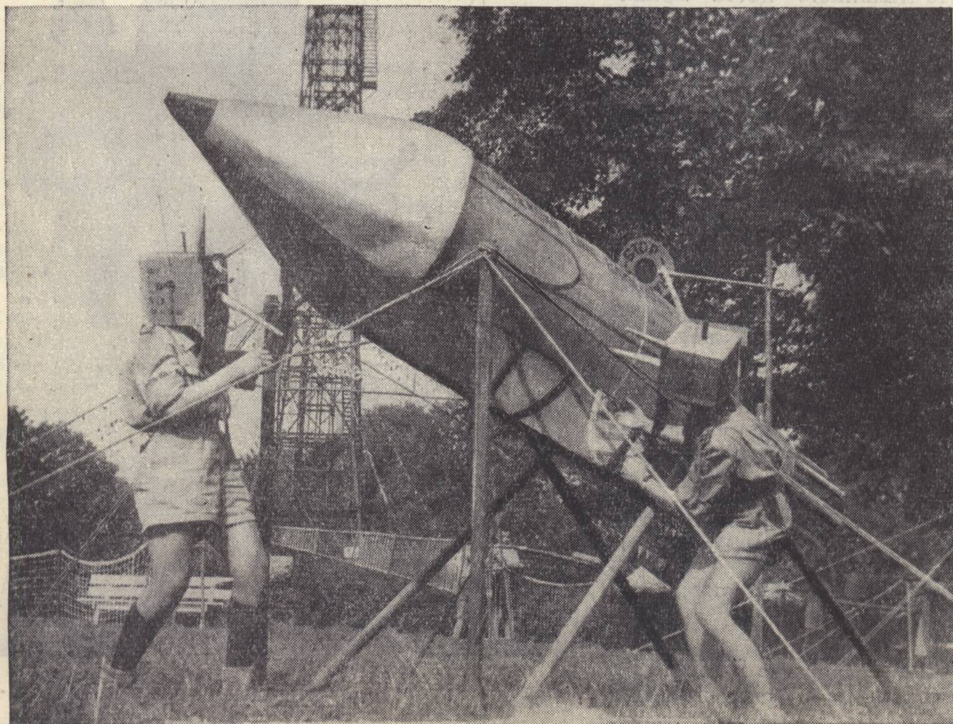

Это памятник «Братства по оружию». «Героям — Варшава» — так написано на памятнике.

В дозоре.

Игра в индейцев.

ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ

Перед «вылетом в космос».

После похода.

Юные связисты.

КАНИКУЛЫ

Где север?

ЧЕРНАЯ ВАХТА

Северина ШМАГЛЕВСКАЯ

Когда костер погас, Мацек Оса поднес к губам свисток, созвал свой отряд и объявил:

— Черноногие! Сегодня мы несем вахту в лагере.

Марек вскочил и исполнил самый дикий танец восторга. При этом хохолок, непослушно торчащий у него надо лбом, тоже заплясал от стремительных движений Марека.

— Я хочу в черную вахту! Когда ночь чернее чернил! Мацек, запиши меня! В самое скверное дежурство! В самое трудное!

— И я с тобой! — взмолился Фелек.

Не отстал Фелек ни от Марека, ни от Мацека, пока не добился своего: в блокноте вожатого отряда, там, где было расписание дежурств, появилось его имя.

После ужина все быстро разошлись по палаткам, только Блыскавица и Юзек пошли нести свою первую вахту, важные, с палками в руках, с накинутыми на одно плечо одеялами.

— Который час? — спросил Марек.

— Без семи девять... Спать! Чтобы и духу вашего здесь не было! — скомандовал вожатый.

Он ушел, а Марек и Фелек глядели ему вслед, пока его фигура, пересекая тени на траве, не исчезла среди деревьев и палаток.

...Фелек перевернулся на другой бок, чтобы не видеть луны.

— Наверно, не засну,— вздохнул он.— Пахнет от этих цветников, как в парикмахерской.

— Я тоже, пожалуй, дождусь нашей вахты. Меньше двух часов осталось,— сказал Марек.

Однако оба тут же заснули таким крепким сном, какой обычно приходит после дня, проведенного на свежем воздухе. Кто-то потом тормошил их настойчиво, энергично и непрерывно. Мальчики догадывались, что надо вставать, но никак не могли проснуться.

— Через десять минут ваша вахта!.. Фелек! Эй, Фелек! Марек! Ну и крепко спят! Первый раз вижу, чтоб так спали! Вы что, не хотите вставать?

— Идем... уже идем,— бормотали оба сквозь сон и продолжали спать.

— К счастью, я знаю, как поступать с такими! — усмехнулся Юзек.

Он поспешно вышел из палатки, сорвал немного травы, мокрой от росы, и тотчас вернулся. Пучки мокрой травы легли на шеи мальчишкам.

Оба мгновенно вскочили. Полная темнота, ничего не видно. Фелек схватил штаны и запутался в длинных штанинах. Он брыкался, скакал и бормотал что-то, потеряв надежду на освобождение. Марек ходил по кругу, словно на карусели: он никак не мог найти одежду, хотя вечером уложил ее рядом с постелью.

— Провалилась сквозь землю! Черти утащили мою одежду! Я же помню, положил ее вот здесь, чтобы быстро найти.. И вот нет ее!

Юзек взглянул на светящийся циферблат часов:

— Через шесть минут ваше дежурство!.. С такими нужно няньку посылать в лагерь. Хотел бы я посмотреть на вас во время ночной тревоги! Небось, помчались бы нагишом! Ну, может, вам посветить фонарем?

— Не надо!

Для мальчиков делом чести было встать на дежурство быстро и без света. Марек вскочил на постель. И тут он без труда обнаружил приготовленную с вечера одежду...

Ребята пыхтели, торопливо затягивали пояса, надевали шапки.

— Готово!

— Можем идти!

Палку в руки, одеяло на плечо. Вышли. Они ожидали, что луна светит так, как это было в девять, когда укладывались спать. Но из палатки, полной тепла и сонного дыхания, они сразу окунулись в холодную тьму. Юзек подал Фелеку фонарь и дружески хлопнул обоих по спине.

— Уже полночь! — сказал он.— Передаем вам дежурство. Блыскавица, пошли спать. Доброй ночи!

Последние слова послышались сквозь зевок. Ребята слышали, как Блыскавица довольно быстро прошел мимо них,— видно, привык к темноте. Его голос прозвучал уже из палатки:

— Доброй ночи! Желаю удачи, ребята!

Фелек и Марек прошли немного вперед, не слыша даже собственных шагов. Они абсолютно ничего не могли рассмотреть в темноте. «Так можно наступить на вышедшего на охоту ежа, свалиться в воду или упасть в пропасть».

— Чернила,— пробормотал Марек, пытаясь сдержать дрожь в голосе.— Словно в чернилах плаваешь...

— Хо-о-лодно-о,— начал было Фелек, но зубы застучали так, что он предпочел замолчать.

— Накройся одеялом.

— Угм-м...

— Как-то изнутри холодно... Тебе тоже?

— Ага!

— Пошли! Обойдем территорию. Согреемся, глаза привыкнут к темноте.

Шли в абсолютном мраке. Продвигались вперед короткими, осторожными шагами. Их останавливал каждый шорох... Листва осин шелестела не громче и не страшней, чем днем, но ребятам вдруг почудился впереди шепот притаившегося чудовища, потом его вздох и крадущиеся шаги... Все ближе к ним! Явственнее! И... снова тишина! Словно «оно» их подстерегает... Ребята примолкли, затаили дыхание. Боялись пошевельнуться, чтобы не выдать себя и свой страх. Потом Марек осторожно потянул Фелека за руку, и они повернули в другую сторону. Теперь они шли вдоль палаток, мимо приоткрытых полотнищ входов. Оттуда веяло теплом, доносилось глубокое и спокойное дыхание спящих...

Внезапно кто-то забормотал, застонал странным, нечеловеческим голосом. Ребята окаменели. Вместо того, чтобы отскочить, отбежать хоть на несколько шагов, они стояли как вкопанные, и это было хуже всего. Ноги как будто корни пустили в землю, чтобы удержать ребят именно здесь, на этом месте. Все было, как в кошмарном сне, когда опасность надвигается все ближе и ближе, а ты не можешь пошевельнуться.

— Стой, кто идет?! — дрожащим голосом спросил Фелек.

Бормотание послышалось снова. На этот раз можно было разобрать несколько слов, и дежурные поняли, в чем дело.

— Буль-буль-буль...— сквозь сон бормотал чей-то хрипловатый голос.— Поцелуй меня в пятку... Буль-буль-буль...

Ребята невольно рассмеялись. Это принесло им облегчение.

— Белый Котик бормочет,— прошептал Марек.

В ответ он услышал глубокий вздох Фелека. Потом его осторожный, робкий голос:

— Можно тут вдосталь наслушаться и узнать, что ему снится.

Они некоторое время постояли у входа в палатку, вдыхая тепло, бьющее из-под парусины, и ждали, не угостит ли их Белый Котик еще какой-нибудь нелепой фразой. Тщетно они напрягали слух: спящий харцер уже не делал никаких интересных предложений и лишь время от времени повторял свое сонное «буль-буль-буль».

— Пошли дальше,— решительно сказал Марек.— Уйма времени прошла с той поры, как мы встали на вахту... Надо проверить территорию на той стороне.

— Который час? — с надеждой в голосе сам себя спросил Фелек.

Зажег фонарь. Посмотрел на часы.

— Неужели часы стоят? Не может же быть, чтобы было всего пять минут первого!

— О горе! — прошептал Марек и замолк.

Не хотелось признаваться, что очень уж медленной кажется ему теперь эта желанная «черная вахта»: ведь впереди оставалось еще сто пятнадцать минут! Правда, последние десять минут уйдут на то, чтобы разбудить сменщиков, но что делать с остальной сотней, с этой черной громадой времени?..

— Видишь что-нибудь? — спросил Марек.

Фелек отскочил назад. Голос его задрожал:

— Где?!. Где?!.

— Да чего ты испугался? Нигде... Просто мне интересно, привыкли твои глаза к темноте или нет.

— Спрашиваешь еще!

— Вот и у меня! Чернила, правда, изменили цвет с черного на темно-синий, но все равно ничего не видно. А тут еще разные светлячки мельтешат перед глазами. Только в жмурки играть, больше ничего...

— Ох, вот бы моя бабушка увидела меня сейчас! Дала бы она мне за этот харцерский лагерь: сразу велела бы ехать домой... Она у нас такая! А если бы ты знал нашего дядю! Никого не боится. Знаешь, что для него наша вахта? Нуль без палочки!

— Бабушка бабушкой, дядя дядей, а мы должны больше ходить по лагерю. Может, пройдем к складу продовольствия?

— Ну что ж, пошли. Потом отдохнем, посидим... Я расскажу тебе, какие штучки выкидывал мой дядя, когда ходил в школу.

Внезапно послышалась какая-то возня, глухой стук, и Марек почувствовал, что Фелек исчезает куда-то с возгласом: «Ой, мама!» Марек хотел было кинуться на помощь, но в эту минуту получил удар по голове...

— Стой! Кто идет?! — заорал Марек.

Тишина. Дул ветер, слегка шумела листва. Спустя минуту послышался сдавленный стон. Он доносился откуда-то снизу. Марек узнал голос приятеля.

— Фелек, ты где?! Отзовись!

Что-то копошилось неподалеку.

— Я здесь... Упал в канаву возле костра... Ничего, ничего, я уже выбираюсь.

— А кто же меня трахнул по голове?

— Не знаю. Куда девалась моя палка?

— Ага, наверно, это была палка-самопалка!.. Вон какую шишку поставила!..

— ...И пропала. Неужели провалилась сквозь землю?

— Я бы тоже так сделал, если бы кого-нибудь избил ни за что ни про что.

Фелек не ответил. Наклонившись, он шарил обеими руками по траве. После долгих поисков он нашел свою палку. Ребята стали рядом, озираясь. Смутно угадывались очертания палаток и больших деревьев, а между ними маячили во мраке расплывчатые очертания «чего-то», напоминающего ростом и размерами людей. Елочки не елочки, можжевельник не можжевельник...

ШУТКИ В СВОБОДНЫЕ МИНУТКИ

ОН НИ ПРИ ЧЕМ

Учитель: — Клопсинский, скажи мне, что ты знаешь о расщеплении атома?

Клопсинский: — Честное слово, пан учитель, ничего не знаю. Это, наверно, сделали ребята из 7-го «В»...

КНИГИ — ЕГО СТРАСТЬ

— Знаешь, Казик, в моей библиотеке уже сто книг!

— А каких у тебя больше: исторических, приключенческих или научно-популярных?

— Больше всего одолженных...

МАЛЕНЬКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

«Меняю две совершенно новые двойки на одну четверку. Можно бывшую в употреблении».

Наивный.

«Срочно куплю электронный мозг, самостоятельно решающий алгебраические задачи. Или шапку-невидимку».

Двоечник.

Общество польско-советской дружбы

Общество польско-советской дружбы возникло в первые годы существования Народной Польши. Оно объединяет самые широкие слои населения. Миллионы ребят состоят в школьных кружках «Друзья СССР». Почти в каждой второй школе есть такой кружок, а по всей Польше их насчитывается тринадцать тысяч. Мальчики и девочки с интересом изучают жизнь Страны Советов, знакомятся с традициями дружбы между польским и советским народами.

Каждый школьный кружок «Друзья СССР» старается работать как можно лучше и интереснее. Юные географы по книгам и атласам изучают сложную географию Советского Союза; юные техники строят модели атомного ледокола «Ленин», реактивного самолета «ТУ-104» или скоростных комбайнов. Девочки копируют узоры белорусских, украинских, латвийских или узбекских вышивок, любители пения пополняют свой репертуар новыми советскими песнями. Многие ребята собирают советские почтовые марки. В последнее время среди юных филателистов стало модным коллекционирование марок о космосе и достижениях советских космонавтов.

Как же наши юные друзья добывают образцы вышивок, ноты советских песен или описания новых моделей? Различные пути ищут находчивые активисты. Можно, например, сообща читать «Пионер» и другие советские журналы и там черпать необходимые сведения. Много интересного о Советском Союзе можно найти в журналах «Пломык» («Огонек») или «Пшиязнь млодых» («Дружба юных»), а если и этого мало, наши школьники вступают в переписку с советскими ребятами. Невозможно перечислить все школьные кружки, переписывающиеся со школами Советского Союза. Пожалуй, пришлось бы обратиться за помощью в электронно-вычислительный центр, чтобы подсчитать, сколько же конвертов с почтовыми марками, со спичечными этикетками и открытками с видами городов пересылается из Польши в Советский Союз.

Переписка наших школьников помогает им постигать тайны русской грамматики. «Как мне получше написать Коле (Ване или Маше), чтобы не осрамиться?»— думают не одна Зося и не один Стасик.

Члены школьных кружков «Друзья СССР» часто организуют межшкольные, уездные и областные конкурсы, турниры и встречи. Например: кто лучше прочтет стихи Маяковского, кто нарисует наиболее выразительные и яркие иллюстрации к книге Катаева «Белеет парус одинокий», какой кружок устроит самый интересный вечер, посвященный братству советских и польских воинов. О дружбе польских и советских ребят можно было бы говорить долго, очень долго...

Школьные кружки «Друзья СССР» всегда отмечают даты, дорогие советским людям: будь то сбор, посвященный памяти Тараса Шевченко, или выставка достижений советской астронавтики, или всепольский слет харцеров в Поронине в честь 50-й годовщины приезда В. И. Ленина в Польшу.

Юные друзья много знают о Советском Союзе, и если кому-нибудь из школьников захочется проверить выполненное им задание по русскому языку или узнать, какие почтовые марки выпущены в честь полетов Ю. Гагарина и Г. Титова, или при разгадке кроссворда вспомнить имя известного русского художника XIX века, или узнать название одного из притоков Оби,— он, не задумываясь, обратится к активисту школьного кружка «Друзья СССР». И тот — можете не сомневаться! — охотно и исчерпывающе ответит на вопрос товарища.

Чеслав ТАРЧИНСКИЙ

ПЕРЕКЛИЧКА ГОРОДОВ

— Как зовут тебя?
— Москва.
А тебя?
— Варшава.
Мы ж с тобой одна семья,
в гости к нам пожалуй!

— Как дела?
— Мы строим школы.
А у вас?
— Идут дела!
Труд кипит,
чтоб день веселый
семилетка принесла.

— Ну а реки?
— Наряжаем
их в ажурные мосты.
— А деревья?
— Мы сажаем
сад весенней красоты,
чтоб желанными плодами
мир на землю снизошел,
чтобы хлебом и цветами
был украшен каждый стол.

Мир...
Как дерево, шуми ты
за окном!
Добрым счастьем одели ты
каждый дом.
В землю корни вековечные
пусти,
крону вынеси ты
к Млечному Пути!
Чтобы птицы
звонко пели
всюду и всегда...

Так друг с другом
говорили города.

К. Галчинский
Перевел Я. Аким.

наша почта

ЧТО МЫ ХОТИМ СКАЗАТЬ ДРУГ ДРУГУ

Эта страница «Пломыка» — как об этом свидетельствуют рассыпанные по ней алые сердца — страница сердечная, задушевная, страница друзей. Здесь вы прочитаете письма наших читателей, которые рассказывают о своих радостях и печалях, о достижениях и сомнениях — одним словом, обо всем, что обычно поверяют друг другу верные друзья.

Не так давно журнал «Пломык» провел кампанию под девизом «Чилапо». Это таинственное слово расшифровывается просто: оно составлено из сокращенных слов: «чисто», «красиво», «аккуратно» (по-польски: «чисто», «ладне», «пожондне»).

Вести об участии наших читателей в этой кампании приходят со всех концов страны. Вот одно из сообщений:

«В ответ на заметку под девизом «Чилапо» шлем первый рапорт.

Работу мы начали с уборки школы. Стараемся не мусорить в классе.

Затем мы очистили площадку перед школой от сорняков и разровняли ее граблями. Наши мальчики сделали кормушки для птиц. Мы поддерживаем порядок и у себя дома. Нашу работу оценивает комиссия, состоящая из трех учеников и учителя. Она обращает внимание учеников на порядок в крестьянских дворах».

3-й и 4-й классы начальной школы в Каргине

В сказках часто говорится о кладах, зарытых где нибудь под камнем или спрятанных в таинственном замке. Но наших читателей интересуют совсем иные клады. Например... старые газеты. Нет, нет, это не ошибка! Вы сначала послушайте:

«В июле прошлого года я участвовала в двухнедельном лагерном слете в Гданьске. Из Варшавы в Гданьск и обратно я ехала на пароходе, по пути повидала много других городов. Жизнь в лагере, экскурсии и походы, купание в море доставили мне такую радость, что воспоминания об этом чудесном слете до сих пор живут в моей памяти.

Путевку в лагерь я получила в награду за сбор бумажной макулатуры. Наша школа заняла тогда первое место по всему воеводству.

Мы и сейчас собираем макулатуру. За первое полугодие этого года наша школа сдала в воеводскую контору «Вторсырье» в Люблине... 600 килограммов бумаги! Мы еще не знаем, какое место заняли, но стремимся завоевать первое.

Призываем девочек и мальчиков других школ: ребята, собирайте макулатуру! Каждый килограмм макулатуры сберегает наши леса!»

Иола Новак из Бяла-Подляски

А вот что пишут девочки из другой школы:

«Есть в нашей школе мальчики, которые не выполняют классных заданий. Перед уроками они списывают их из наших тетрадей.

Давать им списывать или не надо?

Замечу, что эти мальчики — хорошие ученики, в классе они решают такие же задачи на «хорошо».

Если не дашь им списывать, то они говорят: «эгоистка», если уступишь, то другие девочки видят в этом... любовь!

Как быть?»

Ирка В., Бася Т., Тереза II.

Вопрос, который затронули эти три подружки, пожалуй, волнует все школы на свете.

Как же все-таки быть со «слизыванием», подсказкой? Ведь и те, кто списывает задачи, и те, кто позволяет списывать из своих тетрадей, не убеждены, что поступают правильно. Верно? А все же... А все же это продолжается!

Может быть, следует всем собраться и побеседовать открыто друг с другом? Может быть, высказать свои мысли об этом здесь, на страницах «Пломыка»? Мы приглашаем на эту дискуссию и вас, дорогие русские друзья. Пишите нам!

Ваши письма не будут первыми. Редакция «Пломыка» получает много детских писем из Советского Союза. Мы передаем их нашим читателям, и это доставляет им большую радость.

Подумайте, разве это не радость — иметь сердечного друга, скажем, в Крыму или где-то за Уралом? А переписываться могут все польские ребята, ведь они изучают русский язык.

Теперь, в заключение, еще одно письмо — «для смеха».

«Как мальчик, с первого дня рождения, я и двух страниц «для девчонок» не могу прочесть. Однако как-то соблазнила меня заметка с многообещающим заголовком: «Оближешь пальчики!» Это был рецепт приготовления моментальных бутербродов. Согласно рецепту, я порубил мелко селедку, смешал ее с оливковым маслом (под рукою, как назло, не оказалось ни сливочного масла, ни маргарина) и намазал эту массу на ломти булки. Сверху на бутерброды для вкуса положил разные овощи. Попивая сладкий чай с молоком, собственноручно приготовленный мною, мы — несколько моих товарищей, младший брат и я — налопались до отвала.

Что касается товарищей, то я не знаю, что с ними произошло и почему после нашего пира они не пришли в школу. У меня же и у братишки страшно разболелись животы. Бутерброды подействовали на нас «спортивно» — мы оба стали спринтерами.

Два дня спустя разразился скандал. Куда-то пропало касторовое масло, и мама громко выражала свое недовольство тем, что в нашем доме ничего нельзя оставить. Как будто кому-то нужна касторка. Клянусь бабушкой, я ничего не знаю, не знаю, куда пропала касторка».

Стефан Г. из Катовиц

Но мы-то знаем!

Только за золото

ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Шагает Ясько по большаку и размышляет о своей горькой доле. Умер у него отец, и матушка наказала Яську возвратиться из города в деревню. А Яську неохота оставлять богатый город и возвращаться в убогую деревню, ой-ой, как неохота!

В городе ведь он нанялся было к лекарю, которого все паном доктором зовут. Вначале Ясько только воду носил, дрова рубил, комнаты подметал да начищал горшки на кухне. Но был он хлопец ловкий, прилежный, старательный, и пан доктор живо его к другой работе приспособил. Стал Ясько по чердакам да погребам паутину собирать, которую потом к ранам прикладывали, по лесам искал лечебные травы, что от разных болезней помогают, растирал порошки да мази, научился целебное питье настаивать.

И полюбилась ему эта работа, ох, как полюбилась! Смело можно сказать, что способности к этой работе у него в крови были. Лекарь, видя все это, с превеликой радостью Яська к себе в помощники взял. Научился Ясько и кровь больным пускать, и примочки делать, и повязки накладывать. Случалось, что за лекарем карету присылали, тогда Яську от богатых больных и подарки перепадали. Что и говорить, хорошо шли дела у Яська в городе! Справил ему лекарь одежку черного сукна да сапоги, а на дне сундучка, что стоял под кроватью у Яська в каморке, уже два золотых дуката ярче солнца поблескивали.

— Пришелся ты мне по сердцу, хлопец,— не раз говорил лекарь.— Учись только, присматривайся! Пройдет год-другой, ты и сам лечить людей сможешь.

Да вот беда нагрянула — умер отец, пришлось Яську с городом расстаться. Идет он дорогой, думу думает да судьбу свою клянет.

Небо тучами затянуло, дождь хлынул, ветер сорвался. У Яська от стужи зуб на зуб не попадает: кафтан-то, суконный, дареный, лекарь у него отобрал. Пришлось хлопцу в старой сермяге в дорогу пуститься. Только припрятанные за пазухой дукаты и согревают его.

— Ишь, погода какая, да и судьба моя не веселее! — причитает Ясько.— Хоть бы черт какой мне перемену наворожил.

Не успел он и двух шагов ступить, как слышит топот. Оглянулся в страхе, видит: прямо на него мчится возок, запряженный парой горячих скакунов. Бросился было Ясько в сторону, но чья-то сильная рука подняла лошадей на дыбы, и они остановились как вкопанные.

— И куда же это ты, хлопец, бредешь одинодинешенек? — окликнул его женский голос.— Если по пути нам, садись, подвезу!

Яську два раза повторять не надо было, вскочил он на козлы, видит, в возке женщина молодая ему улыбается и вожжи в руках держит. Хлестнула она лошадей, и возок помчался.

— А не страшно тебе? — спрашивает женщина.

— Мне-то чего бояться? — удивился Ясько.— Вот как это вам не боязно одной ехать, неровен час — разбойников по дороге повстречаете. У меня-то им поживиться нечем, а у вас — кони вон какие чудесные и возок...

— Не мне людей бояться! — расхохоталась женщина.— Пусть они моей силы остерегаются!

— Вот это здорово! — воскликнул Ясько.— Мне бы вашу силу — может, не пришлось бы в поле за плугом ходить.

Проехали они еще немного, а женщина и говорит:

— Сдается мне, хлопец, что ты судьбой своей недоволен.

— Ох, правда ваша! — с горечью отозвался Ясько.— Уж чего бы я, кажется, ни сделал, чтобы судьбу эту переменить.

— Есть способ твоей беде помочь,— сказала женщина,— только опасный... Слушай-ка, что я тебе скажу. Дам я тебе силу любую болезнь излечить, но с одним условием: ты людей лечи, но в уплату за лечение бери только золото... Чистое золото! Будь глух и слеп к мольбам и слезам! Хоть раз не возьмешь золота, погибнешь. Ну, как? Согласен? А будет у тебя нужда во мне,— приходи в лес полуночью, три раза совой прокричи — я мигом явлюсь.

Страх охватил Яська, но как представил он себе поле под жарким солнцем, почувствовал, как мозоли, натертые плугом, горят, тут же закричал:

— Будь что будет, я на все согласен!

Женщина остановила коней, повернулась к хлопцу и коснулась рукой его сердца. Чует Ясько, будто в нем что-то переменилось; оглядел себя, а сермяги его и след простыл: на нем черный суконный кафтан, золотыми галунами расшитый. Чудеса да и только! А странная женщина тем временем вышла уже из возка и передала Яську вожжи.

— А зовут-то вас как? — спохватился вдруг Ясько.— Кого мне благодарить за этакое счастье? И чем я расплачусь с вами за все?

Глянул еще раз на незнакомку, но и она уже не та, что была: не молодая женщина перед ним, а страшная, уродливая старуха. Опять стало Яську не по себе.

— Ты уж лучше не признавайся, что со мной дружбу ведешь! Лошадей с возком я дарю тебе. Будешь теперь людей лечить и только золотом брать за лечение. Золотом — запомни! А чем ты со мной за все расплатишься? — Она зловеще расхохоталась.— Вот мы увидимся скоро, тогда я скажу тебе... А зовусь я Поморчихой [1]...

---

[1] Поморчиха — персонаж польских народных сказок, вроде нашей бабы-яги. «Бабой Поморчихой» зовут в народе и смерть.

У Яська даже челюсть отвисла с перепугу, да поздно уже было. Кони рванули вскачь, а старуха на дороге точно сквозь землю провалилась.

Едет Яськo и надивиться не может, что за перемена с ним случилась. Нащупал он за пазухой заветный мешочек, а там не два дуката, а полным-полно золота... Оглянулся на возок, а возок весь узлами да свертками завален. Экое богатство ему привалило!

Кони летели стрелой, не успел наш Яськo оглянуться, как он уже у околицы родного села оказался. Подъехал Яськo к отцовской халупе. Матушка сидит на пороге, вглядывается в богатого проезжего, не узнает в нем родного сына.

— Матушка! — закричал Яськo.— Неужто вы забыли меня?..

— Чужой ты какой-то, мой сын совсем другой с виду был, прямо и не узнать,— говорит старуха, а сама все приглядывается к гостю.

Вошли они в дом. Яськo все узлы из возка притащил, по скамьям пораскладывал, а как он на стол свое золото высыпал, у матери его даже дух перехватило. Оробела она.

— А честным ли путем ты все это, сынок, добыл?

— Да что вы, матушка,— рассмеялся он в ответ.— Ни одной живой души я не обидел. Просто не зря я в городе четыре года провел. Надо нам сейчас подумать да хороший дом построить.

И вот у матушки Яська дом каменный и хозяйство не хуже барского, и слуг у нее полон двор, и платье богатое, и сын — доктор, да нету счастья настоящего. Глянет она на сыночка, и сердце у нее кровью обольется: ох, не похож этот пан доктор на ее Яська, ох, не похож!

Заболел как-то в замке каштелян (управляющий), призывает он к себе Яська.

— Мешок золота я тебе отвалю, верни только мне здоровье! — говорит.— Я еще пожить хочу.

— Ясновельможный пан каштелян,— отвечает ему Яськo,— вылечить-то я вас вылечу, да только не один, а два мешка золота придется заплатить.

Глянул каштелян на смельчака и говорит:

— Ладно, дам тебе и два, только поторопись, хлопец, никак уже баба Поморчиха стучится у ворот.

— Не страшна она нам, ясновельможный пан, в какой дом я вошел, туда ей путь заказан!

И вылечил доктор Яськo каштеляна. Встал каштелян с постели.

Пошел по селу слух о чудесном исцелении.

Случилось как-то, что старого лесоруба придавило деревом. Привезли его домой едва живого. Тут же за Яськом послали.

Пришел он, осмотрел больного и говорит, что помочь он может, но за это придется расплатиться золотым дукатом. Жена лесоруба, вся в слезах, молит Яська смилостивиться, не запрашивать так дорого, но пан доктор твердо стоит на своем.

Единственная дочка лесоруба, которая была уже просватана, кинулась в камору, вытащила со дна сундука тот заветный золотой, что был ей в приданое припасен. Взял Яськo дукат, а лесоруба так ладно вылечил, что у того ни шрама, ни отметинки не осталось. Да вот только... дочка лесоруба так

замуж и не вышла, отказался жених бесприданницу взять.

Однажды у соседа Яська захворал сын. Сильно горевали отец с матерью, сын-то у них был один-единственный. Послали они за Яськом.

Пришел Яськo, поглядел на больного, покачал головой и говорит, что и тут дело без золотого дуката не обойдется. Отец с матерью в плач: где им, беднякам, золотом расплачиваться, когда в закромах пусто, а землицы кот наплакал? Но на все их уговоры Яськo отвечал, что без дуката он и пальцем о палец не ударит. Повернулся и пошел домой. А соседский сын вскоре умер.

Заболела в бедняцкой семье дочка. Никто ничем ей не мог помочь, и тогда решились родители Яська позвать. Пришел он, поглядел на больную и потребовал два дуката. У бедняков, кроме этой дочки, детей не было, и решили они все свое хозяйство продать, лишь бы девушку спасти. Как порешили, так и сделали. Яськo девушку вылечил, дукаты взял, а до остального ему и дела нет. Родителям девушки пришлось до конца своей жизни по чужим людям себе на кусок хлеба зарабатывать.

Время шло. Яськo богател, а мать его со стыда вовсе перестала из дому выходить.

А Яськo разъезжал по замкам да по усадьбам, ясновельможных панов лечил, да и сам жил не хуже ясновельможного пана. В бедные домишки он не заглядывал, да и бедняки давно перестали его приглашать.

Но вот однажды прослышал Яськo, что у вдовы, что жила за деревенской околицей, тяжко захворала сиротка, которую вдова вместо дочери родной растила. Никто туда Яська не звал, да он сам заглянул к вдове из любопытства.

— Добрый день, тетушка,— поздоровался он, входя.— Слыхал я, что у вас в доме больная.

— Спасибо на добром слове, пан доктор,— низко кланяясь, ответила вдова,— занемогла вот моя сиротинка, доченька моя... Только лечить у вас я ее не могу: ведь эта хата и та не моя... Не судил, видно, господь жить моему ангелочку... А какая она, пан доктор, добрая, какая веселая была, никого на свете не обидит, а в беде какой если помочь не в силах, так хоть развеселит человека...

Подошел Яськo поближе к больной и замер от восхищения: личико девушки сияло такой добротой, что у него что-то шевельнулось в сердце. А ведь до этого сердце его было, как кусок тяжелого, холодного золота. Глядел он на девушку, а сердце его потихоньку, потихоньку стало постукивать.

— Не горюйте, тетушка! — воскликнул он.— Спасу я вашу доченьку!

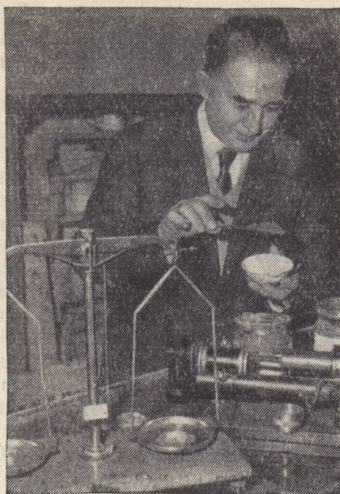
И вдруг прозвучали у него в ушах слова: «За золото! Только за золото, иначе погибнешь!»

Охватила Яська тревога, глядит он на девушку, и хочет ей помочь, и боится.

«Нужно Поморчиху вызвать,— думает,— попрошу ее за девушку».

Выбежал он из вдовьей халупы и помчался в лес. Дождался полуночи и трижды совой прокричал. Раздался шорох — и тут, откуда ни возьмись,

ЦЕБЕРТИЗАЦИЯ Профессора ЦЕБЕРТОВИЧА

Профессор, доктор, инженер Ромуальд Цебертович — прославленный польский ученый. Мировую славу ему принес изобретенный им и проверенный на практике метод укрепления ненадежных для строительства грунтов.

Специалисты называют изобретение Цебертовича электрогеометодом, но у него есть еще одно широко известное название, связанное с именем изобретателя: «цебертизация».

Цебертизация превращает плывуны и сыпучие слои земли в твердые, как скала, грунты с помощью так называемых электрокинетических процессов.

«Электрогеометод», «электрокинетические процессы»... Эти научные названия людям непосвященным не говорят ничего, кроме того, что в них участвует электричество. Вот как оно работает.

Во влажный грунт вбиты металлические штыри. Электрический ток, пробегая по штырям, уносит с собой водяные частицы. Получается так, что один штырь отталкивает от себя влагу, а другой притягивает ее. Воду, собирающуюся вокруг этого штыря, насосом откачивают на поверхность земли. А вместо нее в грунт вводят известь и жидкое стекло. Электрический ток разносит их по всему слою земли. Благодаря им плывун или сыпучий грунт густеет, твердеет, превращается в монолитный, твердый грунт. Вот это и есть цебертизация.

Этот метод помог провести ряд спасательных работ в Польше и за границей. В Польше удалось спасти от обвала старинный костел св. Анны, укрепить грунт под несколькими другими зданиями в Варшаве, а также под средневековым замком в Курнике. Укреплен также фундамент Металлургического завода имени 1 Мая в Гливицах, сохранены ценнейшие раскопки древнеславянского поселения в Бискупине и фундамент Познанского кафедрального собора. Ликвидированы трещины в противопаводковых плотинах на Висле около Гданьска и проведено много других подобных работ.

Электрогеометод вот уже несколько лет с отличными результатами применяется в Венгрии, Румынии и Китае. Наши китайские друзья при помощи цебертизации укрепили грунт на грозящей обвалом стройке большого сахарного комбината в Цзянмуси на реке Сунгари.

О спасательных работах в Китае стало известно в других странах, и этим методом заинтересовались во всем мире. Профессора Цебертовича пригласили в Италию, чтобы он разработал способ спасения бесценных памятников древней культуры в Венеции, Риме, Падуе, Милане и Пизе, которым угрожает разрушение. В Пизе речь идет о спасении от обвала знаменитой «падающей башни».

В прошлом году профессор Цебертович вместе с двумя польскими инженерами разработал необычайно интересный проект сохранения древних египетских храмов в Абу Симбель. Этим бесценным памятникам грозит затопление, когда будет построена высотная Асуанская плотина и воды Нила образуют огромное искусственное озеро.

Польский ученый предложил прикрыть эти храмы, устроенные в скале, специальными экранами, которые образуют как бы тамбур храма. Трещины в скале, сильно выветрившейся за несколько веков, тоже можно укрепить по методу профессора Цебертовича.

Витольд ШОЛГИНЯ

Поморчиха, еще страшнее и еще худее, чем была раньше. Как сама смерть!

— Хи-хи-хи,— злобно захихикала она,— что, дружок, захотелось тебе без золота девушку вылечить? А ты забыл наш уговор? Нет, дружок, только за золото, иначе ты погибнешь!

— Поморчиха,— кинулся Ясько перед старухой на колени,— я все тебе отдам, все, что имею, только подари мне жизнь этой девушки, подари!

— Нет, от договора я не отступлю: «Только за золото!» — И старуха вплотную приблизила к нему свое перекошенное от злости лицо. Глаза ее метали искры. Задрожал перепуганный Ясько, отступил, и видение исчезло. Бросился он в отчаянии на землю. Хочется ему спасти сиротку, но и с жизнью жаль расставаться.

«Как же быть? Неужто жизнь за нее отдать?»

«А чего моя жизнь стоит?! — внезапно пришло ему на ум.— Столько пролито из-за меня слез, а все — это золото, проклятое золото!» Сел он на землю под дубом и закрыл глаза. И встала перед ним вся кривда людская, все горести, что принес он людям: дочь лесоруба, что из-за него замуж не вышла, сын соседа, который из-за него умер, бедные крестьяне, что из-за него совсем нищими стали, и многие, многие другие... Нет! Не бывать тому, чтобы и эта добрая сиротка из-за него умерла!

Вернулся он в домишко вдовы и до утра ни на шаг не отходил от больной, как умел боролся с болезнью. А когда увидел, что возвращается девушка к жизни, пошел снова в лес.

К вечеру лесорубы, возвращаясь из лесу, нашли под дубом мертвого Яська.

И пошла между людей молва, будто это злоба Яська задушила, не мог он, мол, простить себе, что сиротку без всякого золота вылечил.

Обработала Я. Яблонская.
Перевел М. Брухнов.

Фридерик Шопен.

ЕДЕТ КАЦПЕР

Слова **Е. ЦЕЛЬБУРГ-ЗАРЕМБИНОЙ**

Перевела Н. НАЙДЕНОВА.

— Где Кацперек? — Здесь!
— Есть лошадка? — Есть!
— Ты бы с мельницы, дружок,
Нам привез крупы мешок!

1. Едет Кацпер: — Цок, цок, цок,
Цок, цок, цок, цок, цок, цок...
Он везет крупы мешок,
Да мешок, да мешок!

2. Едет Кацпер: — Э-ге-ге!
Э-ге-ге-ге! Э-ге-ге!
Нет веревки на мешке,
На мешке, на мешке!

3. Едет Кацпер: — Хет, хет, хет,
Хет, хет, хет, хет, хет, хет!
За телегой белый след,
Белый след, белый след...

4. Едет Кацпер: — Туп, тупа.
Туп, туп, туп, туп, туп, тупа...
Вся просыпалась крупа,
Вся крупа, вся крупа!

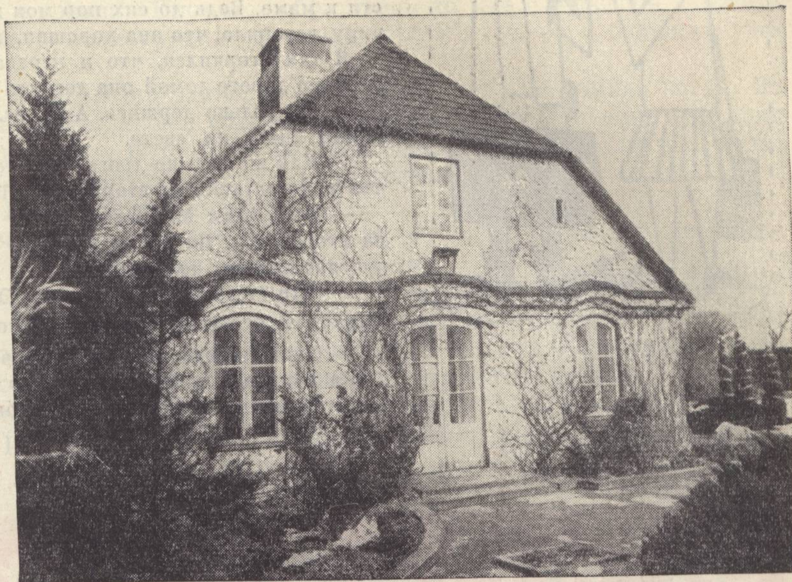
5. Едет Кацпер: — И-го-го!
И-го-го! И-го-го!
А в мешке-то ничего,
Ничего, ничего!

Музыка **В. МАЦУРЫ**

Говорят, что когда в февральскую ночь 1810 года в мазовецком селе Желязова Воля появился на свет Фридерик Шопен, под окном звучали песни народной капеллы.

Эти трогательные и живые мелодии сопутствовали Шопену в течение всего детства и очаровали его на всю жизнь. Они вдохновляли его. Они звучат в его гениальной музыке и до сих пор восхищают и волнуют людей всех рас и национальностей.

Народный ансамбль песни и танца «Мазовше», организованный в 1949 году Тадеушем Сегетинским, именуют «полпредом польской культуры».

Выступления этого ансамбля покорили многочисленных слушателей Европы и других континентов.

Эта двойка по польскому свалилась па меня, словно удар грома среди ясного неба. К тому же еще в субботу, на последнем уроке. Оставалось всего несколько минут до звонка — можно сказать, что воскресенье уже почти началось. И вот за эти несколько несчастных минут у доски — двойка! А учительница еще добавила:

— Что скажет на это твоя мать? У тебя, наверное, нет сердца.

И тут я вдруг почувствовал, как сердце у меня дрогнуло от жалости к маме. Ведь до сих пор моя мама всегда хвалила нашу учительницу, говорила, что она хорошая, а теперь...

Я так огорчился, что и передать не могу. Видимо, это заметила Зося: по дороге домой она догнала меня и говорит:

— Ты только держись. А то, если дрогнешь, это самое плохое, что может быть на свете.

— Как же мне не дрогнуть,— говорю я ей,— когда по всему видно, что меня оставят на второй год? Ты бы не струхнула на моем месте?

— Нет! Адам Мицкевич, когда еще был маленьким, тоже остался на второй год. Но он не дрогнул, а стал так стараться, что оказался прославленным человеком...

— Что ты говоришь, Зося! Это правда? — перебил я ее.— Тот Мицкевич, что стоит на Краковском Предместье? Откуда ты знаешь?

— Знаю твердо: мой папа об этом в книге прочитал... Тот самый.

На сердце у меня сразу стало легче. Пришел я домой и говорю:

— Мамочка, хотела бы ты, чтобы я стал прославленным человеком?

Я и Адам Мицкевич

— Я хочу, чтобы ты вырос честным человеком,— ответила мама.

— Конечно, честным, по ведь я могу быть еще и знаменитым. Таким, например, как Адам Мицкевич...

— Адам Мицкевич? Ого! Но, милый мой, ведь это самый прославленный польский поэт... Куда тебе до него! Очень далеко...

— Может быть, и не так уж далеко,— говорю я.— Когда Мицкевич ходил в школу, то он тоже на второй год остался.

— Тоже?!—воскликнула мама и подошла ко мне.— Что это значит— «тоже»? Отвечай сейчас же!

— Разве ты не знаешь, что Мицкевич...

— О Мицкевиче я все знаю, но покажи-ка дневник!

Ничего не поделаешь! Я не мог уже больше скрывать того, что произошло, и рассказал о нашей учительнице все. И еще попросил, чтобы мама не волновалась, потому что если Мицкевич «тоже», то... Но мама не дала мне закончить мысль:

— Перестань болтать о Мицкевиче и не доводи меня до крайности! Как это пришло тебе в голову равняться с ним? Мицкевич ребенком упал из окна и долго болел, не удивительно, что он остался на второй год. А ты?

— Ладно,— говорю,— если мамуся уж так хочет, чтобы я тоже упал из окна, то пожалуйста!.. Но ведь мы живем на третьем этаже...

И хотя я больше ни слова не сказал об Адаме Мицкевиче, мама все же «дошла до крайности».

Теперь я каждый день сижу над уроками как прикованный. И речи нет о том, чтобы я пошел по стопам Мицкевича.

Ну что ж, раз мама не хочет, то и не надо...

Ганна ОЖОГОВСКАЯ
Рисунки Б. Бутенко.

Дорогие Пионерки и Пионеры!

Дорогие друзья!

Дорогие юные художники и все читатели!

Редакция журнала «Пломык» обратилась ко мне с просьбой написать несколько слов о моем труде художника, что я и делаю с большим удовольствием.

Рисовать я начал так давно, что и в самом деле не помню, когда. Во всяком случае, когда я был совсем маленьким мазилой и еще держался за мамину юбку. В те времена, если соседки спрашивали мою мать, умею ли я что-нибудь говорить, мама отвечала:

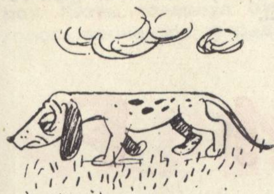
— Пока еще только рисует...

Насколько я себя помню, эти рисунки были более или менее похожи на тот, что помещен вот здесь рядом.

Как легко догадаться, рисунок этот изображает мою сестру. Правда, ноги у нее почему-то начинались на голове, но зато косы очень похожи. Рисовал я тогда точно так же, как и все другие дети, и лишь со временем научился рисовать чуть-чуть получше.

Пользуясь случаем, хочу в заключение нарисовать вам двух собачек и добавить к рисунку несколько переделанную для вас народную песенку:

Песик плелся полем,
Опустивши носик:
«Плохо быть не в школе!»—
Жаловался песик...
Ой, дана!

Мчался пес
Через овес,
Хвост трубою гордо нес:
«Я теперь ученый пес!»
Ой, дана!

С приветом

ZBIGNIEW LENGREN

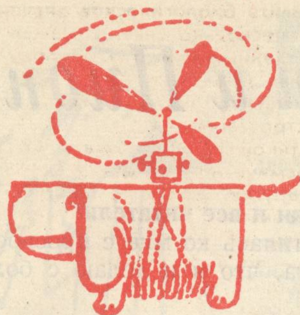
(ЗБИГНЕВ ЛЕНГРЕН)

— Ой, бабушка! Как хорошо в школе — я играю центра нападения!

— Шею мыть ни за что не буду: сегодня у меня выходной!

СОБАКА С АТОМНЫМ ДВИГАТЕЛЕМ

Мне сто восемьдесят четыре года, но я еще молод. Однажды захотелось мне проведать тетю, которая живет в деревне. Я сажусь в «сагер» (мой личный вертолет) и лечу. Вижу, расстилаются распаханные поля. Людей не видно: работают машины, управляемые радаром. На некоторых полях различаю съедобные растения, завезенные с недавно открытого континента Агриполя! Растения эти сохраняют людям молодость и долговечность.

Приземляюсь на лужке возле дома тети. Вхожу в дом. Жарко. Нажимаю кнопку, и передо мной появляется стакан холодного молока. Молоко приготовлено из марсианской травы, она придает ему особый вкус и запах.

Когда я вышел из дома, я увидел пса Пуца, который гонялся за воробьями. Пуц поднимался в воздух с помощью атомного моторчика, прикрепленного к шее.

Сажусь в свой «сагер» и стартую.

Возвращаюсь домой. Наступает ночь, и я ложусь спать. Мне нужно выучить стихотворение, поэтому читаю стихи и глотаю таблетку «Пауна». Завтра буду знать стихотворение наизусть.

Наступила последняя ночь мая 2143 года.

Ян Дудек, 10 лет

ХОЧУ БЫТЬ ВРАЧОМ

Как я себе представляю работу врача в 2155 году? Послушайте.

Сижу я в своей квартире на двадцатом этаже огромного дома, стены которого сделаны из стекла. Вдруг из репродуктора телевизора раздается голос. Это меня вызывает мать ребенка, которому нужна помощь.

Я одеваюсь. Нажимаю кнопку, стена раздвигается, и я вхожу в лифт, который быстро поднимает меня на крышу дома. Здесь стоит моя машина. Я завожу мотор. Машина выдвигает крылья и взмывает вверх.

Проходит несколько секунд, и я на месте. Приземляюсь на крышу дома и на лифте добираюсь к квартире больного ребенка. Нельзя терять ни минуты. Я по радио сообщаю в больницу, чтобы подготовили операционную. Лечу в больницу с больным ребенком.

Кладу его на операционный стол, загораются лампы, начинают работать аппараты, и я вижу маленькое бьющееся сердечко, кровь, циркулирующую в жилах, и воспаленный отросток слепой кишки. Один укол, один разрез — и все уже позади. Ребенок улыбается мне, ему уже ничто не грозит.

Беата Степек, 11 лет

РОКОВАЯ ОШИБКА, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИСПОРЧЕННОГО РОБОТА

Юзеф Скорупка, ученик 5-го класса варшавской начальной школы № 164, проснулся и с беспокойством взглянул на часы.

— Ой, Юзек, уже 7.45, а задачи по математике и биологии еще не сделаны!.. Этот лодырь робот должен был разбудить меня в шесть, ведь до десяти я не успею их решить...

Мальчика терзали угрызения совести: он уже жалел, что вчера, воспользовавшись отсутствием родителей, вместо того чтобы учить уроки, отправился на короткую прогулку вокруг земного шара в ракете, подаренной дядей ко дню рождения.

Юзек вскочил с постели, подпрыгнул и нажал одну из кнопок на ночном столике с надписью: «Робот Юзека».

В ту же минуту открылась дверь, и в комнату почти беззвучно вошел пластмассовый робот среднего роста.

— Чего хочет Юзек? — спросил он хриплым, словно из мегафона голосом.

«Снова хрипит, как простуженный,— подумал Юзек.— Наверно, лампа КРГ-273 сдает...»

— Быстро принеси мне завтрак, а потом лети к Франеку Новаку на улицу Новый мир, 45, квартира 59 и попроси его одолжить мне свой маленький электронный мозг.

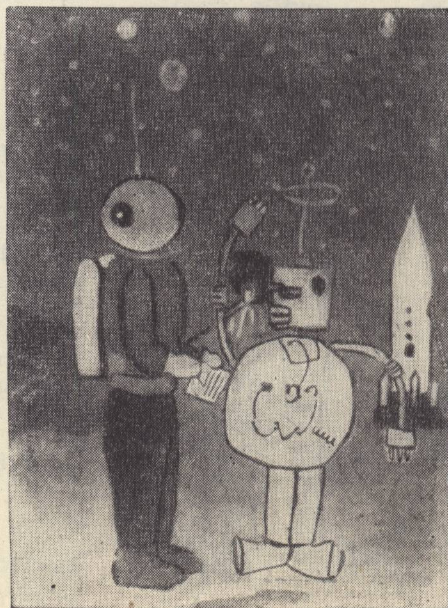
— Да, хрррр...— захрипел робот и вышел.

Вскоре он вернулся, толкая перед собой столик на маленьких резиновых колесиках. На столике были бутерброды с ветчиной и термос с кофе.

— А теперь к Франеку! — сказал Юзек, вонзая зубы в свежую, хрустящую булку.— Возьми мой геликоптер, так будет скорее...

Робот исчез за дверью.

М И Р

На другой планете. Кристина Домбровская из Живца.

Не успел еще Юзек покончить с завтраком, как робот вернулся, в руках у него был маленький чемоданчик. Робот положил его на письменный стол Юзека.

— Франек был дома? — спросил Юзек.

— Франек... хррр... хррр...

«Невозможно разобрать, что говорит эта балда»,— подумал Юзек и обратился к роботу:

— Вот тебе 30 злотых, сбегай на Пенькную улицу, 103, в мастерскую по ремонту электронных машин. Пусть тебе заменят лампу КРГ-273. Понял? И имей в виду, обед должен быть готов к часу. В два наш класс летит в Рио-де-Жанейро на международный футбольный матч Бразилия — Уругвай...

— Да, хррр... хррр...— захрипел робот и тут же исчез за дверью.

После завтрака Юзек вынул из чемоданчика небольшой аппарат, похожий на счетную машину, соединенную с малюсеньким телевизором. Внизу на аппарате было несколько рядов маленьких клавишей. В центре помещался крохотный экран, а сбоку — микрофон.

Школьный совет категорически запретил пользоваться электронным мозгом для решения задач, и Юзек никогда не прибегал к его помощи и все задачи решал самостоятельно. Если бы не сегодняшнее классное собрание, Юзек попытался бы оправдаться перед учителем за невыполненные уроки. Но теперь он рисковать не хотел.

«Один-единственный раз воспользуюсь электронным мозгом, кое-что изменю в решении и никто не узнает»,— подумал Юзек. Он вставил вилку аппарата в розетку, нажал несколько клавишей. Экран засветился бледно-голубым огнем.

В репродукторе послышался едва слышный шорох. Юзек повернул рукоятку микрофона и вполголоса прочел по тетради:

— Определить биологическое значение леса...

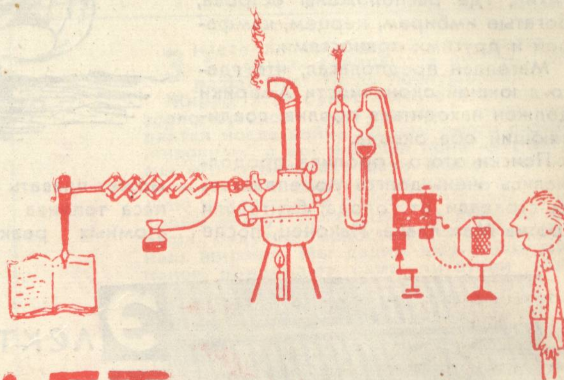
Подождал несколько секунд. Нажал кнопку, и какой-то таинственный голос из репродуктора медленно и отчетливо произнес:

— Биологическое значение леса состоит в том...

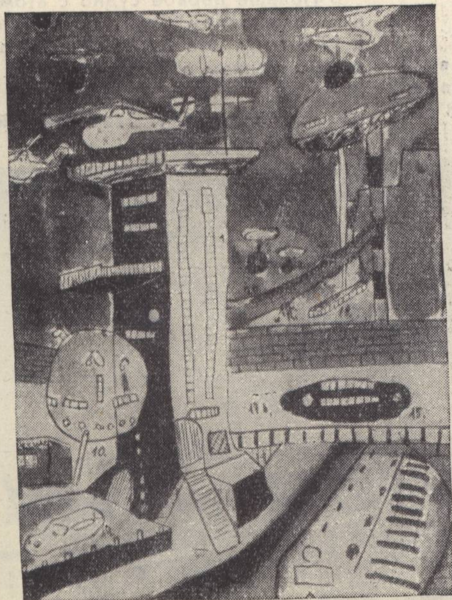
Юзек быстро записывал.

С математикой пошло еще легче. При подсчете скорости космической ракеты Юзек нарочно сообщил мозгу другую исходную цифру — не 54 630 километров в секунду, а 54 430. «Вместо пятерки получу тройку или четверку, зато учитель ни о чем не догадается»,— подумал Юзек. Он быстро собрал книги и тетради в портфель и побежал к лифту, захватив по дороге в прихожей складной вертолет.

Две минуты спустя Юзек уже был на плоской крыше сорокаэтажного дома. Укрепил на спине небольшой пластмассовый ящик, из которого прямо над головой выступал небольшой горизонтальный винт, как в геликоптере. Широкие пояса охватили грудь и ноги. Проверив, все ли в порядке, Юзек нажал кнопку на щитке, прикрепленном к груди, и мгновенно поднялся в воздух. С помощью ног он направил вертолет в нужном направлении и через

ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

Город в XXI веке. Гжегож Хованец, 10 лет, и Эдмунд Новак, 10 лет, из Руды-Шленской.

несколько секунд мчался рядом со своими одноклассниками. Вскоре ребята были уже на крыше школы. Как только они спустились в лифте на свой этаж, раздался звонок.

Первый урок — математика. Проверяя домашние задания, учитель остановился возле Юзека.

— Кто тебе решил задачу? — спросил он, быстро взглянув на мальчика.

Юзек покраснел до самых ушей.

— Ну кто же... я сам...

— Так ли это? Не лги, мой мальчик... Лучше скажи мне, зачем тебе сегодня понадобился электронный мозг?

— А вы... откуда вы знаете? — еще больше краснея, спросил Юзек.

— Очень просто. Твой робот ошибся и вместо того, чтобы взять аппарат у Франека, одолжил его у меня... Ты же знаешь, что я живу в одном доме с Франеком, в квартире 68... Пошли своего робота в ремонт. Я никак не мог с ним договориться...

Богдан Внентшак, 12 лет
Гиловице, уезд Живец.

Письма и рисунки взяты из очень интересной книги «Мир через 100 лет» под редакцией Ст. Александжака.

КТО ПЕРВЫМ ОБЪЕХАЛ ВОКРУГ СВЕТА!

В первое кругосветное путешествие отправился в 1519 году адмирал Фернандо Магеллан, португалец, состоявший на испанской службе. Вышел он из испанского порта Сан Люкар во главе эскадры из пяти кораблей. Экипаж этих кораблей состоял из 265 человек.

Магеллан решил найти морской путь из Атлантического океана в Тихий, где расположены острова, богатые имбирем, перцем, камфарой и другими пряностями.

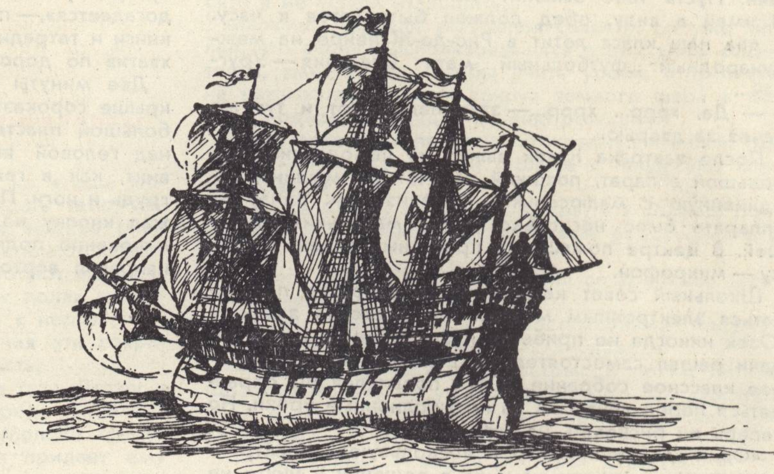
Магеллан предполагал, что где-то в южной оконечности Америки должен находиться пролив, соединяющий оба океана.

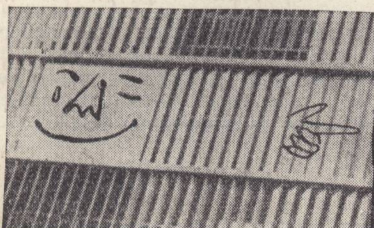
Поиски этого пролива продолжались очень долго. Мореплаватели страдали от голода, бунтовали против Магеллана. Наконец, после множества приключений пролив был открыт. Пройдя его, эскадра Магеллана продолжала свое путешествие через Тихий океан.

Из пяти каравелл Магеллана в Испанию вернулась только одна. На палубе ее находилось всего 18 моряков. Остальные, в их числе и сам Магеллан, погибли в пути.

Этим плаванием впервые было доказано, что Земля имеет форму шара. Для того, чтобы это доказать, морякам пришлось проделать трехлетнее путешествие.

В НАШИ ДНИ КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ ОБЛЕТАЮТ ЗЕМЛЮ ЗА ПОЛТОРА ЧАСА!

Электронный Мозг Отвечает

КАКИЕ БЫВАЮТ АТОМНЫЕ СУДНА!

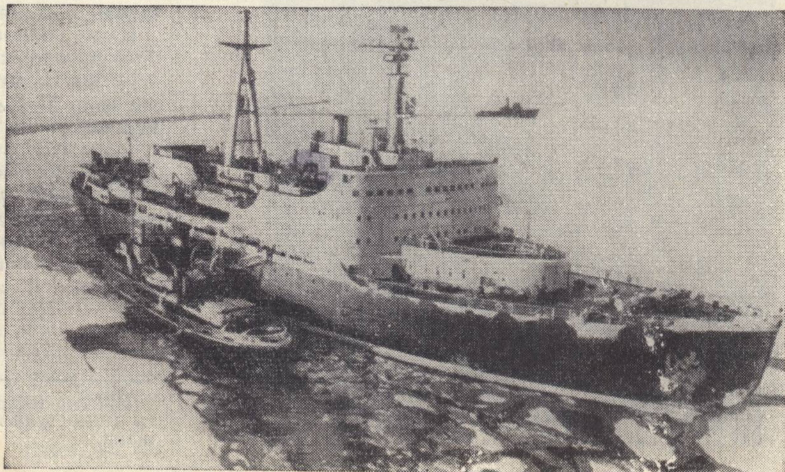
Самое крупное судно с атомным двигателем — это ледокол «Ленин», построенный в СССР. Благодаря атомному двигателю он может плавать без пополнения запаса топлива круглый год. При атомных реакторах двигающие турбины общей мощностью в 44 тысячи лошадиных сил позволяют ему развивать скорость в 18 узлов (около 33 километров) в час. Ломая ледяной покров толщиною около двух метров, «Ленин» идет со скоростью порядка двух узлов.

Ледокол «Ленин», ни разу не пополняя запас урана, при скорости в 18 узлов может семь раз обойти вокруг земного шара.

Другое судно с атомным двигателем построено в США — грузо-пассажирское судно «Саванна». Не пополняя запас урана, оно может плавать в течение двух лет.

В Польше первое судно с атомным двигателем будет построено в 1970 году. Это будет танкер водоизмещением в 35 тысяч тонн.

Записал Т. Тварогoвский.

МАЛЬЧИШКАМИ

ГОСТИ ИДУТ

Не велика штука угощать гостей вкусными вещами, купленными в магазине! Но хорошая хозяйка всегда сумеет даже нежданных гостей попотчевать чем-нибудь вкусным, наскоро приготовленным.

Попробуйте сделать так:

1. Тонко нарезанную булку обрызгайте молоком и поджарьте на масле или маргарине. Получатся аппетитные гренки. Посыпьте их тертым на терке сыром. Вкусно!

2. Нарезанные ломтики котлеты положите на небольшие кусочки хлеба, намазанные маслом или маргарином. Украсьте бутерброды ломтиками соленого огурца или смешанной с горчицей брусникой (можно и клюквой).

3. К мелко изрубленному яйцу добавьте немного молока, соли и мелко нарезанной петрушки. Можно добавить еще немного горчицы и мелко нарезанного лука и полученной массой намазать ломтики хлеба.

4. Если у вас найдется пачка сухого печенья, намажьте его джемом или творожной массой. Приготавливают ее так: смешайте творог с двумя-тремя ложками молока, добавьте по вкусу сахара, молотой корицы или ванильного сахара и вилкой тщательно разотрите массу. «Сырнички» можно украсить вишенкой или каплей джема другого сорта.

Разумеется, не следует забывать о чае. Подайте к нему одно из этих лакомств, и гости не уйдут от вас голодными.

М. К.

Пишите Войтеку

«Шли мы с девчонками в кино, а они вдруг ни с того ни с сего обиделись и перешли на другую сторону улицы. Сказали, что не будут ходить с теми, кто все время держит руки в карманах. А для чего же тогда карманы?

Казик З. и Нолек Б.».

ОТВЕЧАЮ.

Должен вам совершенно беспристрастно сказать, ребята, что девочки были правы. Если идете с девочками или со старшими, не держите руки в карманах, тем более что в этом нет никакой надобности. Если у вас мерзнут пальцы, наденьте перчатки или рукавички. Карманы служат для того, чтобы в них хранить носовой платок, расческу и другие необходимые мелочи. Гвозди, проволока, камни, веревки — нежелательное содержимое карманов!

Бывает, идешь по улице один и держишь руки в карманах.

Можешь!

Но если ты встречаешь кого-нибудь, с кем-нибудь здороваешься (даже не снимая шапки, если ее нет на твоей голове!), быстро вынь руки из карманов, как это делаю я, кланяясь вам.

Войтек.

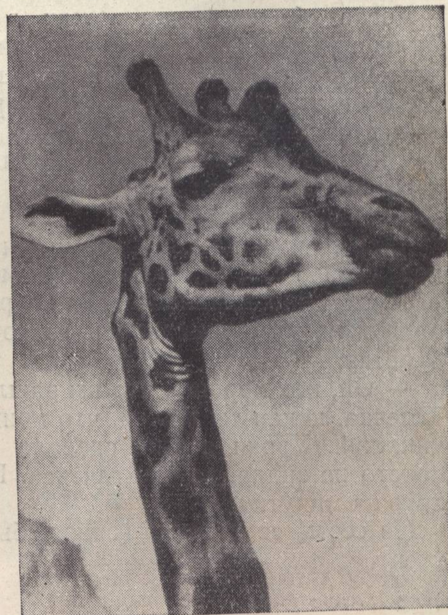
Операция „Жираф"

Знаете ли вы, друзья, что читатели «Пломыка» собираются купить... жирафа? Нет? Тогда послушайте!

Жираф этот будет жить в Варшавском зоологическом саду, который вновь создается после войны. В нем много разных животных, а вот жирафа пока нет. Когда мы его купим, все дети смогут посмотреть на него, подивиться на его длинную шею и маленькие рожки. И те ребята, которые внесут свой вклад на покупку жирафа, будут с гордостью говорить: «Это наш жираф». Мы дадим ему такое имя, какое придумают сами читатели «Пломыка».

Собрано уже около 10 тысяч злотых. Пожалуй, на одно копыто хватит!

Надеемся, что жар сердец наших читателей не ослабеет, и мы соберем деньги на всего жирафа. Точнее говоря (так нам сказали в дирекции зоосада), на двух диких кабанов из Беловежской пущи, которых потом обменяют за границей на «красотку с длинной шеей».

Между нами

Юлька и Сабинка

— Ты уже закончила?

— Закончила, Юленька... Уф! Ну и трудная была задача!..

— Но ты сама справилась с ней. Крися похвалила бы тебя. А что теперь будешь делать?

— Пожалуй, возьмусь за штопку. В шерстяных чулках продрались обе пятки, светятся, словно сито.

— Ладно, я тоже заштопаю свои перчатки. Но, прежде чем возьмемся за штопку, заглянем-ка на минутку к Янке. Я обещала отнести ей книгу, а одной что-то не хочется...

— Ну, так и быть, только быстро! Одевайся! Я тоже охотно пробегусь.

* * *

Когда обе подружки вошли в квартиру Янки, где они были несколько раз, их удивило необычайное зрелище: большая кухня, где обычно царил образцовый порядок, была заставлена стульями, диваном и другими вещами, вынесенными из комнат. Через распахнутые двери видно было, как мама Янки натирает пол.

Янка сидела на табурете у окна, поджав под себя ноги, и, обняв руками колени, бессмысленно качалась взад-вперед. Увидя подружек, Янка оживилась, соскочила с табуретки.

— Ой, как хорошо, что вы зашли ко мне. Юлечка, какая ты милая, что принесла мне книжку!.. Уроки я уже сделала и теперь просто не знала, за что взяться. Присядьте хоть на минутку.

Но сесть, собственно говоря, было негде: стулья поставлены один на другой, а стол, возле которого оставалось немного свободного места, был завален грязными тарелками и стаканами. Тут стояла даже кастрюля с остатками супа и торчащей из нее разливательной ложкой.

— Извините за такой тарарам, но мама сегодня наводит генеральный порядок в квартире и потому еще не успела помыть посуду после обеда,— сказала Янка.

— А ты, ты разве не помогаешь маме?— спросила удивленная Юля.

— Я? Моя мамуся такая милая, что вы просто не представляете себе. Она все делает сама, только бы мне хватало времени на подготовку уроков.

Тут в кухню вошла мать Янки. Она тяжело дышала, на ее лице блестели капельки пота. Но улыбалась она ласково.

— Ну, как дела, девочки? Ах, сегодня у нас такой беспорядок, что... Но одна комната сейчас будет готова, я перенесу стулья, и вы сможете перейти туда. А пока я поставлю чай... Эх, уголь кончился! Янця, дай-ка мне спички и свечку, они лежат вон там, на окне! Сейчас схожу в подвал...

— Дорогая моя мамочка! — прижалась к матери Янка, подавая спички.

— Ну, вот что, так не пойдет! — решительно и энергично сказала Сабинка, беря из рук удивленной женщины ведерко и свечу. — Янка, пошли в подвал! Вы сейчас вспотели, а в подвале холодно. Уголь принесем мы. Ну, быстро, быстро, девочки!

Когда уголь был доставлен в кухню, девочки поблагодарили мать Янки, но от чая отказались, сославшись на позднее время.

— Я провожу вас немножко,— предложила Янка.—Пройдусь по свежему воздуху. Не люблю я такого беспорядка дома!

— И ты действительно хочешь сейчас идти с нами? Сейчас? — с удивлением и подчеркивая последний вопрос, сказала Сабинка.

— Хочешь уйти на время уборки? — так же подчеркнуто спросила Юлька.

ПЛАТЬЯ ИЗ ДВУХ ЧАСТЕЙ

Платья из двух частей очень практичны, так как дают возможность по-разному комбинировать их. Можно носить юбку с жакетом или с блузкой, или — в более холодные дни — со свитером. Можно также вместо юбки носить брючки (лучше — гольф) с блузкой или толстым свитером.

Красивее всего такие платья будут выглядеть из ткани с красно-синей, красно-зеленой или сине-зеленой клеткой. К таким платьям подходят только одноцветные блузки и свитеры — лучше всего одного из цветов клетки.

Юбку хорошо сделать в складку, можно со встречными складками (их часто зашивают сверху до линии бедер). Такие юбки шьют прямыми из квадратного куска материи или расширяют книзу.

Жакетик делается с легкими вытачками, но целиком прямой, с застежками в один или два ряда. Можно надевать его и через голову (тогда он застегивается лишь на несколько пуговиц сверху). Любая отделка — пуговицы, канты, обшивка, строчка, застежки — должна подходить по цвету к основному материалу. Пользоваться отделкой надо продуманно и умеренно, простота — одно из главных условий красоты.

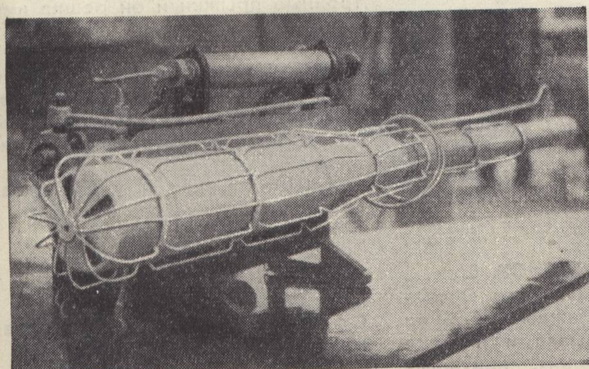

Я ВИДЕЛА ЭТО ВПЕРВЫЕ

ПОСТОЯННЫЙ КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ ПИСЬМО О НОВИНКАХ ТЕХНИКИ

В нашем селе и в его окрестностях много садов. Чтобы деревья хорошо плодоносили, их надо защищать от вредителей — гусениц, бабочек, червей.

Раньше у нас деревья опрыскивались с помощью ручного опрыскивателя. От ядовитых, разъедающих, жидкостей крестьяне всегда страдали: обжигали кожу рук и лица. Кроме того, такой опрыскиватель надо было таскать на спине, а он тяжелый.

Сейчас в нашем селе применяют современные аппараты, называемые «Пульсопыл». Это такой небольшой опрыскиватель, его легко переносить, и в течение очень короткого времени им можно опрыскать большие площади сада.

Распыляемая им ядовитая пыль попадает во все трещинки коры и на листья, уничтожая вредителей и их личинки. Пыль долго висит в воздухе и оседает медленно, а это еще больше помогает уничтожению вредителей.

Я хотела бы, чтобы все крестьяне применяли эти аппараты, тем более что государство продает их в рассрочку. Это большая помощь садоводам. А взамен государство получит крупные и здоровые плоды.

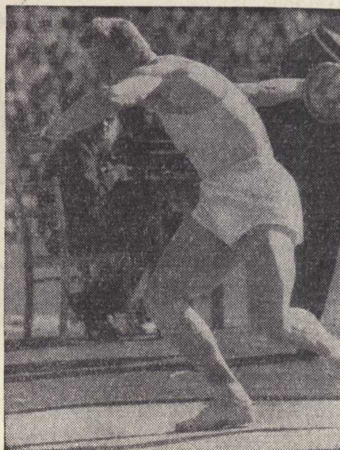
Барбара Сташалень
из Тенгобожа

девочками

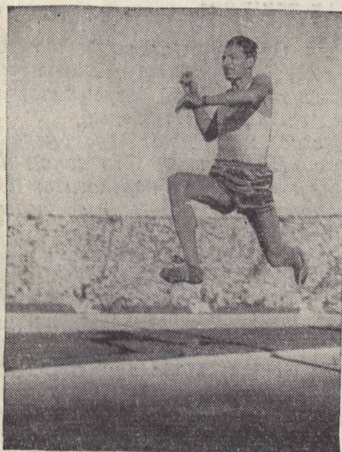

Здзислав Кшишковяк.

Эдмунд Пионтковский.

Юзеф Шмидт.

Польский спорт может похвалиться многими отличными спортсменами. Вот некоторые из них.

ЗДЗИСЛАВ КШИШКОВЯК. Бег на длинные дистанции.

В 1958 году на чемпионате Европы в Стокгольме он достиг первого успеха. Завоевал две золотых медали в беге на 5 и 10 тысяч метров. Золотую олимпийскую медаль он завоевал в 1960 году в Риме в беге на 3 тысячи метров с препятствиями.

Сегодня Кшишковяку уже 33 года. Достойный преемник нашего национального героя-бегуна Януша Кусочинского, он еще не закончил своей спортивной карьеры и по-прежнему остается бегуном высокого класса. Продуманная тренировка и сильная воля позволят ему одержать еще не одну победу. Можете себе представить, как горячо желают ему новых успехов наши юные читатели.

КАЗИМЕЖ ПАЗДЗИОР. Бокс.

Товарищи называли его «философом ринга». Каждый бой он тщательно обдумывал и никогда не допускал лишних, ненужных движений. Всегда был спокойным, уравновешенным, противникам никак не удавалось вывести его из себя.

В 1960 году на Олимпиаде в Риме он шел от победы к победе. Был награжден золотой медалью и признан лучшим по технике боксером соревнований.

Ныне Паздзиор уже не выступает на ринге. Он ушел с ринга непобежденным, в зените славы.

ЭДМУНД ПИОНТКОВСКИЙ. Метание диска.

В прошлом году любители легкой атлетики восхищались поединком Пионтковского с американцем Сильвестром. Кто первый перейдет «заколдованную» границу — 60 метров — в метании диска? Кто станет лучшим дискоболом мира?

Пионтковский дважды встречался с американцем: в Москве и в Варшаве. В обоих поединках победил Пионтковский, хотя ни ему, ни его сопернику не удалось бросить диск за отметку 60 метров.

Позднее американский гигант (Сильвестр очень высокого роста) оказался более удачливым: во время поездки по странам Западной Европы он установил новый рекорд мира: 60 метров 72 сантиметра. Недавно этот рекорд был побит советским спортсменом Трусеневым и американцем Ортером.

Пионтковский — молодой легкоатлет. Впереди у него еще много спортивных соревнований.

ЮЗЕФ ШМИДТ. Тройной прыжок.

Это лучший в мире мастер тройного прыжка. Незадолго до Олимпиады в Риме он установил феноменальный рекорд: 17 метров 03 сантиметра! К такому результату еще не приблизился ни один спортсмен.

Заниматься легкой атлетикой Шмидта уговорил его старший брат, Эдвард. Юзефу понравились тройные прыжки и он решил ими заняться.

Ему не пришлось долго ждать успеха. На чемпионате Европы в Стокгольме, несмотря на проливной дождь, он показал отличный результат: 16 метров 43 сантиметра.

У Шмидта, как и у Пионтковского, впереди много побед.

«СПОРТИВНЫЕ АСЫ»

Состязание 1-е: Бег по пересеченной местности (кросс)

Мчится полем, лугом, садом...
Только зря: дорога рядом!

Состязание 2-е: Лазание

Лезет (разве это дело!)
В сад чужой за грушей спелой.

Состязание 3-е: Метание

От рук этих «метких»
Гибнут... куры-наседки!

ПОЧТОВЫЕ МАРКИ — ДОКУМЕНТЫ ИСТОРИИ

В этом году наш народ торжественно отмечает 50-летие пребывания В. И. Ленина в Польше. Мы гордимся тем, что на нашей гостеприимной земле в 1912—1914 годах жил вождь международного пролетариата Ленин, что в эти трудные годы он руководил революционной борьбой из Кракова и Поронина и написал здесь много своих произведений.

Польские филателисты тоже отмечают эту знаменательную дату. Они организовали сначала Всепольскую, а затем и Международную филателистическую выставку под девизом «Ленин и его идеи».

Выставки проводились с 27 мая по 10 июня 1962 года в прекрасных залах Центрального музея В. И. Ленина в Варшаве. К открытию Международной выставки польское почтовое ведомство выпустило специальную трехмарочную серию. Мы воспроизводим ее на этих страницах вместе со специальным конвертом, на котором марки погашены особым штемпелем. На конверте вы видите памятный значок, его выдавали каждому участнику выставки.

Организаторы выставки поставили перед собой задачу — с помощью филателистических материалов показать развитие социалистического общества. Таким образом, коллекции выставки отобразили не только облик В. И. Ленина, но и жизнь некоторых стран социализма.

По этому разделу конкурса филателисты девяти стран экспонировали 11 коллекций. Наиболее интересными были следующие:

Бренер Эде (Венгрия) — «Ленин на почтовых марках».
Ганс Иоахим Литц (ГДР) — «Манифест Компартии».
Антоний Громский (Польша) — «Завоевание космоса».
Бели Гиалуи (Румыния) — «Ленин и электрификация».
Стефан Рахельский (Польша) — «Жизнь и труд Ленина».

На конкурсе был раздел, посвященный труду и жизни молодежи. На эту тему было представлено 18 коллекций. Особенно любопытными были две: «Спорт и физическая культура» Марии Беляевой (Польша) и «Мы изменяем мир» кружка юных филателистов из ГДР.

Жюри Международной выставки было нелегко оценить коллекции на столь широкие и разнообразные темы. Следует заметить, что это была первая такого рода Международная филателистическая выставка.

Идеи Ленина легли в основу программы Польской рабочей партии, возникшей в 1942 году. Почтовые марки, отмечающие 20-летие ППР, символически показывают путь, пройденный партией в борьбе за победу нового, социалистического строя в Польше.

Станислав Домбровский

Мы гордимся нашим «сегодня»

Когда-то Польша была отсталой, аграрной страной. Она не имела собственной тяжелой промышленности, а немногочисленные заводы и шахты находились в руках иностранных капиталистов. Сегодня все изменилось: Польша стала страной индустриальной. Наши основные природные богатства — уголь, сера и медь.

СЕРА ИЗ ТАРНОБЖЕГА

В окрестностях Тарнобжега наши геологи несколько лет назад нашли крупнейшие в мире залежи серы. Вскоре здесь началось строительство шахт и мощного химического комбината. Польская сера не только удовлетворит потребности страны, но и пойдет на экспорт. Уже сейчас мы продаем десятки тонн серы социалистической Чехословакии, а чешские специалисты помогают нам в строительстве комбината.

На западе, неподалеку от города Люблина, открыты залежи медной руды — это одно из богатейших месторождений в мире. Сейчас здесь строится медеплавильный комбинат.

СТРАНА ЛЮДЕЙ, ЦЕНЯЩИХ НАУКУ

Число детей, посещающих школу, увеличилось в четыре раза по сравнению с довоенным временем. Не мудрено, что у нас много забот: надо поспевать строить школы для всех желающих учиться. Вот уже несколько лет весь польский народ помогает государству осуществлять лозунг: «Тысяча новых школ к тысячелетию Польши!»

Число студентов высших и средних учебных заведений увеличилось в три раза. До войны у нас было тридцать два вуза, теперь их семьдесят пять.

ПОЛЬСКОЕ «ОКНО В МИР»

До войны у Польши было только 140 километров морского побережья и всего один порт на Балтийском море — Гдыня. Его и называли польским «окном в мир». После второй мировой войны нам возвратили наши исконные земли, и теперь у Польши 532 километра морского побережья, на котором находятся восемнадцать портов. Самым крупным портом не только в Польше, но и на всем Балтийском море считается Щецин. Во время войны он был почти совсем разрушен. Но мы его полностью восстановили.

ГДАНЬСКАЯ ВЕРФЬ

Эта верфь славится современными рыболовными судами, которые строятся на ней. А ведь до войны у нас вообще не было судостроительной промышленности. Сегодня наша судостроительная промышленность занимает десятое место в мире. Мы строим корабли для СССР, Китая, Индонезии, Бразилии, Франции и других стран. Мы строим для Кубы и Индонезии полностью скомплектованные верфи.

НЕФТЕПРОВОД «ДРУЖБА»

Так был назван нефтепровод, который строят пять дружественных государств: СССР, Чехословакия, Венгрия, Польша и ГДР. Польский участок нефтепровода равен примерно 700 километрам. Кроме того, Польша строит в Плоцке нефтехимический комбинат, который будет перерабатывать советскую нефть. Этот комбинат — крупнейшая социалистическая стройка нашей пятилетки.

ТРАКТОРЫ И КОМБАЙНЫ

Польское сельское хозяйство за последние годы совершенно преобразилось. На поля вышли машины. Уже полностью механизированы работы в кооперативах и госхозах.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Варшава, 1-й Сейм, ул. Спасовского, 4, почтовый ящик № 380.
Главный редактор Ганна Ожоговская.
Художественный редактор Калина Зажицкая.
Издатель: государственный издательский институт «Наша ксенгарня», Варшава, ул. Спасовского, 4.
В этом номере помещены фотографии: Р. Балинского, Р. Бронярека и Центрального фотоагентства Польши.

ГОЛОВА РЕБЕНКА Станислав Выспянский (1869—1907)

СТАНЬЧИК — **Ян Матейко (1838—1893)**

Сегодня вы познакомитесь с произведениями художников Польши. Перед вами две картины Яна Матейко, одного из величайших мастеров исторической живописи.

На первой картине — Станьчик, шут польского короля Сигизмунда I.

А кто этот большой и сильный человек на второй картине! Куда ведет его девушка с печальным лицом! Это Вит Ствош, выдающийся польский живописец, гравер и скульптор. Создатель произведений, которые и сейчас, через пять столетий, поражают людей своей правдивой силой, Вит Ствош лишился зрения. Слепой художник! Эта трагическая судьба не могла не взволновать Яна Матейко.

Вот он, могучий Ствош, обреченный на жизнь в вечном мраке, осторожно ступает рядом с внучкой. Он идет, чтобы снова, хоть на ощупь повстречаться со своими скульптурами, которых ему уже никогда не увидеть. Верность тому, что любил всю жизнь,— вот смысл этой картины Матейко.

Станислав Выспянский — замечательный художник, поэт и драматург — очень любил рисовать детей. Один из его чудесных детских портретов вы уже видели на предыдущей странице. Художница Софья Стрийенская известна своими картинами на темы из народной жизни. Здесь вы видите ее картину «Ту́ронь». В Польше существует народный обычай ходить под Новый год ряженными, с «туронью», с изображением козьей головы.

ВИТ СТВОШ

Ян Матейко

ТУРОНЬ

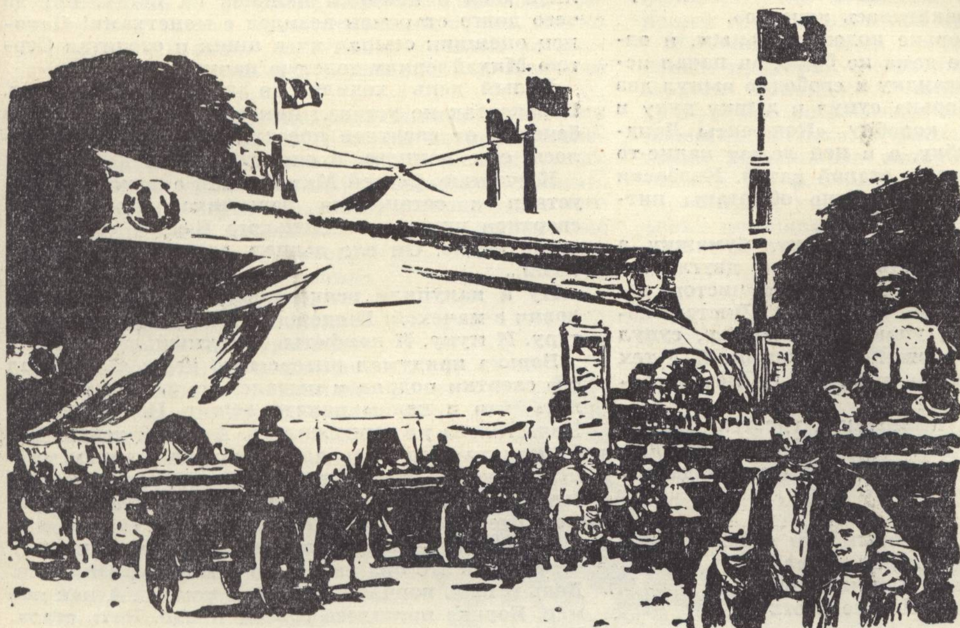
Софья Стрийенская (род. 1894 г.)

Ну, вот вы и закончили, дорогие ребята, путешествие по Польше. Не правда ли, оно было очень интересным? И страна друзей стала нам еще ближе. Большое спасибо за это путешествие редакции «Пломыка», польским писателям, художникам, фоторепортерам — всем, кто пришел сегодня в гости в наш журнал и так хорошо рассказал нам о своей прекрасной Родине.

А теперь, ребята, продолжайте читать «Пионер». Мы начинаем его главами из повести А. Аронова «Цирк приехал».

Редакция журнала «Пионер»

ЦИРК приехал

Александр АРОНОВ — Рисунки Д. Пяткина.

«СЛЕДУЮЩИМ НОМЕРОМ НАШЕЙ ГРАНДИОЗНОЙ ПРОГРАММЫ...»

Каждый уважающий себя мальчишка — чистильщик сапог должен иметь скамеечку, деревянный ящик, несколько банок с разноцветным кремом, четыре щетки и пару бархоток. В крайнем случае можно обойтись двумя щетками. Без скамеечки. Даже без бархоток. Глянец на штиблеты наведешь и длинными рукавами поношенного отцовского пиджака. А вот уж усесться на улице без щеток и ящика просто смешно. Разве обратят внимание на чистильщика, даже если он будет петь задорную песенку:

По улицам ходила
Большая крокодила.
Она, она голодная была...

Ведь в конце песни нужно обязательно выбить щетками на ящике замысловатое и дробное «Тра-ра-ра-ра-рам-пам-трам-пам-па!», иначе какой же ты чистильщик!

А Борька Ваткин уселся напротив городского сада, под облупившейся вывеской старой китайской прачечной, имея только одну щетку и банку гуталина. Да и то черного! В то время как у большинства прохожих ботинки коричневые, или белые парусиновые, или цветные сандалии: тепло на улице!

Борьке пришлось устроиться на ступеньках прачечной, потому что у ворот сада все места были заняты — там уже сидело в ряд несколько мальчишек. Им было тоже лет по тринадцати. И хотя чистильщики были такие же грязные и обтрепанные, как и он сам, их осанка и поведение говорили о солидности, большом опыте и полной независимости. А Борька робел: в первый раз он вышел на улицу чистить ботинки.

Вчера мачеха сказала ему: «Вырос. Нечего лодыря гонять. Зарабатывай сам!» Борька не против того, чтобы зарабатывать, хотя в этом особенной нужды нет: новый муж мачехи, Сергей Михайлович, церковный староста, торгует свечами и просфорами, ведает кассой.

У Сергея Михайловича деньги есть. Борька знает. Как-то он вошел в комнату, а Сергей Михайлович стоит на коленках у печки-голландки. Заметил Борьку и говорит: «Пуговицу обронил...» А сам так зло, подозрительно глянул на него. И Борька стал помогать искать пуговицу. Ползали оба на коленках на полу, ползали, искали-искали да так и не нашли... «Ну, бог с ней,— сказал Сергей Михайлович,— закатилась куда-то».

Это показалось Борьке подозрительным, и однажды, когда никого дома не было, он начал исследовать печку-голландку и свободно вынул два нижних кирпича. Борька сунул в дырку руку и вытащил жестяную коробку «Конфекты Ландрин». Раскрыл коробку, а в ней лежат какие-то колбаски, переложенные старой ватой. Колбаски завернуты в бумагу, аккуратно обмотаны нитками.

Борька развязал нитку, развернул бумажку, а в ней монеты. С портретом царя. С двуглавым орлом. И по пять и по десять рублей чистого золота. Так и написано на монетках: «Чистого золота». Борька скорее упаковал колбаску, сунул коробку на место, заложил кирпичами. И с тех пор даже боялся вообще смотреть на печку-голландку...

Сидит Борька на солнышке, греется. Жалко только, что никто не подходит к нему. Мимо идут. Зато у мальчишек работы завались. Раздалась песня:

Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою.
Что ты скажешь мне в ответ?

Из-за угла появился отряд красноармейцев с винтовками. Высокий голос у запевалы. А отряд запевале отвечает. До того дружно, что хочется подхватить:

По морям, по волнам...
Нынче здесь — завтра там...
По морям, морям, морям, морям!
Эх, нынче здесь,
А завтра там!

Эх, кажется, бросил бы щетку с банкой да побежал за отрядом!..

Красноармейцы скрылись. «На учение...» — подумал Борька.

Промчался мимо лихач в коляске на дутых шинах. В ней два нэпмана. Толстые, тоже надутые. И лихач надутый. В цилиндре и поддевке. А волосатый до чего! Глаз не видать. Как поп.

— Но, милая! — визгливым бабьим голосом завопил извозчик, привстал на козлах да как стукнет кнутом между ушами сытую лошадку!

Ну и понеслась пролетка! А сзади-то, сзади-то! Мальчишка-беспризорник прицепился между рессорами. Худой, как щепка, смуглый. Из татар, что ли? «Хорошо бы пролетка под толстяками треснула. Вот смеху-то было бы!»

Пролетка остановилась у ювелирной мастерской.

Борька один раз был там с Сергеем Михайловичем и мачехой перед самой их свадьбой. Борьку взяли, чтобы помог тащить покупки.

В маленькой мастерской Сергей Михайлович сдал несколько золотых монеток старичку оценщику, таких же, какие в колбасках в печке спрятаны.

Старичок разложил монетки на невысокой стойке, долго рассматривал их сквозь лупу, потом поцарапал и чем-то капал на них, взвешивал на весах...

Борька с интересом наблюдал за старичком, стоя на цыпочках. От напряжения у него заболели шея и кончики пальцев на ногах. Вот до чего долго старичок возился с монетками! Наконец оценщик ссыпал их в ящик и отсчитал Сергею Михайловичу толстую пачку денег...

Целый день ходили по разным магазинам. Борька так не уставал никогда в жизни. Тонкие бечевки от свертков врезались в пальцы. Казалось, еще немного, и они отвалятся.

К счастью, Сергей Михайлович с мачехой тоже устали и остановили извозчика. Из-за горы свертков щуплого, маленького Борьку совсем не стало видно. Он еле дышал, заваленный покупками...

Ну и накупили всякого добра Сергей Михайлович с мачехой! И одежду. И обувь. И мануфактуру. И муку. И конфеты. И ситный...

Борька придумал интересную игру: обнюхивал все свертки подряд и пытался по запаху определить, что в каком пакете лежит. Нюхал долго. Пока голова не закружилась. А потом уснул. Дома мачеха дала Борьке одну только баранку, мягкую, вкусную, посыпанную маком. Давно это уже было, наверное, через полгода после того, как помер отец...

Эх, зачем нужно было отцу жениться на мачехе! Ведь это она свела его в могилу, запилила. День и ночь ворчала. Вот он и помер... А как помер, Борьке пришлось совсем плохо. Бить стала. Когда вышла за старосту, и того хуже...

Борька вздохнул.

Протарахтела по булыжнику голубая тележка мороженщика с медным рукомойником на боку. Ее толкал смешной старичок в белом фартуке.

Борька долго смотрел вслед тележке — давно не ел мороженого. Отец часто угощал его: «Выбирай, Борька, какое хочешь! Фруктовое, сливочное или шоколадное». Борька любил фруктовое. Очень ловко мороженщики его укладывали в вафли. Положат в формочку большую вафлю, потом ложкой сделают из мороженого целую горку, прикроют сверху вафелькой поменьше, нажмут снизу пальцем на формочку — и пожалуйста!

Борька радовался, если на вафле было написано «Боря». Но чаще попадались «Зои», «Маши», «Даши», «Луши». Везет девчонкам!

В последний раз вафля «Боря» попалась ему в тот счастливый день, когда они с отцом ходили в цирк. Давно это было...

На берегу реки, в городском саду, артисты растянули на столбах старую брезентовую крышу. Мальчишки часами простаивали у цирка. Борька пытался прорваться в него без билета, «зайцем»,— не вышло. Просил отца сходить с ним на представление. Мачеха запретила: «Вот еще! Будешь деньги на глупости тратить! Да и грех это, в цирк ходить! Великий грех! Бесовское дело!»

Борька было оробел: «Может, и вправду бесовское?»

Но отец не послушался мачехи, успокоил Борьку и сводил его в цирк.

Борька был ошеломлен. Все страхи рассеялись. Он смотрел на потертый бархатный занавес, откуда появлялись участники представления, и даже сам этот занавес казался Борьке таинственным и прекрасным.

У Борьки сладко замирало сердце и чуть кружилась голова, когда он глядел на красивых, бесстрашных людей, напоминавших героев сказок, творящих чудо за чудом. Никаких преград не существовало для этих веселых волшебников.

В красочных костюмах, усыпанных золотыми кружочками и звездами, стройные артисты высоко, под самым брезентовым куполом, легко перелетали с одних воздушных качелей на другие и переворачивались в воздухе над плетеной веревочной сеткой.

Им на смену вылетали наездники в черкесских костюмах и с гиканьем мчались по кругу манежа, стоя на спинах взмыленных, неоседланных лошадей, которые казались совершенно дикими. Они прыгали через барьеры и разноцветные ленты, с треском прорывали обручи, заклеенные упругой бумагой, и проскакивали сквозь кольца, объятые дымом и пламенем.

Жонглеры в легких шелковых плащах и остроконечных шапочках с необыкновенной ловкостью перекидывались звенящими бубенцами, блестящими шариками, разноцветными бутылками и горящими факелами, которые шипели, искрились и мелькали в темноте так быстро, что невозможно было сосчитать их.

Усатый, полуголый укротитель, похожий на пирата, щелкал бичами и стрелял из пистолета. Разъяренные львы, тигры и пантеры беспрекословно подчинялись жесту, слову, даже взгляду своего властелина.

Дрессированные лошадки охотно танцевали то быструю, веселую «Барыню», то залихватский «Гопак», то медленные, плавные вальсы, покачивая в такт музыке пышными и яркими перьями на головах, нежно гремя серебряными колокольчиками на нарядных сбруях.

Глядя на артистов, Борька думал: «Как они могли научиться всему этому?»

На манеж вышли в белых костюмах кудрявый мальчик и девочка с бантом в русой косе. Мальчик бросал девочку и ловил на вытянутые руки. Она стояла головой на его голове, оба ходили колесом по кругу и прыгали то так, то эдак, разбрасывая в стороны легкие крашеные опилки.

«Наверное, и я бы так мог! Ведь они тоже маленькие, как и я! — обрадовался Борька.— Я бы научился и выступал в цирке».

И он стал представлять себя в разных красивых нарядах то ловким гимнастом, поднимающимся все выше и выше к самому куполу по косо натянутому канату, держа на лбу кипящий медный самовар, то непобедимым силачом, валящим с ног одним ударом здоровенного быка, то до ослепления быстро кувыркающимся прыгуном, то смельчаком, который висит вниз головой на качающейся трапеции, держась за нее одними носочками.

Он не замечал, как чадили керосиновые лампы, как хрипел и фальшивил наемный оркестр, какими потрепанными были костюмы артистов...

Ему нравился и резкий кисло-сладкий запах цирка: запах животных, опилок, глины, сырого песка, грима, пота,— нравился и важный человек во фраке, обозначенный в программке шпрехшталмейстером, который очень громко, хоть и не очень понятно объявлял: «Следующим номером нашей гр-р-рандиозной программы...»

Мальчик влюбился и в проворных людей в зеленых мундирах с серебряными нашивками, которыми командовал шпрехшталмейстер. Подручные быстро работали на манеже, то подметая ковер, то скатывая и раскатывая его, то устанавливая диковинные аппараты, то помогая артистам в их номерах.

— Живее, униформа, живее! — покрикивал на своих помощников человек во фраке.

Однако душою цирка были клоуны. Они умели все: превращали воду в вино, потом в молоко, потом в бенгальский огонь не хуже самих фокусников, крутились на турниках не хуже самих турнистов, катались в женских нарядах после наездницы, стоя в седлах на цыпочках, не держась руками за поводья... Клоуны стремительно кувыркались под взрывы хохота и восторженные возгласы толпы, оглашая воздух веселыми криками, пронзительным плачем и оглушительными оплеухами, причем тела их сливались в единое вращательное непрерывное сверкание...

Они свистели на разных дудках, пищиках, трубах и флейтах; ездили верхом на свинье, сидя задом наперед. А как уморительно ходили на руках, дрыгая во все стороны ногами! Как острили! Борька никогда в жизни столько не смеялся. У него даже выступили слезы.

Он отодвинулся от отца, поднялся с места на галерке и, как завороженный, начал спускаться вниз по лестнице к манежу. На мальчика шикали, но он, не обращая ни на кого внимания, устроился на груде веревок и тросов у мачты перед самым барьером.

Зрители стонали от смеха и восторга. Толстый размалеванный рыжий клоун Коко, с носом картошкой, в клетчатом пиджаке, коротких брючках и огромных ботинках с задранными вверх носами, держал пари с клоуном Мишелем, у которого все было белым: балахон, туфли на высоких каблуках, чулки, колпачок. Даже лицо Мишеля, с выражением застывшего изумления изза того, что одна бровь была посажена чересчур высоко, а другая чересчур низко, было осыпано мукой. На спине клоуна была вышита печальная голубая луна, а на груди радостное золотое солнце с длинными лучами. По лицу были рассыпаны разноцветные звезды.

Перед клоунами на ковре лежал в раскрытой коробке огромный торт. Мишель громко повторял бестолковому Коко условия пари, жестикулируя длинной белой колбасой.

— Ты не имеешь права говорить слово «нет». Если ты три раза подряд скажешь слово «нет»,— то никогда не выиграешь этот красивый торт! Понял?

— Понял! — радостно завопил Коко.— А слово «да» я могу говорить?

— Вот именно! Ты имеешь право говорить только слово «да».

— А «нет» не могу?

— Нет! Играем по рублю! Согласен?

— Да! Кладу свой рубль! Да!

— Отлично! И я кладу свой! Начали?

— Да! Начали! Да!

— Скажи, пожалуйста, Коко, ты раньше когданибудь играл в эту игру?

— Нет!

— Нет? Отлично! Рубль мой,— захохотал Мишель, пряча деньги.

Рыжий клоун сморщил лицо и вздохнул. Он так печально отвел глаза в сторону, что все засмеялись.

— Не робей, Коко! Осталось еще два вопроса! Ответишь на них правильно — и торт твой! Играем по три рубля. Согласен?

— Да! — завопил Коко, вынимая деньги.

— Скажи, пожалуйста, если ты выиграешь торт, ты дашь мне половину?

— Нет!

— Ах, нет? Проиграл! — радостно захохотал Мишель.— Остался последний вопрос! Ответишь на него «нет» — и торт мой! Играем по десять рублей! Согласен?

— Да! — сказал Коко так жалобно, что все снова рассмеялись.

Белый клоун долго рылся по карманам, вытащил сторублевую бумажку, растерянно помахал ею в воздухе и спросил:

— У тебя, случайно, нечем разменять сто рублей?

— Нет...

— Нет? Торт мой! — радостно закричал Мишель.

Коко оттолкнул его, схватил торт и бросился улепетывать. У барьера, рядом с Борькой, он споткнулся, упал и угодил лицом прямо в торт.

Цирк хохотал.

Мишель подождал, пока Коко встанет на ноги, а потом ударил его по голове белой колбасой. Раздался выстрел, и на лбу Коко стала расти огромная шишка, а из глаз брызнул длинный фонтан слез.

Борька очень обрадовался, когда несколько этих чудесных капель попали на него...

В антракте отец с сыном отправились в конюшню осматривать животных. Всю дорогу Борька расспрашивал:

— Как эти слезы сделаны? Они не настоящие? И торт не настоящий? Он из мыла, да? И шишка не настоящая? Из чего она сделана? Из воздушного шарика?

На одном конце конюшни находились хищные звери, на другом — лошади. У клеток резко пахло аммиаком и сырым мясом, у стойл — теплым хлебом, навозом и свежим сеном. Чтобы заглушить эти запахи, пол конюшни, выскобленный до блеска ножами, был обрызган хвойной водой, но аромат хвои не перебивал запахов конюшни, а лишь смешивался с ними. Горячий воздух казался густым и не двигался.

Львы, тигры и пантеры, не обращая внимания на гомонящих посетителей, сновали за толстыми решетками своих тесных клеток или храпели, уткнувшись мордами в лапы, свесив до пола концы толстых хвостов.

Больше всего зрителей столпилось перед небольшой сетчатой клеткой. На полу ее лежали рядышком две двухмесячные пантеры, возле которых на оловянной тарелке был накрошен сырой мясной фарш. Но злые малыши даже не смотрели на него. Похожие на глянцевых вылизанных черных кошек, они забились в угол клетки и скалили розовые пасти, обнажая еще маленькие, но острые, как иглы, белоснежные клыки, с ненавистью глядя на опротивевших людей горящими зелеными глазами.

— П-ш-ш-ш-ш! П-ш-ш-ш-ш! — безостановочно шипели пантеры, ударяя по полу прямыми, как палки, хвостами и расправляя когти.

— Ну и злюки...— сказал Борька.

Лошади стояли по обеим сторонам неширокого прохода головами друг к другу. Налево — белые, направо — вороные, казавшиеся при мерцающем свете ламп темно-синими. Каждое стойло украшала яркая дощечка с кличкой лошади.

— Алмаз, Аметист, Бриллиант, Гранат, Янтарь,— читал Борька, проходя мимо деревянных, неструганных стойл.

Возле лошадей находились нарядные, торжественные и прилизанные униформисты в белых перчатках, держащие в руках блестящие подносы с морковью, нарезанной тонкими, продолговатыми дольками.

Борька сразу узнал длинногривую белую лошадь. Это она особенно красиво танцевала вальс, лучше всех вставала на дыбы и последней ушла с манежа на задних ногах. Звали ее Малахит.

О поднос звякнул пятачок, брошенный отцом. Борька крепко зажал в ладони морковные дольки и, поднятый сильными отцовскими руками, очутился перед самой мордой лошади. Он почувствовал ее теплое дыхание.

Увидев морковь, лошадь фыркнула.

— Спокойно, Малахит! — сказал униформист.

Борька улыбнулся лошади и протянул ей морковь. Малахит покосился на мальчика огромным влажным коричневым глазом и осторожно захватил морковные дольки с маленькой Борькиной ладони сухими теплыми губами. Мальчик почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Лошадь громко захрустела морковью. Борька внимательно следил, как задвигались желваки под атласной шерстью Малахита.

Съев морковь, лошадь застучала передними копытами по полу и... высунула язык.

— Ай, молодец! Ай, бравушки! — похвалил Малахита униформист.

Борька с отцом удивленно переглянулись.

— Еще требует, попрошайка! — рассмеялся униформист.

— Кто же ее научил?

— Сама. Один раз случайно язык высунула, а как поняла, что людям это нравится, все время так дразниться стала.

— И все лошади у вас умеют язык показывать?

— Нет. Один Малахит такой...

— А что он больше всего любит? Морковь? Хлеб?

— Сахар любит. Соль. Мел. Мы соль с мелом крошим и добавляем в овес. А иногда просто куски соли кладем в кормушку. Лошади лижут их.

— Еще... Давай еще покормим...— умоляюще попросил Борька отца.

И Малахит снова хрустел морковными дольками, весело бил по полу копытом и высовывал язык.

Борька неотрывно глядел на лошадь влюбленными глазами. Ему страстно захотелось обнять эту умную, ученую лошадь за морду, поцеловать ее, прикоснуться к гибкой, нежной шее...

Униформист, словно угадав Борькины мысли, сказал:

— Погладь ее, мальчик, не бойся!

— Я и не боюсь! Я ни капельки не боюсь! — радостно воскликнул Борька, потянулся вперед, прильнул щекой к горячей, слегка влажной, гладкой шерсти и закрыл глаза.

Не переставая поглаживать и нежно похлопывать эту чуть вздрагивающую, так вкусно пахнущую шею, Борька тихо шептал:

— Умная лошадка... добрая лошадка... хорошая лошадка...

— Попочка чаю хочет! — вдруг требовательно, на всю конюшню завопил кто-то неприятным металлическим голосом.

Лошадь вздрогнула и дернулась, задев Борькину руку жесткой гривой.

Борька обернулся. В углу конюшни, над последним стойлом, сидел привязанный цепочкой к тонкой жерди огромный старый попугай с длинным хвостом, пестрый, как радуга. Он сидел, не шелохнувшись, как каменный, и равнодушно моргал желтыми веками.

— Попочка кушать хочет! — снова неожиданно заорал он, перевернулся на жерди вниз головой, замер, пронзительно свистнул, снова перевернулся и, видимо, чем-то недовольный, сердито нахохлился.

Зрители побежали к попугаю. Отец опустил Борьку на пол.

— Малахит! Малахит! — позвал Борька.

Лошадь глянула на него, заржала и замотала головой так энергично, что грива рассыпалась в разные стороны.

— До свидания, Малахит! До свидания! — крикнул Борька и дружески помахал лошади рукой.

Малахит весело закивал, высунул язык и напоследок особенно громко стукнул по полу копытом.

— Пор-р-ра завтр-р-ракать! — снова истошно завопил попугай.— Кому сказано!

Все рассмеялись. Борька подбежал к попугаю, который, гремя цепочкой, засеменил по жердочке влево, добрался до самого ее края, снова свистнул и сунул голову под крыло.

— Попочка! Попочка! Поговори еще,— просил Борька, задрав голову.

Попугай не ответил. Он крепко спал.

Раздался звонок. Проходя мимо служебного циркового буфета, Борька заглянул в приоткрытую дверь и замер от удивления.

Среди нескольких артистов, ужинавших за длинным пустым столом, сидел на табуретке тот самый рыжий клоун Коко, что так смешно плакал длинными слезами и облил ими Борьку. Перед клоуном лежала гора колбасных тонких шкурок. Он пил чай с блюдца, вприкуску. Коко надувал размалеванные щеки, неторопливо дул на чай, жевал огромными губами бутерброд с колбасой... и никто не смеялся вокруг. Никто! На клоуна просто не обращали внимания. Борька не верил своим глазам.

— Тебе кого, мальчик? — спросил клоун усталым голосом.

Борька смущенно улыбнулся и не ответил. Он заметил, что мелкие капельки пота на лице клоуна проступили не только сквозь толстый слой грима, но даже и сквозь матерчатый лоб парика.

— Ну, никого так никого,— сказал клоун, взял себя за нос картошкой, оттянул резинку, передвинул нос на лоб и снова откусил бутерброд.

— Мешает, да? — участливо спросил Борька.

— Мешает,— вздохнул клоун,— а я чай люблю с блюдца пить. А ты как?

— И я с блюдца! — радостно сверкнул глазами Борька.

— А колбасу любишь?

— Люблю!

— И я люблю,— сказал клоун и кивнул головой на гору колбасных шкурок.— А вот их особенно...

— Неужели и шкурки едите? — изумленно спросил Борька.

— Нет. Я из них и из жестянок пищики делаю. Ты ведь слышал, как я на манеже пищал?

Больше поговорить не удалось. Раздался звонок.

— Нос-то у него на резинке! На тонкой резинке! Я видел! — никак не мог успокоиться Борька, снова сидя на галерке рядом с отцом.— Он пищики из колбасы делает! А чай пьет с блюдца, как и я! А почему ты с блюдца не пьешь?

— Следующим номером нашей грандиозной программы — говорящие куклы и собачки под управлением артиста Бавицкого! — объявил шпрехшталмейстер.

На манеж вышел человек с двумя большими куклами на руках, сел на стул и начал с ними разговаривать.

— Слушай меня внимательно, Андрюшка!

— Слушаю! — звонко отозвалась кукла, широко раскрывая рот.

Борька замер от изумления.

— Решай задачку! Вообрази, что я дал тебе двадцать копеек. Две монеты по десять. Вообразил?

— Вообразил. Две монеты по десять.

— Ты их спрятал в карман. Одну монетку ты потерял. Что осталось у тебя в кармане?

— Дырка!

Борька внимательно, весь вытянувшись, следил за губами артиста. «Это он за куклу говорит...». Но губы чревовещателя даже не шевелились. «Это механизм говорящий в куклы вставлен!» — решил Борька.

Ну куклы, ладно! В них механизмы! А вот собачки, которых стал показывать артист, как они разговаривают? В них механизм не спрячешь! Здесь все начистоту!

Бавицкий подвел белоснежного шпица к румяному мальчишке в первом ряду.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Володя.

— Здравствуй, Вовка!— неожиданно сказала собака, приоткрыв пасть и завиляв хвостом.

«Сама! Сама говорит! Как тот попугай!» — ахнул Борька.

Он поднялся с места, хотел сбежать вниз, к собачке и счастливцу мальчишке, но отец не разрешил:

— Сиди! И отсюда все видно!

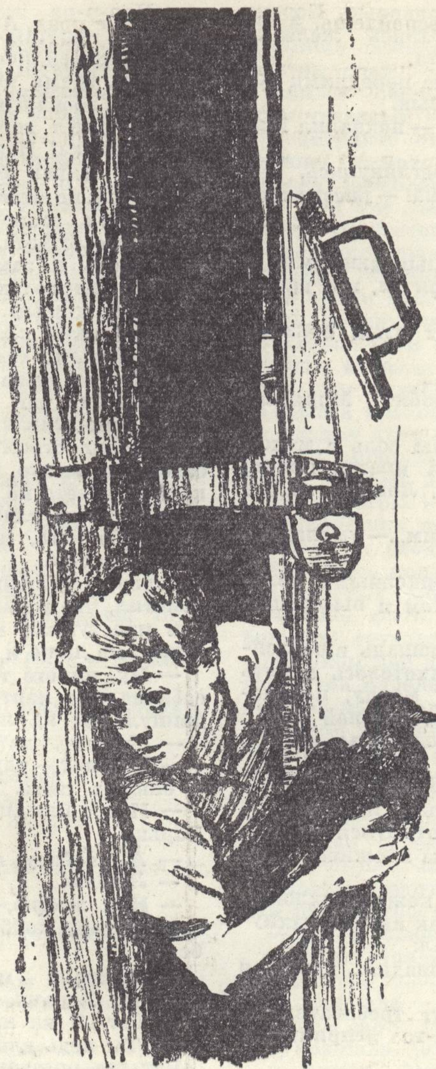
— Теперь представься Володе! — предложил собачке артист.— Скажи ему, как тебя зовут.

— Шарик! — ответила собака и подала Вовке лапу.

У Борьки от зависти разрывалось сердце.

— А фамилия твоя как?

— Подшипников! — рявкнул шпиц, виляя пушистым хвостом.

— Погладь Шарика, Володя, не бойся, он не кусается,— сказал румяному мальчишке артист.

Мальчик боязливо протянул руку и осторожно дотронулся ею до спины собаки.

— Ну и трус! — вырвалось у Борьки. «Меня бы на его место! — с завистью подумал он и вдруг решил: — Сегодня же встречусь с этой собакой! Наберу дома побольше сахару, прокрадусь на конюшню и обязательно поговорю с Шариком Подшипниковым. Спрошу, где он так здорово разговаривать научился, как мне в цирк поступить, расспрошу про акробатов — мальчика и девочку, может, подружусь с ними... Заодно и Малахита сахаром угощу. И грача своего тоже возьму в цирк. Пусть познакомится с попугаем и шпицами. Может, и он говорить научится...»

Всю дорогу домой Борька думал о Малахите и шпицах. Вот бы грача научить говорить, как эти собачки! А то живет себе во дворе, в дровяном сарайчике, только воровать и умеет. То ложку чайную украдет, то монетку. Раз у отца уволок моток дратвы. Так что не зевай: грач запрячет, и не найдешь вовсе. Может на дерево утащить. Ведь он летает целый день по городу. А как вечер — домой, в сарайчик. Для него специально под крышей Борька вырубил широкую дырку.

Мачеха встретила Борьку неприветливо. За ужином, гремя посудой, сказала, поджав губы:

— Завтра же в церковь пойдешь! Грех замаливать!

— Ладно! — безропотно согласился Борька, пробуя обмакнуть нос в горячий чай, налитый в блюдце.

— Нет, ты глянь только, что он вытворяет!— возмутилась мачеха.— Чего в цирке бесовском нагляделся!

— Не балуйся, Борька! — улыбнулся отец.— Твой нос куда короче, чем у клоуна. Можешь не проверять!

Улучив удобный момент, Борька опорожнил полсахарницы в карман и снова закрыл ее крышкой. Отец и мачеха ничего не заметили.

— А знаешь, как в цирке куклы и собаки интересно разговаривали! — сказал мачехе отец.

Она сплюнула через плечо.

— И слушать на ночь не желаю про чертей!

— Тут черти ни при чем. Это артист животом говорил.

— Еще того не легче! — возмутилась мачеха.

— Не может быть, чтобы животом...— поперхнулся чаем Борька.— Сами они! Сами говорили! Я следил!

— Брюхом, сынок, брюхом! Мне объяснили...

Борька немедленно втянул в себя живот, потом надул его, снова втянул...

«Нет, неверно отцу сказали! Не может человек разговаривать животом»,— решил Борька, поставил граненый стакан вверх дном на блюдце, положил сверху огрызок сахара, потянулся и, изобразив на лице сладкую зевоту, заявил:

— Спать охота. Устал... Я нынче, пожалуй, в сарайчике лягу. Здесь жарко что-то.

— Все выдумывает! Все выдумывает! — громко отхлебнув чай, вздохнула мачеха.

Отец постелил постель в сарайчике, ласково провел снизу вверх шершавой ладонью по мягким рыжеватым Борькиным волосам, вышел во двор и запер сарайчик на большой висячий замок.

— Зачем, батя?

— Чтобы не украли тебя. Утром разбужу рано.

Часов в пять. С мачехой в церковь пойдешь. А то злится она. Спи!

Как только удалились отцовские шаги и дверь в дом со скрипом закрылась, Борька схватил с жерди грача, который тут же проснулся и пронзительно закаркал. Борька погладил его и подошел к двери. Нагнувшись, он что есть силы нажал на дверь. Внизу образовалась узкая щель. Высунув наружу руку с грачом, он протиснулся сквозь щель и очутился во дворе. Этот способ был проверен давно.

Было тихо. На небе уже выступили звезды. По дороге в цирк Борька пересчитал сахар. Тринадцать кусков.

— Три куска дам Шарику Подшипникову,— сказал Борька грачу,— три другим собакам (каким, Шарик подскажет), шесть Малахиту. Как думаешь, правильно?

Грач спокойно дремал за пазухой.

— Ну, раз правильно, один кусок придется съесть,— сказал Борька и хрустнул сахаром.

Борька подошел к темному зданию цирка, прошелся вдоль высокого забора и заглянул в дырку. Двор был пуст. Ярко светила луна. От забора падала длинная тень. Одно оконце в конюшне было тускло освещено.

Отыскав калитку, Борька толкнул ее. Она оказалась незапертой. Борька, озираясь, вошел во двор, прячась в тени от забора, подошел к окну и встал на цыпочки. Сердце его сильно билось.

Он увидел большую комнату. На столе стояла свеча. Ее пламя тихо колебалось, освещая неровным светом стены с костюмами, обручами, лентами, пестрыми флагами, бумажными цветами и упряжью. В углу стояли длинные хлысты. На стенах дрожали тени от сидевших за столом дрессировщика лошадей и двух мальчиков. В одном мальчике Борька тут же узнал акробата, выступавшего с девочкой. Второй, поменьше, сидел спиной к окну, и его лица не было видно.

— Ты не прав, Андрон,— говорил дрессировщик мальчику-акробату, быстро и ловко заплетая длинную тонкую косичку из суровых ниток.— В цирке всегда принято все валить на верхнего. Никита хорошо стоит «голова в голову». Ты к нему придираешься.

— Он всегда ко мне придирается! — с радостью отозвался Никита.— А виноват всегда сам. Плохо мной балансирует.

— Обрадовался! — недовольно буркнул старший.— А сам как корпус держишь? Как носки тянешь? Действительно как девчонка! Попробуй побалансируй тобой! Дрыгаешься во все стороны...

— Сам ты дрыгаешься! На себя бы посмотрел! — обиженно засопел Никита и отвернулся в сторону.

— Не ссорьтесь, мальчики, не ссорьтесь! — миролюбиво сказал дрессировщик и поднялся из-за стола.

Взяв из угла длинный кнут, он приладил к нему плетеную косичку и громко щелкнул. Никита посторонился, и Борька узнал в нем... девочку-акробатку. Сомнений не было. Этот мальчик во время представления переодевался в девочку. Конечно, это было именно так: на стене комнаты рядом с костюмом девочки висел русый парик с яркой лентой в косе.

Дрессировщик щелкнул кнутом еще громче. Грач неожиданно каркнул.

— Кто там? — спросил дрессировщик, подойдя к окну.

Борька крепко сжал клюв грача и плашмя лег на землю. Грач дергался, пытаясь вырваться.

— Проверь, Андрон, закрыта ли калитка! — сказал дрессировщик.

Борька быстро отполз в сторону и притаился за пожарной бочкой. Во двор выскочил Андрон, подбежал к калитке и щелкнул засовом.

Борька одной рукой крепко держал грача за клюв, а другой гладил птицу, приговаривая шепотом:

— Помолчи, помолчи...

Андрон скрылся в цирке. Стало совсем тихо. Только изредка раздавался стук копыт из конюшни и собачье повизгиванье. Время шло. Часы на далекой башне пробили одиннадцать ударов, потом полночь. Вот и погас свет в оконце. Борька выбрался из своего укрытия и осторожно направился в конюшню.

Переступив ее порог, он почувствовал страх. В клетках тяжело дышали, громко храпели звери. Их не было видно: конюшня еле освещалась старым, тусклым шахтерским фонарем, висящим напротив жерди с попугаем. В темном углу слышалось частое дыхание с присвистом и светились чьи-то зеленые, злые глаза. Глаза раскачивались из стороны в сторону, пристально глядя на Борьку. Он почувствовал, как по его спине побежали холодные мурашки, а лоб стал совсем

влажным. Однако, пересилив страх, Борька сделал шаг вперед...

Неожиданно во всю мочь закричал ишак. Грач испугался, зашарахался за пазухой и громко каркнул. И тут началось!

Проснулся и грозно зарыкал лев. Ему отозвались тигры и пантеры. Звери ревели, шипели, выли, царапали когтями полы клеток. На все голоса завизжали и залаяли собаки. Захохотал, совсем как человек, попугай. Это было страшнее всего.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Царица небесная...— испуганно зашептал Борька, крестясь на страшные зеленые глаза в углу.

— Алло! Алло! Москва! Шестнадцать сорок! Соедините, барышня! Цугц! Цугц! Коммутатор! Коммутатор! — истошно завопил попугай.

Грач каркал до хрипоты вместе со всеми, пытался вырваться из-за пазухи и дрожал от страха. Лошади бились в стойлах, стучали копытами, звенели уздечками. Тряслись и громыхали об пол железные клетки.

— Прости меня, господи! Спаси меня, грешника! — заорал Борька.

Ему казалось, что звери вот-вот выскочат из клеток, схватят его, растерзают, затопчут. Застыв от ужаса, он боялся пошевельнуться.

Услышав за своей спиной какой-то шум, он обернулся и увидел приближающийся свет. Борька метнулся в пустое стойло с сеном и зарылся в него с головой.

Сквозь травинки он увидел, как на пороге конюшни с ярким фонарем в руке появился сонный дрессировщик в расстегнутой ночной рубахе поверх кальсон с болтающимися у щиколоток завязками и в стоптанных шлепанцах на босу ногу.

— Тихо, вы! — закричал дрессировщик на зверей, зевая и протирая рукой заспанные глаза.— Что случилось?

Яркий луч света заскользил по конюшне. Борька сжался в комок. Во рту его стало сухо. В нос бил запах пахучей травы. Она больно колола лицо и руки. Грач давно умолк, распластал жесткие перья и совсем не двигался от ужаса, тесно прижавшись к Борькиному телу. Звери продолжали бесноваться.

— Тихо! — снова крикнул дрессировщик, почесал поясницу, поставил фонарь на пол и поправил завязки от кальсон.

— Тихо! Тихо! — передразнил дрессировщика попугай.— Шестнадцать сорок! Цугц! Отдел эксплуатации! Скорее, барышня! Т-р-р-р-р-р! Т-р-р-р-р-р! Дз-з-инь!

В полосу яркого света попал выскочивший откуда-то испуганный маленький мышонок.

Дрессировщик схватил грабли и застучал ими по полу. Обезумев от страха, мышонок продолжал метаться на светлом пятне. Дрессировщик поднял фонарь и повернул его лучом к воротам конюшни, словно показывая путь,— мышонок тотчас же выскочил на волю.

Звери начали постепенно успокаиваться.

— Дурак ты, дурак! — обратился дрессировщик ко льву.— Мышонка испугался! А еще царь зверей!

— Дур-р-р-рак! — повторил попугай.

Борька расслабил мышцы, перевел дух и вытащил из-за пазухи мокрого, взъерошенного грача.

— Из-за тебя все, а не из-за мыша! — еле слышно шепнул Борька.— Знал бы, не брал с собой! Не лев дурак, а ты! Струсил. Давай полежим немного, а как начнет светать, к шпицам пойдем...

Борька проснулся от холода. Светало. Звери мирно спали. Тело затекло. На щеке отпечатались следы травы. Грач искал что-то в сене. Борька приподнялся на руках и зашуршал сухой травой. Из-за соседнего стойла высунулась морда длинногривой белой лошади.

— Малахит! — обрадовался Борька, вставая во весь рост.

Лошадь замотала головой и зазвенела уздечкой.

— Узнал! Узнал! На, Малахит, на! — радостно зашептал Борька, поспешно вынимая из кармана сахар.

Лошадь захрустела сахаром.

Грач, громко хлопая крыльями, перелетел на ящик с овсом в дальнем углу конюшни и начал хозяйничать в нем. Лошадь съела уже четыре куска, но не стучала копытом и ни разу не высунула язык.

— Покажи язык, Малахит! Покажи! — просил Борька, протягивая лошади еще кусок.

И этот кусок лошадь съела просто так.

— Покажи язык! Так нечестно! — чуть не плакал Борька.— Ну, Малахит! Ну!

— Во-первых, это не Малахит, а Аметист, во-вторых, как ты сюда попал, Рыжик? — раздалось за Борькиной спиной.

Увидев дрессировщика в кожаных галифе и старой майке, с длинным хлыстом в руках, Борька испугался.

— Ты что, немой, а, Рыжик? Откуда ты взялся? Что молчишь? Значит, это ты разозлил ночью зверей, а не мышонок?

Пришлось рассказывать все без утайки. Дрессировщик долго смеялся, обнажая прокуренные, но крепкие зубы.

— Значит, в артисты решил? А что бы ты хотел в цирке делать?

— Смешить...— ответил Борька.

— В клоуны, значит?

— В клоуны...

— А что умеешь делать?

У Борьки был коронный номер, который у соседских мальчишек пользовался особым успехом. Когда Борька его показывал, все они надрывали животики. Он сказал:

— Корчить рожи могу. И ушами двигать.

— Ну, ну...

Борька вышел на середину конюшни, снял с лица прилипшие сухие травинки, тряхнул головой и, немного пошевелив ушами, скосил глаза к курносому, веснушчатому носу.

Дрессировщик даже не улыбнулся. Он с сожалением смотрел на Борьку.

— Еще по-петушиному могу...— сказал Борька упавшим голосом.

Он чувствовал, что все рушится. Дрессировщик

молча крутил в руках плетеную косичку из суровых ниток. Борька покраснел со стыда, но все же кукарекнул. Два раза.

— Спасибо,— сказал дрессировщик,— не подойдет, брат...

Борька и сам понимал, что провалился.

— Ну, до свидания,— сказал он со вздохом.

— Будь здоров, Рыжик! Не унывай!

— Грач, ко мне! — позвал Борька.

Птица вылетела из ящика и уселась Борьке на плечо. Не глядя на дрессировщика, он, понурившись, направился к воротам конюшни.

— Стой, Рыжик!

Борька остановился.

— Что это за птица у тебя? Дрессированная?

— Не знаю... Может, и дрессированная...

Борька рассказал про то, как грач птенцом попал к ним в дом, как не любит грача мачеха, как Борька решил познакомить птицу с говорящими собачками. Дрессировщик слушал очень внимательно, теребя плетеную косичку.

— Насчет Шарика твой отец прав. Это артист за собаку разговаривал. Только не животом, а ртом. А что до грача, то его действительно можно научить разговаривать, как нашего попугая.

— Как его научишь?

— А как ты его научил садиться на плечо?

— Кормил на плече. Ласкал. Вот он и привык.

— Так же будешь учить и разговаривать. Начни с какого-нибудь слова, в котором есть буква «р»: «грач», «врач», «вор». Повторяй и повторяй, когда кормишь. Понял?

Борька кивнул.

— У меня тут сахар остался,— вспомнил он.— Можно его Малахиту дать?

— Конечно, можно. А как же говорящие собачки? — улыбнулся дрессировщик.

— А ну их!

Часы на далекой башне ударили четыре раза. Борька начал прощаться.

— Заходи завтра! Вернее, сегодня. Я тебя с сыновьями познакомлю. Они тебя кое-чему научат,— сказал дрессировщик, выведя Борьку за калитку.

— Правда, можно? — загорелся Борька.

— Конечно, Рыжик! А сейчас иди, а то дома волноваться будут.

— Не будут! Они еще, наверное, не проснулись.

Борька пустился бежать, но на углу обернулся. Дрессировщик смотрел ему вслед. Борька вернулся назад.

— А что за телефон шестнадцать сорок?

— Телефон цугца — Центрального управления государственных цирков. Мы часто с Москвой из конторы разговариваем. А клетка с попугаем иногда в конторе стоит. Вот он и научился. Понял теперь?

— Понял!.. И сильно вас там эксплуатируют, да?

— Почему сильно эксплуатируют? — расхохотался дрессировщик.— С чего ты взял?

— Попугай отдел эксплуатации вызывал...

— Ну и чудак ты человек, Рыжик! — вытирал слезы дрессировщик.— В этом отделе занимаются ремонтом цирков. Эксплуатацией цирковых зданий. Ну, к примеру, прохудилась у нас крыша, мы звоним в отдел эксплуатации, нам присылают новую. Или брезент для ремонта. Или веревки с тросами. В частных цирках артистов эксплуатируют, верно, а у нас нет! Да тебя как зовут-то?

— Борькой.

— А меня Иваном Абрамовичем.

— А почему у вас все лошади некованые?

— В цирке лошадей не куют.

— А зачем вы, Иван Абрамович, хвост из ниток в косичку заплели и к хлысту привязали?

— Это не хлыст называется, а шамбарьер. Без косички он не будет щелкать. В ней весь секрет. Гляди!

И дрессировщик несколько раз оглушительно громко щелкнул шамбарьером.

— Можно попробовать? — попросил Борька.

— Не сумеешь. Глаз себе выбьешь. Щелкать шамбарьером — большое искусство. Понял? А теперь беги домой.

— До свидания! — сказал Борька и помчался, поеживаясь от раннего холодка...

С этого дня Борька стал пропадать в цирке, побывал там и днем и на представлениях. Он познакомился со всеми артистами и очень подружился с акробатами Андроном и Никитой. Они действительно многому научили его. Толстый клоун Коко, которого на самом деле звали Николаем Александровичем, подарил Борьке в знак дружбы пищик, изготовленный в его присутствии из кусочка жести и колбасной шкурки.

Это были самые счастливые дни в Борькиной жизни...

Цирк уехал. Борька часто допоздна бродил по опустевшим аллеям городского сада. Ничто, кроме обрывка афиши на покосившейся круглой тумбе, не напоминало о том, что совсем недавно здесь было волшебство, играла музыка. Пронзительный осенний ветер немилосердно трепал и рвал афишу, кружил по саду сухие, пожелтевшие листья, зло свистел в голых верхушках деревьев, безжалостно раскачивал их и обламывал сучья...

Прощайте, Иван Абрамович! Прощайте, Андрон и Никита! Прощайте, Николай Александрович...

В день разлуки дрессировщик утешал Борьку:

— Не грусти, Рыжик. Цирк еще вернется.

Шло время, а цирк не возвращался... И в этом году его нет. Но Борька упорно ходил к городскому саду. Он ждал.

Поэтому и сегодня Борька уселся не возле гостиницы «Централь», как приказала мачеха, а на ступеньках старой китайской прачечной под облупившейся вывеской с нарисованными на ней двумя крахмальными воротничками и манишкой.

Напротив городского сада...

ДЕЛА ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ

Где-то далеко громыхнул гром. Борька перекрестился. Ну и лето выдалось! Дождь за дождем! Не помнит Борька здесь, в Сибири, такого странного лета: то дождь, то жара. Неужели и осень такая жаркая и дождливая будет? Ведь первое сентября не за горами.

Первое сентября — день чудотворца Симеона Столпника Летопроводца. Его Летопроводцем и зовут потому, что он лето провожает.

Симеон Столпник — любимый Борькин святой. Его мощи нетленные лежат в церкви, где Сергей Михайлович староста, в позолоченной гробнице — раке. Лежат нетленными! Это значит, что как Симеона Столпника после смерти положили в гроб, еще давным-давно, так он и не истлел до тысяча девятьсот двадцать седьмого года, сохранился в целости.

Про святого Борька знает все-все. Ему и мать покойная рассказывала про Столпника, и мачеха, и Сергей Михайлович. И книжка есть у Борьки: «Житие преподобного Симеона Столпника и матери его преподобной Марфы». Он ее ничуть не меньше любит, чем стеклышко-лупу, которым можно выжигать по дереву. Дороже этой книжки, правда, пищик, который подарил клоун Коко.

Любого верующего про Симеона Столпника спроси, его все знают. Из всех святых святой! Какую жизнь прожил! Происходил, как и Борька, из бедной семьи сапожника. Постригся в монахи с детства. Стал первым из всех. Те постились только до вечера, а он вообще ел раз в неделю. И хоть бы что!

А что учудил в монастыре с веревкой от бадьи! Пропала веревка от колодца. Ну, пропала и пропала, бог с ней. Так и не нашли бы ее, если бы не Симеон... Монахи стали настоятелю монастыря фискалить на Симеона за то, что он дурно пахнет. Настоятель начал допрашивать Симеона: почему, мол, ты так воняешь, что с тобой? Ничего не ответил Симеон. Настоятель приказал ему раздеться. Скинул божий угодник подрясник, и все увидели, что божий угодник украденной веревкой перепоясался, да до того туго, что она врезалась в тело до самых костей. Тело начало гнить. Настоятель разозлился, поругался с Симеоном, тот наплевал на монастырь и ушел себе в горы. А там отыскал подходящую яму с гадюками да и поселился в ней. Вот характер! Прожил в яме с гадюками четыре года и три месяца.

А потом придумал такое, до чего не додумался ни один из святых в мире. Врыл в пустыне столб (по-церковному столп), высокий-превысокий. Взял, чудак, да и залез на него, чтобы быть поближе к богу. Восемьдесят лет простоял на своем столпе. Ни разу не спустился. Стоял и в дождь и в снег. Бородищею оброс до пояса. Так и помер на своем столпе во время молитвы. За это его и прозвали Столпником.

А три года из восьмидесяти простоял вообще на одной ножке. И все из-за кого? Из-за дьявола-искусителя. Притворился дьявол ангелом, да возьми и прокатись по небу на огненной колеснице вокруг Симеона! Мало того, разыграл еще старика. «Айда,— говорит,— со мной на небо, бог тебя за твою жизнь праведную видеть хочет, к себе в рай приглашает. Я тебя враз домчу, как на извозчике». Поверил бедняга преподобный, задрал правую ногу, чтобы сесть в колесницу, да вовремя спохватился. «А вдруг,— думает,— это не ангел вовсе? Вдруг это меня искушает сам черт?» Перекрестился — видение и исчезло. Вот и решил Столпник за такой грех наказать свою правую ногу! Одно слово — сила воли.

А как молился на своем столпе! Один дяденька насчитал тысячу двести сорок четыре поклона, устал, сбился, бросил считать, а богоносный отец все кланялся да кланялся... Недаром и мощи его нетленные до сих пор делают чудо за чудом. Исцеляют больных, калек, достаточно нужную молитву-заклинание произнести. Не всех, конечно, а кого бог сочтет достойным. Самых безгрешных, самых верующих. Борька знает точно. Своими глазами видел одно чудесное исцеление. Запомнил на всю жизнь...

Был раньше у Борьки первого сентября и другой праздник — начало учебы в школе. В этом году уже не поучишься — Сергей Михайлович с мачехой предупредили: «Четыре группы закончил — хватит! Дома будешь сидеть. Коленьку нянчить!»

Придется теперь сидеть с братишкой. Был бы отец жив, не допустил бы, чтобы Борька бросил учиться. Он очень хотел, чтобы вышел Борька ученым. Сам-то ведь был неграмотным. Говорил часто: «Школу закончишь — определю тебя на рабфак. Такую машину придумаешь, чтобы сама тачала сапоги! Кнопку чтобы нажал — и все!»

Отец радовался, бывало, когда Борька приходил домой из школы. Расспрашивал обо всем, что было на уроках, и что объясняла учительница, и кто как отвечал. Отложит молоток в сторону — слушает.

А мачеха шипела:

— Работай!

Не любил отец, когда Борька учил уроки молча. Сердился:

— Что это ты притих? О баловстве, небось, думаешь? Уроки всегда надо учить громко! Вслух!

— Зачем?

— Чем громче, тем полезней. Запомнишь лучше!

А когда Борька писал, отец переставал стучать молотком, подходил сзади и заглядывал в его тетрадь через плечо. Не вынимая изо рта гвоздиков, шептал:

— Так, так, правильно...

Будто понимал что!

От отца вкусно пахло кожей, махоркой и варом, которым он сучил дратву...

По вечерам, за чаем, Борька читал отцу газету. На это уходило много времени: газета прочитывалась целиком — от первого листа до подписи редакторов. Правда, места, которые казались Борьке неинтересными, он пропускал. Мачеха больше всего любила отдел происшествий. Борька — объявления.

— Смотри-ка! — говорил он.— В Омском цирке опять полная перемена программы. А чего же к нам в Пореченск цирк не едет?

— Тоже сравнил! В Омске, брат, центр всей губернии!

— Ну и что? Думаешь, у нас цирка не будет? Нет, будет! Раз обещали артисты приехать снова, значит, приедут!

— Год-то прошел...

— Значит, не могли. Когда-нибудь приедут... Обязательно!

Отец обрадовался не меньше Борьки, когда грач впервые произнес слово «черт». Мачеха — и та засмеялась:

— Ну и потеха! Надо же! Вот циркач! — А потом добавила, перекрестившись: — Богохульник ты все-таки! Неужто иного слова, кроме как «черт», нет?

— А я грача и другим словам научу! — пообещал радостный Борька.— Он у меня не хуже попугая будет говорить!

Из окна прачечной повалил густой пар. Запахло сыростью и мылом.

Мимо, громыхая, ползли трамваи, мчались автомобили и пролетки, шли пешеходы. Никто не подходил к Борьке. Ему стало тоскливо. «Самому себе почистить ботинки, что ли?» — подумал Борька.

Он распечатал новенькую банку лучшего крема «Эллипс», аккуратно окунул в него щетку и стал с усердием надраивать свои рваные, старые башмаки. Вспотел даже.

Ноги прохожих шли мимо.

— Господи,— зашевелил губами Борька,— пошли хоть кого-нибудь! Для почина! Очень тебя прошу! Ну, что тебе стоит?

На тротуар легла тень. Борька поднял голову. Над ним стояли двое мальчишек: один высокий и толстый, другой худой и маленький. Он был, пожалуй, еще ниже Борьки.

— А ну-ка, рыжий, убирайся отсюда, пока тебе шею не намылили! — сказал маленький.

Борька не знал его. А толстого знал. Толстого дразнили Ноздрей. У Борьки с Ноздрей были старые счеты. Ноздря жил через двор. Торговал спичками и папиросами. Это он кричал каждое утро на всю улицу пронзительным, противным голосом:

Спички Лапшина
Горят, как солнце и луна!
На ветру не гаснут
И в воде горят!
Папиросы — высший класс,
И махорка — «вырви глаз»!
Табачок хорош:
Как курнешь,
Так помрешь!
Подходи, закур-р-р-р-и-вай!

Сейчас Ноздря был без лотка. Он нагло улыбался. Во рту его дымилась самая длинная, самая толстая, самая дорогая из папирос, продававшихся в россыпь,— «Коммерческая».

Глубоко затянувшись, Ноздря обратился к маленькому:

— Тебе не кажется, Малек, что шкет глухой?

Руки Малька были перепачканы ваксой, и Борька догадался, что Малек тоже чистильщик.

— Мотай отсюда, а то в глаз получишь! — сказал Малек, сплюнул сквозь зубы и указал грязным пальцем на щетку и банку с гуталином.

— Понял, рыжий? — ухмыльнулся Ноздря.

Борька понял. Он шмыгнул носом и покорно нагнулся за щеткой и банкой, а Ноздря тут же стукнул его по шее так, что Борька потерял равновесие и упал. Из носа пошла кровь.

— Ну, как? — спросил Ноздря.— Церковь помнишь?

Борька не ответил. Ему дали возможность подняться, а потом Ноздря схватил его за грудки и так тряхнул, что ветхая рубашка с треском лопнула, а Борька снова упал. Рубашка осталась в руках Ноздри.

— Так помнишь про церковь-то? А, рыжий? — снова спросил Ноздря.

«Я все помню,— подумал Борька.— Рубашку разорвал, ворюга, жулик. Теперь влетит от мачехи...»

Борька встал на ноги. Во рту стало солоно. Борька утер кровь рукой. В другой руке он крепко зажал вытертый медный крестик — подарок матери. «Не сорвали бы...»

Потом Борьку ударил Малек. На этот раз Борька удержался на ногах.

— Теперь знаешь, что такое кон-ку-рен-ция? — спросил маленький чистильщик.

Все мальчишки побросали щетки и перебежали улицу. Встали в круг и молча наблюдали за тем, как избивали Борьку. А он не сопротивлялся. И не плакал. И не просил о пощаде.

— Ты что, Ноздря, с младенцем связался? — угрожающе спросил кто-то.

Борька узнал по голосу Дикобраза. Такое прозвище носил Влас со странной фамилией Шкапа — сын учителя из соседской школы. Дикобразом ребята прозвали Власа за то, что он носил волосы, зачесанные кверху. Такая прическа называлась еще «политический зачес».

У Дикобраза были лучшие во всем городе голуби. И еще Влас Шкапа славился драками. Он считался грозой всей школы и всего двора, где он жил, и всей улицы. И выше всех умел запускать бумажного змея.

Чистильщики расступились. Дикобраз вошел в круг. Борька видел, как он выбил «Коммерческую» изо рта Ноздри. Потом дал пинка Мальку. И снова несколько раз подряд стукнул Ноздрю.

Ноздря завыл:

— Я не виноват! Это меня Малек научил!

— Ах, Малек? — переспросил Влас, но ударил не Малька, а снова Ноздрю.— Не лягавь! — И повернулся к Борьке: — Завтра можешь приходить и смело садиться у горсада. Верно я говорю? — Влас обвел чистильщиков чуть раскосыми монгольскими глазами.

Ребята молчали.

— Все? Договорились?

— Все,— буркнул Малек.

— Ну, все так все!

Драка кончилась, и мальчишки разошлись.

— Голубей гоняешь? — спросил Влас у Борьки.

— Нет,— вздохнул Борька.

— Приходи. Дам кинуть!

— Ладно.

— Я недалеко живу, около поповского дома. Наши калитки рядом. На заднем дворе около флигеля увидишь сарай, обитый железом. Я в нем летом живу. Стучи в дверь. Ясно?

— Ясно...

— Когда придешь?

— Не знаю. Может, завтра...

Растерзанный и окровавленный, Борька быстро побежал к дому. На душе было весело. Еще бы! Какого товарища приобрел! Вот Ноздре и попало как следует. Жаль, что Чумы не было, его ближайшего дружка. И Чуме бы Влас вложил по первое число. Отомстил бы за Борьку. Сколько позора из-за них обоих пришлось пережить! Какие побои вынести! Помнит ли Борька про церковь? Ни за что не забыть ему этой истории...

Шла пасхальная служба. Церковь была переполнена.

В церкви пахло свечами, овчиной и ладаном. Его голубые клубы поднимались наверх к синему, в золотых звездах куполу. Было душно и тесно. Пот стекал по лбу и шее, падал за воротник. Праздничная чистая рубашка прилипла к спине.

— Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ! — кричал охрипший батюшка в раскрытые решетчатые окна.

И в ответ с темного пустыря, где со свечами в руках стояла толпа молящихся, не попавших в церковь, влетало дружное:

— Воистину воскресе!

Даже сердце подпрыгивало у Борьки: до того здорово получалось! И Борька со всеми вместе кричал: «Воистину воскресе!»

А раз так крикнул, что даже погасла свечка. Нужно было ее запалить снова. Борька повернулся к соседу, протянул к нему свою свечку, но резкий рывок за рукав остановил Борьку.

— Тихо ты, рыжий! — чуть слышно шепнул кто-то в его ухо.

Ноздря! Он показал Борьке кулак и приложил палец к своим толстым губам.

Борька сперва ничего не понял, а потом увидел, как какой-то парень, стоящий рядом с соседом, привстав на цыпочки, напряженно всматривается вперед. Борька тут же узнал в нем Чуму.

«Куда он так смотрит? Что там впереди интересного?» — подумал Борька, привстал на носки и поглядел в ту же сторону, но ничего особенного не заметил. Переведя снова взгляд на Чуму, он похолодел от ужаса: левой рукой Чума отогнул полу пиджака соседа, а правой залез в его брючный карман. Ловко вынув толстый кошель, Чума передал его Ноздре, и оба начали быстро пробираться к выходу.

— Ограбили! — закричал вдруг сосед и схватил Борьку за плечо.

— Это не я! Это не я! — с ужасом молил Борька.

Он вырвался, хотел бежать, но вокруг уже все всполошилось.

— Вон этих держите! — закричала баба в клетчатом полушалке, указывая на Чуму и Ноздрю.

Ребят выволокли на паперть. Там — нищие, беспризорники, юродивые, слепые, калеки.

— Бей их, ворюг!

— Нельзя! Самосудом нельзя!

— Ми-ли-ци-я!

Борька вдруг почувствовал, что лезут к нему в карман. Дрожащей рукой он нащупал что-то твердое. «Кошель! — похолодел Борька.— Ноздря подсунул!»

Борька резко выбросил кошелек. По каменным плитам зазвенела мелочь, зашуршали бумажки. Орава нищих бросилась людям под ноги. Они выли, дрались, отнимали деньги друг у друга. Громче других мычал страшный, оборванный глухонемой юродивый. Из его покрасневших глаз катились слезы. По подбородку текла слюна.

— Что делаете, бандиты? Что делаете? — бросился на колени хозяин кошелька...

— Отпустите его! Я его знаю! — вдруг услышал Борька.

Он обернулся и увидел попа, отца Никодима, Сергея Михайловича и мачеху.

— Отпустите его. Он хороший отрок. Верующий, я его знаю,— повторил отец Никодим.

И Борьку отпустили.

С ненавистью смотрели Ноздря с Чумой вслед удаляющемуся Борьке.

— Этих пацанов тоже отпустят! — с досадой сказала баба в клетчатом полушалке.— Не пойман — не вор!

Дома мачеха и Сергей Михайлович нещадно выпороли Борьку. Били по очереди. Били так, что несколько дней не мог выйти на улицу...

Вот и Борькин двор.

Борька пересек его, легко вбежал на второй этаж по крутой скрипучей лестнице. Толкнув входную дверь, он запер ее и, миновав прихожую, остановился у двери в комнату.

Мачеха мыла пол. Увидев Борьку, она плюхнула тряпку в ведро и всплеснула руками. Ее красивое лицо вытянулось.

— Ах, заморыш, ах, шпана! — заголосила мачеха и, не вытирая мокрых рук, пребольно вцепилась в Борькино ухо.— Где ты был, циркач проклятый? Я тебе где велела сесть? У «Централя»? Я туда два раза бегала! Где шатался? Небось, у горсада околачивался? Цирк свой поджидал? Я тебе покажу цирк!

Не желая ничего слушать, она выхватила банку из Борькиных рук и раскрыла ее.

— Гуталин початый. Где деньги?

— Не было работы... Сам себе ботинки почистил...

— Врешь! Украл! Украл! Пряниками обожрался, ворюга!

Схватив Борьку за шиворот, она начала тыкать щеткой куда попало. На его лице и теле один за другим отпечатывались черные следы от гуталина «Эллипс». Борька выскользнул из рубашки и нырнул под кровать.

Схватив со стены зонтик, мачеха нагнулась и стала тыкать им в угол, куда забился Борька. Борька поймал конец зонта.

— Пусти, хулиган, пусти! — вскрикнула мачеха.

Борька не выпускал зонта. Наоборот, вцепился в него еще крепче.

Мачеха потянула зонт к себе, Борька — к себе, мачеха — к себе, Борька — к себе. Мачеха чуть не вытащила Борьку, но он успел зацепиться ногой за комод. Закачалась глиняная кошка-копилка, зазвенели стопочки, наклонилась зеленая вазочка с бумажными розочками, забегали по блюдечку стеклянные разноцветные яички, а портретик Сергея Михайловича в рамочке из ракушек, так тот совсем упал.

— Змееныш! Ирод! — крикнула мачеха и резко дернула зонт кверху.

Тр-р-р-а-а-а-х-х!

Зонт сломался. Пополам. Мачеха залилась слезами. Тяжело дыша и всхлипывая, она подошла к комоду, прислонила портретик к шкатулочке из ракушек и уселась передохнуть на табуретку.

— Ну подожди, негодяй! Сейчас Сергей Михалыч из церкви придет. Он тебе покажет, рыжая тварь, он тебе даст! — шипела мачеха.

Борьку трясло от ярости: «За что? Что я сделал? В чем виноват? Каплю гуталина пожалела...» Слезы обиды душили Борьку.

Мачеха продолжала причитать:

— Если бы отец был жив, он бы убил тебя, вступился за меня, несчастную!

Борька скрипнул зубами. Неправда! Отец не убил бы. Наоборот! В обиду бы не дал!

— Молчишь? Вор! Ворюга! Зря за тебя на пасху вступилась. Жулик! Выручку украл!

«Только бы не заметила, что реву!»—подумал Борька.

В соседней комнате громко заплакал Коленька. Мачеха ушла. Борька лежал, съежившись, под кроватью, размазывая кулаками по лицу грязь, глотая слезы.

Раздался стук. Так стучал только Сергей Михайлович.

— Сейчас тебе будет! — заглянула в комнату мачеха и бросилась открывать дверь.

— Господи! — прошептал Борька и перекрестился.— Что делать? Убьют ведь!

Он выскочил из-под кровати, накинул на дверь крючок и придвинул к ней стол. «Не пущу! Ни за что не пущу!»

— Открой, паразит! — тихо сказал из-за двери Сергей Михайлович.

Борька молчал.

— Открой, бандит! — немного погодя повторил Сергей Михайлович.

Борька молчал.

— Открой, ворюга, хуже будет! — пригрозил Сергей Михайлович, не повышая голоса.

Борька не выдержал. Он схватил с комода портретик Сергея Михайловича и что есть силы швырнул им в дверь. Рамочка разлетелась вдребезги.

— Вот вам за ворюгу!

За дверью молчали.

— Что, струсили? — завопил вдруг Борька таким высоким голосом, что сам удивился даже.

— Да я тебя, бандита, в порошок сотру! — спокойно отозвался Сергей Михайлович.— А грачу твоему башку сверну!

— Не сотрете! Не сотрете! А грача не имеете права трогать! Мне его отец подарил.

Не помня себя от ярости, Борька трахнул об пол глиняную кошку-копилку, запустил в дверь шкатулку из ракушек, а стопочки и стеклянные яички вместе с блюдечком бросил в ведро.

За дверью громко запричитала мачеха и истошно заорал Коленька.

«Что бы еще сделать такого? — заметался по комнате Борька.— Колбаски! Колбаски с золотыми!»

Борька вырвал из печки оба кирпича, раскрыл коробку «Конфекты Ландрин» и сломал пополам первую колбаску. Несколько монеток звякнуло об пол. Борька запустил пригоршню монет в дверь и разорвал новую колбаску. Монеты покатились во все стороны. Борька ломал колбаску за колбаской и что есть мочи швырял монеты в дверь, в потолок, в стены.

Растоптав ногами коробку, Борька бросился к тумбочке, вытащил книжку про Симеона Столпника, сунул в карман стеклышко — лупу для выжигания — и свое главное сокровище — пищик из жестянки и колбасной шкурки. Изо всех сил пнув ногой по ведру, Борька побежал к окну.

«Ой, как высоко! Второй этаж!» Но думать было некогда, и Борька прыгнул. В ушах пронзительно засвистел ветер. Ноги сильно ударились о траву.

Поднявшись, Борька ворвался в сарайчик, схватил с жердочки своего грача и помчался по улице.

Так и бежал — без рубашки, всклокоченный, перепачканный гуталином «Эллипс», крепко прижимая к груди книжку и отчаянно каркающую птицу.

Вот и поповский дом. Борька чуть не сбил с ног отца Никодима, выходящего из своей калитки.

— Что с тобой? — ужаснулся священник.

Борька не сообразил, что ответить, шмыгнул носом, махнул рукой и побежал в соседний двор.

— Тебе кого, мальчик? — удивленно спросил кто-то сверху высоким, звонким голосом.

На крыше, чуть наклонив голову, стояла босоногая девочка. Ветер трепал ее старенькое ситцевое платье и золотистые спутавшиеся волосы. Над ней кружились и кувыркались голуби.

Из чердачного окна флигеля появился Влас. В волосах его застряли птичий пух и перья, в руке он держал грудастого и зобастого голубя.

— Опять отлупили? — спросил Влас у Борьки.

— Нет,— ответил Борька.

— Сейчас,— сказал Влас, спрыгнул на крышу сарайчика, передал девочке голубя и быстро начал спускаться по шаткой лестнице.

Девочка спустилась тоже, крепко держа в руке важного голубя.

— Это сестра моя, Нинка! — сказал Влас.

Девочка как две капли воды походила на брата. Чуть раскосые красивые монгольские глаза, широкие скулы, задорный, вздернутый носик, полуоткрытые от удивления губы.

— Ну, что случилось? Рассказывай.

— Пр-р-ривет! — неожиданно сказал грач и, вырвавшись из рук Борьки, уселся на его голом грязном плече.

Девочка ахнула и весело расхохоталась. Важный голубь сердито буркнул и заворочал шеей.

Внимательно посмотрев на девочку, Борька покраснел, прикрыл рукой крестик и, поминутно сбиваясь, стал рассказывать. Глаза девочки становились все серьезнее...

(Продолжение в следующем номере.)

Моченые яблоки

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

РАССКАЗ

Рисунок И. Гринштейна.

Гудит по лесу ветер, гнет высокие сосны, силится сломить их. Пружинят золотистые стволы, не поддаются ветру.

Низко над лесом несутся темные облака.

Настя идет против ветра. Руки засунуты в рукава. Взвизгивает под башмаками снег. Гулко и тревожно бьется сердце.

На вид Насте лет пятнадцать: маленькая и легкая, того и гляди, ветер унесет. Кольца волос над большими встревоженными глазами и платок вокруг лица опушились инеем. Длинная юбка хлещет по ногам. Короткий материн жакет не придает солидности. Девчонка, как есть девчонка. Сегодня у Финляндского вокзала остановил ее какой-то дед: «Скажи, девочка, как мне добраться до Невского проспекта?» Настя объясняла совсем по-взрослому, а старик на прощание сказал: «Дай бог тебе здоровья, девочка»,— так и не признал за взрослую.

Настя шагает по плохо укатанной, заснеженной дороге и про себя отмечает: вот забор с надписью «Во дворе злая собака». И впрямь, к забору кинулся огромный пегий пес.

На всякий случай Настя перешла на другую сторону.

Михаил Степанович говорил, что потом должна быть красная дача в два окна на улицу, а там недалеко и до «Вазы».

Навстречу мчится парнишка на поткурях. Одной ногой бежит по дороге, другой стоит на длинном полозе саней. Смешно. Кивнул ей головой, будто знакомый.

Вот показалась островерхая крыша двухэтажной дачи с разноцветными стеклышками на веранде. Вокруг дачи мохнатые ели. Это и есть «Ваза». Девушка оглянулась. Наказ ей дан строжайший: зайти в дом никем не замеченной, не привести, чего доброго, за собой шпика. На улице ни души, только ветер носится и ревет, как оглашенный. Хотела уже свернуть на тропинку, как послышался грозный окрик:

— Эй, поберегись!

Настя вздрогнула и заметалась по дороге, побежала назад, словно и не собиралась сворачивать на тропинку, оступилась на обочине и увязла в снегу по колено. Мимо проехали сани, а на девушку глянули из-под башлыка недружелюбные глаза. Сердито топорщились заиндевевшие усы.

«Откуда он взялся? Какой сердитый! Уж не шпик ли?» Настя долго следила за санями, и чем дальше они удалялись, тем спокойнее становилось на сердце.

Теперь можно повернуть к даче. Сделала два шага и видит: из калитки вышли двое — мужчина и женщина. Женщина в белых валенках впереди, мужчина в черных валенках сзади. Рванул вихрь, женщина отвернула лицо в сторону, мужчина подошел к ней, заботливо поднял воротник ее пальто, взял под руку, и они пошли прямо по снежной целине в лес. Настя пригнулась и сделала вид, что зашнуровывает ботинок. Выждала, пока они скрылись в лесу, осмотрелась вокруг и побежала к калитке, потом — через двор. Дощатая дверь с широкой щелью во всю длину легко открылась. В сенях вторая дверь, обитая войлоком. Постучала в планку, ответа нет. Дернула за ручку — дверь заперта. «Значит, это они вышли погулять. Боялась опоздать, приехала раньше, вот теперь и жди».

Настя стояла, переминаясь с ноги на ногу. Звякнуло кольцо на калитке. «Вернулись!» И Настя стала вспоминать, что сказать. «Не надо ли вам моченых яблок? Не надо ли вам моченых яблок?» — твердила она шепотом пароль и отвечала себе: «Если недорого, возьмем фунта два».

Девушка прильнула к щели в двери и тотчас отпрянула: по расчищенной дорожке, между высоких снеговых стен, шел высокий человек в башлыке с заиндевевшими усами.

«Тот самый... Сердитый... Высмотрел... Вернулся...» Настя кинулась подальше от двери, натолкнулась на большой ларь. Приподняла крышку — на дне несколько поленьев. Подумать не успела: некогда было. Прыгнула в ларь и осторожно опустила над собой крышку. Хотела устроиться поудобнее, но сердитый уже вошел в сени. Настя сжалась в комок, ей сразу стало жарко. Человек постучал в дверь и стал ходить по сеням взад-вперед, взад-вперед, потом подошел к ларю и остановился. Настя замерла: «Сейчас откроет... Выскочу и выцарапаю проклятому глаза! Сама привела, сама с ним и

Владимир Ильич вынул из кармана варежку и стал растирать Настины руки.

расправлюсь». Крышка ларя затрещала. Настя зажмурила глаза. Нет, не открыл, а просто уселся на ларе. Стучит нога об ногу: наверно, ему тоже холодно. Ну и пусть, хоть бы совсем закоченел! «Дура, дуреха,— думала горестно Настя,— ни ростом, ни умом не вышла. Вот и сиди теперь, как разнесчастная мышь в мышеловке. Вот тебе и первое партийное поручение...»

Клонит в сон. Нет, спать нельзя, соображать надо, как усатого выпроводить. «Закричу. Он испугается и соскочит с ларя. Я открою крышку и побегу. Схватить не успеет, а как опомнится, я буду бежать в другую сторону от леса. Догонит? Пусть, а беду от этого дома я отведу».

Настя набрала воздуху, чтобы крик получился погромче, пострашнее, но в это время в сенях заговорили.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! Добрый день, Владимир Ильич!

Владимир Ильич? Ленин? Да не ослышалась ли Настя? Так, значит, и человек на ларе не шпик, а свой!..

— Вы нас долго ждете? — спросила Надежда Константиновна.

— Минут двадцать. Привез вам почту.

— Вот хорошо, что мы раньше вернулись, а то вы совсем замерзли бы...

Это голос Владимира Ильича. Это он, он! Вот кого могла бы она погубить, вот почему так строго предупреждал Михаил Степанович об осторожности!

— Заходите обогреться.— Это опять Владимир Ильич.

— Нет, нет, я спешу. Возле вашего дома болталась какая-то подозрительная девчонка. Мне пришлось проехать до конца поселка, я там оставил лошадь. Благополучно оставаться!

— Спасибо, до свидания!

В замочной скважине заскрежетал ключ. Настя собралась с силами:

— Моченые яблоки... Не нужно ли вам яблок... моченых?..— Прозвучало это и глухо и жалостливо.

В следующий миг открылась крышка, и над девушкой склонилось встревоженное лицо Вла-

димира Ильича. Прищуренные глаза всматривались в ларь.

— Владимир Ильич... Моченые яблоки...— всхлипнула Настя.

— Надюша, подержи-ка почту.— Владимир Ильич подхватил девушку на руки и вынул из ларя.

— Не плачьте, пожалуйста, не плачьте! И моченые яблоки мы возьмем — фунта два, если недорого. Боюсь, что это слишком дорого вам обошлось.

Надежда Константиновна спешила открыть дверь.

Владимир Ильич внес девушку в комнату, усадил на диван, осмотрел ее руки.

— Ай-яй-яй, моченые яблоки стали совсем мороженые!

— Я сейчас вскипячу чай.— И Надежда Константиновна, как была в пальто и шапке, стала разжигать примус. Вскоре под чайником задрожала синяя астра огня.

Надежда Константиновна быстро сняла пальто, переобулась, поставила валенки на печку и принялась разувать девушку.

Владимир Ильич вынул из кармана варежку и стал растирать Настины руки.

Настя не могла говорить, и ее ни о чем не расспрашивали. А слезы, противные, сами катились по щекам, и не столько от боли, сколько от досады и стыда.

Надежда Константиновна осмотрела Настины ноги и покачала головой.

— Еще бы немного — и было бы совсем худо, но, кажется, отделались счастливо.

Пальцы на руках покалывало горячими иголками, а мизинец распух и болел.

Владимир Ильич встал.

— Уфф! Теперь объясните, пожалуйста, для чего вам потребовалось забираться в ларь?

Настя рассказала. Владимир Ильич смеялся до слез, и Настя смеялась.

— А наш великий конспиратор вас перепугался. Какая-то, говорит, подозрительная личность ходила перед дачей,— сквозь смех говорил Владимир Ильич.

«И вовсе не личность, а девчонка, и глупая притом»,— думала Настя.

— А сколько вам лет? — поинтересовался Владимир Ильич, глянув на распухшее от слез и холода лицо девушки.

— Восемнадцатый,— не совсем уверенно ответила Настя и покраснела.

— Я так и думал.— И Настя не могла понять, что хотел сказать этим Владимир Ильич.

— Так вы приехали за моей статьей в «Пролетарий»? Я так понял?

— Да, да. Михаил Степанович велел ее доставить к вечеру, и я должна немедленно ехать. Я уже могу...

— А статья-то у меня еще не готова, да-с, не готова,— сказал виноватым голосом Владимир Ильич.— Мне понадобится еще часа два-три, не меньше. Как ты думаешь, Надюша?

Надежда Константиновна взглянула на пунцовые ноги девушки и сказала:

— Да, я думаю, часа три.

— Как же не готова? — недоверчиво спросила Настя.— Михаил Степанович сказал, что должна быть готова.

— Непредвиденные обстоятельства,— пожал плечами Владимир Ильич.— Замешкался... Прогулял... Пока я закончу, вы можете поспать. Вам архинеобходимо вздремнуть. Как только я справлюсь, мы вас разбудим.

Настя села пить чай с Надеждой Константиновной. Владимир Ильич устроился в соседней комнате писать.

«Значит, и вправду не закончил»,— подумала Настя. Ее оттаявшие волосы завивались кольцами на лбу, шпильки из пучка выпали, и две коротенькие косы болтались по плечам.

А потом Настя покорно положила голову на подушку, подсунутую ей Надеждой Константиновной, с наслаждением вытянула ноги под теплым одеялом и не помнила, как заснула.

Разбудил ее Владимир Ильич.

— Вам пора ехать. Если только ноги не болят.

— Нет, нет,— вскочила Настя.

— И, кстати,— продолжал Владимир Ильич,— я не только эту статью закончил, но и написал вторую, весьма и весьма нужную.

Настя шла по улице. Ветер дул ей в спину и словно подгонял ее. Белые и такие теплые валенки похрустывали по снегу. Пальцы в тех самых варежках, которыми ей растирал руки Владимир Ильич, чуть пощипывало, но не от холода, а от тепла. Вот только болел забинтованный мизинец на правой руке.

За забором лает пегая собака, громко лает, но не страшно.

— Вы, девушка, не бойтесь, она не кусается! — кричит ей кто-то из-за забора.

— А я и не боюсь,— отвечает Настя.

Ей не страшно. Вот идет мужчина с сундучком железнодорожника в руках. «Наверно, со смены идет. Ну и пускай себе идет. Он по своим делам, я по своим. Не все же шпики на свете, хороших людей куда больше».

Под суконным жакетом на груди у Насти прижаты две статьи Ильича для большевистской газеты «Пролетарий».

ГЛОБУС

Город —
Точка на Земле,
Море —
Меньше лужицы.
Пестрый шарик
На столе
Кружится,
Кружится...

Мы глядим, удивлены:
Так Земля видна с Луны.

Г. САПГИР

Рисунки Э. Булатова.

МЕТЕОРИТ

Я видел сам,
Я видел сам,
Как он летел
По небесам!
Перелетел
Через забор
И шлепнулся
В соседний двор.
Как только в дом
Не угодил
И чердака
Не повредил!

И дядя Коля
Подтвердит,
Что пролетел
Метеорит,
Что это камень
Не простой —
Небесный,
Может, золотой!

Искали мы
В чужом дворе,
На стройке
И на пустыре.
Камней немало
Там лежит.
Какой из них
Метеорит!

Вдруг
Витька закричал:
— Ура!
А посреди двора —
Дыра.
Конечно, это гость
С небес!..
И Витька сам
В дыру
Полез.
— Вот,— говорит,—
Метеорит.
Схватил я
Камень
Сгоряча,
Гляжу:
Обломок кирпича...
Я все ищу.
Хожу с тех пор
На стройку
И на этот двор.
На месте ямы
Столб стоит.
А дядя Коля
Говорит:
— Ну как!
Нашел метеорит,
Твой золотой
Метеорит!

В комнате
В темноте
Двое
Рядышком сидят:
Старший брат
И младший брат.
— Хочешь
Видеть марсиан!
Я сейчас
Включу экран.
Щелк!
Включаю!
На экране
Появились
Марсиане.
Марсиане смотрят
В трубы.
Марсиане скалят
Зубы.
Машут крыльями,
Как птицы,
Приглашают
Примарситься.
Ближе,
Ближе...
Видишь!
— Вижу...
Нет, не вижу.
Ты чудак,
Ты ведь, Колька,
Просто так
Все придумал
Про экран
И крылатых
Марсиан.

Я знаю тайну.
По секрету
Я расскажу вам
Тайну эту.
Я знаю,
Все на свете
Дети
Мечтают
Полететь
В ракете.

Будущим космонавтам

Взлетел в ракете
Русский парень,
Всю Землю
Видел
С высоты.
Был первым
В Космосе
Гагарин,
Вторым —
Титов...

А ты!
Каким по счету будешь ты!

— Алло! Докладывает пост ЮДП.
— Дежурный по заставе слушает.
— На нашем участке все в порядке.
— Вас понял. Примите срочное задание...

Фото И. Гричера.

За дело, друзья!

Председатель Московского городского совета пионерской организации имени В. И. Ленина
Т. ГОЛУБЦОВА

19 мая, в день 40-летия Всесоюзной ордена Ленина пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, юные ленинцы рапортовали коммунистам и комсомольцам об итогах пионерской двухлетки.

Много хороших дел и у московских пионеров: ленинские музеи и выставки, 100 тысяч учебных пособий, изготовленных руками ребят, 44 тысячи тонн металлического лома, эшелон пионерских подарков для целины...

Многие отряды московских школ помогали комсомольцам ремонтировать школы, мастерили подарки сельским ребятам, посылали книги и тетради юным кубинцам, чтобы помочь им ликвидировать неграмотность в их стране.

Всех дел, пожалуй, и не перечесть. Но самое главное, чем особенно гордятся ребята,— за годы пионерской двухлетки стали они активнее, энергичнее, самостоятельнее.

За эти два года вырос и пионерский актив, окрепли пионерские дружины.

Двухлетка кончилась. Но все лучшее, все самое важное, что было сделано, нужно закрепить и продолжить.

Вы знаете, конечно, что победители соревнования в честь 40-летия пионерской организации собрались в Артеке на Всесоюзный пионерский слет, чтобы подвести итоги, обменяться опытом. Это был радостный и веселый праздник, большой и деловой совет о том, как жить дальше, что еще сделать интересного и полезного.

Слет принял обращение ко всем пионерам Советского Союза, которое призывает их учиться по-ленински, трудиться по-ленински, любить нашу Родину так, как любил ее дорогой Ильич.

Отрядам дана была команда — выйти на старт соревнования 2 октября 1962 года, в годовщину выступления Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола.

А чтобы помочь вам, ребята, проводить соревнование, чтобы подсказать, как лучше начать и что полезнее сделать, в августе Бюро Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина утвердило Положение о соревновании на лучший пионерский отряд. Не забудьте заглянуть в это Положение, расспросите о нем своих учителей и пионерских вожатых. А потом соберитесь и подумайте, что сделает ваш отряд, с чего вы начнете.

Вот, например, в Положении сказано:

«Пионеры во всем стараются быть похожими на своих старших товарищей — коммунистов и комсомольцев».

А что сделаете вы, ребята?

Я уверена, что вы не подведете, что у вашего пионерского отряда появятся новые хорошие дела.

Не может пионерский отряд забыть и об основном деле пионеров — об учебе. **«Учиться на совесть» — одна из заповедей отрядов — спутников семилетки.** Теперь эта заповедь должна стать принципом жизни каждого пионерского коллектива.

Вот в отряде 6-го класса 34-й школы Ленинского района Москвы ребята решили: «Сохраним свой класс в полном составе до выпуска из восьмилетней школы. Ни одного ученика не потеряем». Как же им это удается? Что они для этого делают? Очень многое: помогают отстающим, следят, чтобы каждый ученик выполнял ре-

жим дня, а тому, кто заболел, пропустил уроки, не забывают отнести домашнее задание и помогают его приготовить.

В Москве в этом году будут проходить олимпиады и конкурсы на лучшего математика, физика. Такие олимпиады и конкурсы можно проводить в любом городе, районе, селе. Нужно только, чтобы каждый отряд позаботился: пусть больше ребят участвует в них, пусть все попробуют силы в этом хорошем соревновании. А лучшим нужно присвоить звание «Победитель олимпиады» и вручить награды. Какие? Придумайте сами, все будет зависеть от вашего вкуса, смекалки и выдумки.

Лучше учится тот, кто умеет интересно и хорошо отдыхать, кто любит заниматься спортом.

Молодцы ребята в 75-й московской школе Киевского района. У них каждый пионерский отряд — спортивный коллектив. Все пионеры приняли участие в международных легкоатлетических соревнованиях. Как победители Всесоюзного состязания по четырехборью, пионеры этой школы летом побывали в Болгарии. Там они участвовали в международном соревновании по пионерскому четырехборью. Спорт помогает этим ребятам и лучше учиться и крепче дружить.

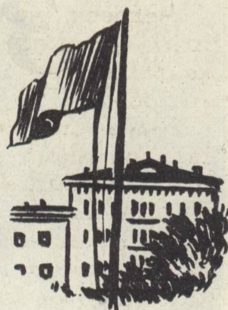

Как вы помните, **одно из условий соревнования: каждому дело по душе.**

Интересы у ребят в отряде разные: один любит технику, другой — плясать, третий увлекается марками. Как сделать, чтобы всем было весело и интересно и чтоб всем—дело по душе? Наверное, можно по-разному. Вот в школе № 216 Тимирязевского района Москвы пионерские отряды помогли совету дружины создать клубы по интересам: «любителей искусства», «интернациональной дружбы» и др. А чтобы клубы лучше работали, к каждому из них прикрепили разные пионерские отряды, чтоб шефствовали над ними. И получилось здорово: каждому нашлось любимое дело и озорничать стало некогда. И нет в дружине ни одного случая нарушения общественного порядка.

Отряды могут помочь создать клубы не только в школе, но и по месту жительства, в красных уголках, при жэках.

Каждый пионерский отряд — хозяин в своей зоне пионерского действия.

Почти во всех московских школах есть такие зоны. Там ребят касается все: и работа с малышами в детском саду, и охрана зеленых насаждений, и благоустройство дворов, и помощь милиционерам — регулировщикам на улицах. Вы, конечно, запомнили уже, что отряд работает без каникул. И многие московские ребята, выезжая в загородные пионерские лагеря, помогают и там организовать зоны пионерского действия сельским ребятам.

«Юных ленинцев отряд — октябрятам старший брат», — говорится в Обращении. Октябрята — смена пионерам, они еще маленькие, и им нужно помогать. В Москве над каждой октябрятской группой шефствуют пионерские отряды. Они помогают младшим хорошо учиться, организуют для них занимательные игры и, главное, готовят октябрят к вступлению в пионеры.

Соревнование отрядов еще только начинается, но именно сейчас нужно подумать о том, как стать победителями.

А победителями будут те отряды, которые проявят больше инициативы, смекалки, выдумки;

где нет равнодушных;

где в совете отряда самые энергичные ребята;

где есть «разведка полезных дел».

В дружине «спутник семилетки» московской школы № 605 именно с «разведки полезных дел» начинается самое интересное. Разведка донесла: недалеко от школы — пустырь, нужно его благоустроить, и сейчас на этом месте уютный, тенистый бульвар.

В пионерском отряде может быть много хороших дел. Но грош цена будет отряду, если есть в нем ребята, пусть даже один, два, нарушающие дисциплину, общественный порядок в школе и на улице.

Каждый пионерский отряд, включившийся во всесоюзное соревнование, мечтает, конечно, добиться звания «спутник семилетки». А главная заповедь «спутника»: **«Один за всех и все за одного».**

«Человек человеку — друг, товарищ и брат» — этот принцип нашего общества должен стать принципом жизни и пионерских отрядов.

Лучше идут дела в тех пионерских отрядах, где много друзей: комсомольцев, рабочих, ученых, артистов, пенсионеров.

В московской школе № 794 в пионерских отрядах есть «советы друзей». Каждый пионерский отряд дружит с полярниками, железнодорожниками, летчиками.

Пусть каждый пионерский отряд вызовет на соревнование другой пионерский коллектив своей школы или соседней. Внутри пионерского отряда пусть соревнуются звенья.

Но только помните: соревнование — это взаимопомощь. Те пионерские отряды, которые получили почетное звание «спутников», могут и должны помочь другим отрядам получить это звание.

Те отряды, которые станут победителями в городе, направят пять лучших своих пионеров на всесоюзный сбор пионерского актива.

Пионерский актив отрядов! Совет дружины! Уже сейчас надо подумать о том, как отметить лучшие отряды и активистов своей дружины.

Могут быть и вымпелы, и фотографирование у развернутого дружинного знамени, и грамоты, и занесение в дружинную книгу почета...

Владимир Ильич мечтал видеть вас, ребята, активными помощниками старших во всех делах, в строительстве нашей новой жизни.

Растите же, юные ленинцы, такими, какими хотел видеть вас Ленин!

За дело, юные друзья!

— Наши ракеты тоже сильно нагреваются при подъеме, поэтому корпус делается из очень прочного материала,— объясняет Вова Шишкин Герману Степановичу Титову, приехавшему в гости к юным авиамоделистам Московского дворца пионеров.

Фото И. Гольдберга.

Над Артеком спускается ночь.

Исчезло вдруг море. Исчезло небо. И нет больше горизонта.

Есть огромное сине-серое пространство. И там плещутся волны.

Волны бегут, и бегут, и бегут, и все шумят, шумят — несут вести от дальних берегов, из далеких, неведомых стран.

Притихли девчонки, притихли мальчишки. Слушают девчонки и мальчишки голос неведомых стран.

Сложили на берегу сухие ветки. Зажгли огонек и пустили его по веткам. Побежал огонек быстро, быстро. Треск-хруп. Треск-хруп.

Запылали ветки, задрожало пламя. Голубое, желтое, красное, красное, как флаги.

Глядят мальчишки, глядят девчонки — и перед ними вдруг вырастают новые, дивные города, новые, необыкновенные трассы и корабли, штурмующие космос, и смельчаки, покоряющие планеты.

Фантазируют мальчишки, фантазируют девчонки. Девчонки и мальчишки мечтают.

Что такое подвиг? Какие бывают подвиги? Кто совершает подвиги? И как прожить жизнь?

Зоя Космодемьянская, Александр Матросов — вот это подвиг!

Юрий Гагарин, Герман Титов — это сказка, это мечта, это из подвигов подвиг!

А Валентина Гаганова? Перешла из передовой бригады в отстающую, пожертвовала своим благом ради товарищей, ради дела. Это подвиг? Или просто хороший поступок?..

А Тур Хейердал, переплывший на плоту океан? Совершил ли он подвиг?

Спорят мальчишки, спорят девчонки, спорят и беспокоят-

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ ВЕДУТ РАЗГОВОР

Лия СИМОНОВА

ся: хватит ли подвигов на их долю?

Спускается над Артеком ночь. Исчезло море и небо.

Бегут и шумят волны.

Потрескивают сухие ветки. Горит красное пламя.

Мальчишки и девчонки мечтают о подвиге.

Мечтает Валера Горбатко, мечтает Вова Гартман, мечтает Галя Букарева, мечтает Коля Муйтуев.

А Коля, мальчишки, ваш Коля Муйтуев из 9-го отряда? Такой невысокий, скуластый и смуглый, с черными, как смородина, глазами. Из алтайского села Кайсын... Расспросите его, мальчишки, о горах, об овцах его совхоза, о трудных вахтах чабанов и о нем самом. Расспросите, раз уж вы говорите о подвигах.

...Отец у Коли чабан, и дед был чабаном, и прадед — чабаном. И Колю тянет в горы... Приедет весной из интерната домой и уходит с отцом в горы.

Они ведут свою отару туда, где много сочной и вкусной травы и воздух прозрачный и чистый.

Отара у Муйтуева-старшего большая. Самая большая в совхозе — тысяча девять овец. Тысяча девять овец — большое богатство!

Люди доверили чабану это богатство, и чабан перед ними в ответе.

Чабан должен быть храбрым и мудрым. Осторожным и предусмотрительным. И глаза у чабана зоркие и движения верные.

В горах нельзя иначе. Горы нужно знать. То неожиданно наплывают туманы. То внезапно хлынет дождь с градом. То вдруг на отару нападает медведь...

И на их отару напал однажды медведь. Задрал овцу. А когда собрали отару, оказалось, нет еще двадцати овец. Должно быть, испугались медведя, бросились в сторону, отстали от отары, заблудились.

Случилось это в самом опасном месте, у перевала. Перед грозой. Если буря будет сильной, ягнята погибнут на перевале. И отец сказал, что надо торопиться, нужно проскочить перевал прежде, чем начнется гроза.

Но бросить двадцать совхозных овец нельзя. Коля отправился на поиски.

...Испуганные овцы забились в расщелину между скалами, не сумели выйти. Повернуть их теперь к отаре не просто. А туман становится все гуще и гуще, и почти не видно дороги.

Да, это было трудно и рискованно. Но Коля все-таки повернул овец, пригнал их к отаре, помог отцу провести отару через перевал.

Отара была спасена. Чабаны провели ее через трудный и опасный перевал, через горы и скалы, в бурю.

Вы ведь знаете этого мальчишку. Такой невысокий. Скуластый и смуглый, с черными, как смородина, глазами. Из алтайского села Кайсын.

...Он живет рядом с нами, в нашем девятом отряде, на нашей Дружной даче, в нашем Лазурном лагере...

Вместе с нами он вскакивает утром по звуку горна, и делает зарядку, и купается в солнечном море, и слушает плеск волны, и зажигает костры, и... беспокоится, что не хватит на его долю подвигов...

Притихли девчонки, притихли мальчишки. Слушают девчонки, слушают мальчишки, слушают товарища.

А волны бегут, и бегут, и бегут, и уносят в огромное сине-серое пространство разговор мальчишек и девчонок, и их мечту, и отблеск пламени их костра, пламени красного, как флаги.

Эй, дальние берега, неведомые страны! Слышите вы мальчишек и девчонок шестидесятых годов XX века?!

Почему и отчего

Я слышал, что в Антарктиде нашли оазисы. Вот об этом я хотел бы узнать. Почему же там оазисы?

Саша Носков
г. Ленинград.

Оазисы в царстве льда, на материке Антарктиды, совсем не похожи на оазисы североафриканских пустынь, заросшие финиковыми пальмами и другой пышной растительностью.

Советские ученые обследовали в Антарктиде оазис Бангера и Западный оазис. На голых скалах они обнаружили лишь низкорослые лишайники и немногочисленных примитивных насекомых, а в пресных озерах — мелких веслоногих рачков, коловраток и налет микроскопических водорослей.

Но если вспомнить, что остальная поверхность Антарктиды всегда покрыта многометровой толщей безжизненного льда, становится удивительным даже само существование оазисов, а тем более, что в них есть жизнь, хоть и очень бедная.

Как же и почему образовались антарктические оазисы? Наши ученые объясняют это разными причинами.

Во-первых, в этих районах преобладают воздушные потоки, постоянно направленные вверх. Потоки препятствуют накоплению здесь осадков в виде снега и льда, а кроме того, способствуют некоторому повышению температуры по сравнению с другими местностями Антарктиды.

Во-вторых, особенности рельефа заставляют ледники обходить эти места, и здесь смогла обнажиться из-подо льда поверхность скал. Скалы темного цвета и поглощают тепловые лучи, а белая поверхность снега и льда их почти полностью отражает. Постепенно оазисы оттаивали все больше и больше, и в них создались условия для жизни примитивных живых существ и растений.

Кандидат биологических наук
О. МОКИЕВСКИЙ

Почему и отчего

БАРИМА

Брит. Гвиана

Южн. Америка

Южная Америка — родина самых удивительных, самых красивых и самых ужасающих своим видом животных. Вряд ли где-нибудь еще живет более невероятное существо, чем ленивец, более странное, чем гигантский муравьед, и более красивое, чем попугай макао или колибри.

Я много читал обо всех этих животных, но и мечтать не смел о поездке в Южную Америку.

Работая в одной из телестудий, я отвечал за серию передач о различных видах тропических животных. Для иллюстрации мы показывали животных из Лондонского зоопарка. Конечно, эти передачи были бы гораздо интереснее, если бы мы могли показать животных в природе. Но чтобы снять их на кинопленку, необходимо снарядить экспедицию.

И вот представляете мою радость, когда такая экспедиция была создана, и в марте 1955 года я с тремя коллегами вылетел в Британскую Гвиану.

Немало приключений и забавных историй произошло с нами в тропических лесах и саванне Южной Америки, где мы собрали богатую коллекцию удивительных животных и сняли кинофильм, о котором мечтали. О некоторых из них вы прочитаете в журнале.

Д. АТТЕНБОРО

Рисунки В. Цельмера.

Мы плыли на лодках по реке Бариме. В то время как двое из нас спали — один в гамаке, а другой, растянувшись на крыше баркаса,— третий сидел на носу. Это был наш «впередсмотрящий». Завидев деревню, он направлял лодку к берегу.

Лишь немногие из поселений состояли больше чем из трех хижин, а часто это было одно строение, окруженное рощами кокосовых пальм и рисовыми полями. Люди, выходившие на наши крики, были преимущественно индийцами (выходцами из Индии). Они смотрели на нас с недоумением, не понимая энергичных жестов, при помощи которых мы пытались объяснить, чего мы от них хотим. И когда мы вновь забирались в баркас, у нас не было никакой уверенности в том, что люди на берегу поняли хотя бы одно слово из того, что мы им говорили.

Поздно вечером мы добрались до Кориабо. На другое утро пришел наш механик Бринсли и сообщил нам неприятную новость. Он сказал, что не может отвезти нас в Аракака, так как мотор нашей лодки отказался служить после почти полуторасуточного перехода. Мы не рассердились на него и не огорчились. Кориабо оказалось очень приятным местом, жители его были приветливые, симпатичные, а в окружающем деревню лесу было много всякой живности.

Деревня буквально кишела ручными животными. Хижина одной старушки, которую все ласково называли Мамой, представляла собой маленький зверинец. Зеленые попугаи прыгали по крыше, в плетенных из прутьев клетках, подвешенных к карнизам, порхали и пели синие танагери, пара взъерошенных птенцов попугая макао рылась в золе очага, а в глубине хижины слонялся на веревке капуцин.

Капибары с наслаждением играли в реке.

Мы сидели на пороге хижины и разговаривали с Мамой, как вдруг в зарослях позади нас раздалось пронзительное, похожее на свист хихиканье, и из травы вышли два свино образных существа. У них был очень серьезный, даже унылый вид. Они остановились в нескольких шагах от хижины, сели на землю и с презрением уставились на нас.

Пришельцы были похожи на больших коричневых свиней, только форма головы у них была иная: «пятачка» не было, а нос был такой тупой, что в профиль голова казалась почти прямоугольной. Видимо, благодаря этому у них был необыкновенно высокомерный вид, который так не вязался с неуместным хихиканьем. Это были капибары — самые крупные грызуны в мире. Я протянул руку и хотел погладить одного из них, но животное отдернуло голову и тяпнуло меня за палец.

— Он не сделает больно,— сказала Мама.— Он хочет пососать.

Я осторожно поднес палец к носу животного. Оно издало свистящий звук, ощерило свои широкие оранжевые зубы, забрало мой палец в пасть и принялось сосать его, причмокивая.

Мама, знание английского языка которой было весьма ограниченно, объяснила с помощью жестикуляции, что она поймала капибаров совсем крошечными и кормила их из бутылочки с соской. Теперь они, уже почти взрослые, никак не могли отучиться от привычки сосать все, что им ни попадалось.

Мы спросили, нельзя ли нам будет снять капибаров для кинофильма. Мама кивнула утвердительно, и Чарлз привел камеру в готовность.

Капибары — водоплавающие животные. Они выходят на сушу только по ночам, чтобы попастись. Нам хотелось снять их плавающими, и я попытался заманить их в реку. Они свистели и хихикали, но упрямо отказывались даже близко подойти к воде. Отчаявшись, я решил загнать их в реку (где-то я читал, что встревоженные капибары бросаются в воду), но наша парочка упрямо пряталась в тенистом уголке возле хижины Мамы. Мне становилось все жарче от беготни за животными, от криков и хлопанья в ладоши, а Мама сидела на пороге своего домика и с удивлением смотрела на меня.

— Ничего не поделаешь,— заявил я наконец Чарлзу.— Эти ручные капибары совсем, наверно, разучились плавать.

По лицу Мамы было видно, что она наконец поняла, чего я хотел от ее воспитанников.

— Плавать? — спросила она.

— Да, да! Плавать! — крикнул я.

— Плавать,— повторила она с улыбкой.— Айии!

В ответ на ее пронзительный крик из-за хижины выскочили двое голых мальчуганов. Она что-то сказала, и ребятишки бросились к речке. Капибары покосились на нас и потрусили за ними. Все четверо бросились в воду и начали брызгаться и плескаться.

Мама спокойно наблюдала за ними. Она объяснила, что с самого раннего детства четверо младенцев всегда купались вместе, и теперь капибары не входят в реку без детей.

Мы сказали Маме, что тоже любим ручных животных и надеемся многих увезти отсюда в свою страну.

— Капибары стали уже взрослыми,— сказала она.— Хотите взять их? Я достану себе других, маленьких.

Мы очень обрадовались этому предложению и договорились с Мамой, что соорудим клетку в Аракаке, если только нам удастся попасть туда, и заберем животных на обратном пути.

Неподалеку от хижины, в которой мы остановились, рос большой куст, усыпанный ярко-красными цветами. Джек заметил, что каждый вечер сюда прилетали колибри, чтобы добывать себе пищу из цветов, которыми был усыпан куст. И он решил поймать нескольких птичек при помощи птичьего клея.

Клей этот похож на довольно грязную жевательную резинку. Чтобы он не потерял клейкости, его нужно держать в растворе лимонного сока. Джек открыл жестянку, поплевал на ладони, вытянул клей в виде длинных, тонких нитей и обмотал ими ветки. На это ушло не менее часа. Закончив приготовления, Джэк сел на пороге, наблюдая за кустом в бинокль.

Солнце село, стали прилетать птицы. Самой яркой оказалась синяя колибри. Она была с воробья. У нее был тонкий, изогнутый клюв, бирюзовая головка, ярко-синее туловище, а крылья черные. Птичка подлетела к кусту и села на ветке, которую Джек не смог достать. Мы с тревогой наблюдали за ней в бинокль. Она несколько минут пила нектар из цветов, потом вспорхнула и, покружившись в воздухе, уселась на ветку, обмазанную клеем. Мы затаили дыхание. Вдруг птичка потеряла равновесие, повисла вниз головкой. Джек сломя голову кинулся к кусту, осторожно взял в одну руку крохотное, изящное существо, а другой рукой очистил крошечные лапки от клея.

Птичку посадили в большую клетку. Она полетала по клетке, а потом опустилась на жердочку и стала добывать себе ужин из бутылочки меда, подвешенной к клетке.

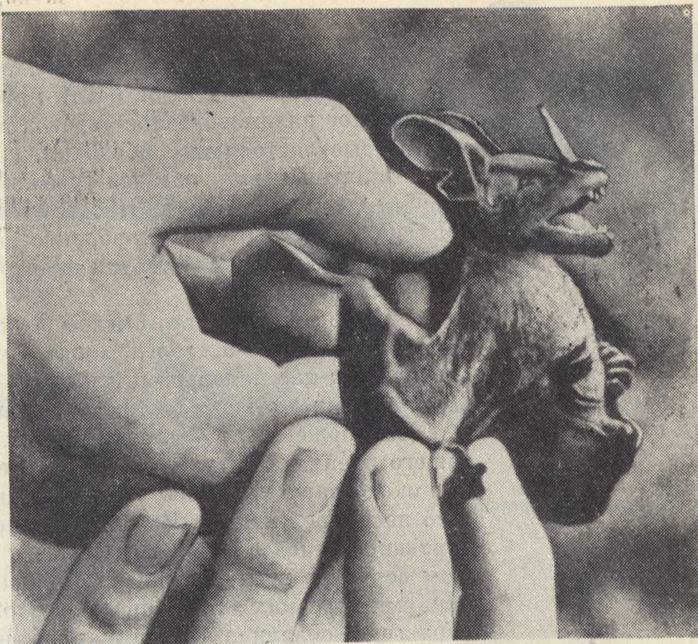

Когда мы улеглись спать в отведенной нам хибарке, мне пришлось основательно понервничать. Джек и Чарлз мгновенно уснули под своими москитными сетками, моя же сетка, к несчастью, пропала, и последние четыре дня мне приходилось обходиться без нее. Чтобы отвлечь от себя москитов, я повесил в ногах своего гамака зажженную парафиновую лампу. Минут через десять в открытое окно влетела летучая мышь. Она пролетела мимо моего гамака, покружилась по комнате, опять подлетела к гамаку и вылетела в окно. Каждые две минуты она влетала в комнату и описывала по ней круги с утомляющим однообразием.

Возможно, что это был вампир. На носу летучей мыши я не разглядел листообразного украшения, которое отличает многие виды безвредных летучих мышей и которых нет у вампиров. Я был убежден, что наша непрошеная гостья была вооружена парой треугольных, острых, как бритва, передних зу-

бов, которыми вампир срезает у своих жертв тонкий слой кожи. Потом вампир припадает к ране и начинает сосать кровь. Он проделывает это, не нарушая сна человека, и утром единственным признаком неприятного посещения бывает только залитое кровью одеяло. Не исключена возможность, что через три недели человек, укушенный вампиром, может заболеть ужасной болезнью — бешенством.

Летучая мышь вдруг опустилась на пол в углу комнаты и, как вампир, сложив крылья, принялась топтаться на полу. Она была похожа на отвратительного четырехлапого паука. Я не выдержал и, не вылезая из гамака, схватил сапог и бросил его в зверюгу. Она взмахнула крыльями и вылетела в окно.

Такого украшения на носу нет у вампиров.

Через двадцать минут я, однако, почувствовал почти благодарность к вампиру. Это он не дал мне заснуть, и я наконец смог записать один из самых таинственных звуков южноамериканского леса, за которым я «охотился» в течение нескольких недель.

Впервые я услышал этот звук во время нашего путешествия вверх по Кукуи. Мы разбили лагерь в лесу на берегу реки.

Мы улеглись в свои гамаки, подвешенные между деревьями. Засыпая, мы видели над собой мерцающие звезды. Вокруг нас высились призрачные очертания кустов и вьющихся растений. Вдруг тишину леса пронизал резкий, леденящий кровь, улюлюкающий крик. Он то усиливался, то постепенно затихал. Было что-то бесконечно жуткое в этом звуке, напоминавшем то стон, то завывание ветра в телеграфных проводах.

Этот ужасный крик издает совсем нестрашная обезьяна — ревун. Значение ночного клича неизвестно, но, несомненно, это один из самых громких криков, издаваемых животными.

Я много раз пытался записать этот крик на пленку. Каждую ночь, когда мы ночевали в лесу, я приводил наш магнитофон в готовность, заряжал его новой пленкой. Ночь проходила за ночью, а обезьяны-ревуны хранили молчание. Но стоило мне, смертельно усталому, не зарядить магнитофон, как именно в эту ночь я непременно просыпался от крика обезьян. Я выскакивал из гамака и начинал ставить аппарат. Как только все было готово и я включал магнитофон, крик затихал.

Однажды мне наконец повезло. Обезьяны были так близко, что крики их буквально оглушали. К счастью, и записывающий аппарат был подготовлен к записи. Я включил его и в течение нескольких минут записывал самые великолепные и ужасные вопли, которые когда-либо слыхал. Когда концерт кончился двумя заключительными каскадами визгливого лая, я с торжеством перемотал пленку и разбудил Чарлза, спавшего в своем гамаке, чтобы послушать запись. Однако весь ролик пленки оказался девственно чистым: сломался один из валиков.

Во время визита летучей мыши концерт только начинался. Обезьяны находились приблизительно в полумиле от нас. Я настроил магнитофон и повернул звукоулавливатель в сторону, откуда доносились крики. Памятуя свою прежнюю неудачу, я разбудил Чарлза только утром, и мы прослушали пленку вместе. Запись оказалась превосходной.

Целый день мы провели в скитаниях по лесу, окружавшему деревню. Джек тешил себя надеждой найти интересных многоножек и скорпионов. Выбрав низкое пальмообразное дерево, он принялся сдирать с него кору и сухие коричневые листовидные оболочки, которыми был обернут ствол. В разгар этого занятия вдруг раздался громкий шипящий звук, и какое-то золотисто-коричневое мохнатое существо величиной с маленькую собаку появилось на верхушке дерева и стало торопливо спускаться по противоположной стороне ствола. Прежде чем мы успели подскочить к нему, оно уже было на земле и бросилось наутек.

Однако оно не могло быстро бежать, и Джек без труда догнал и поднял его за толстый, почти голый хвост. Существо висело вниз головой, сердито смотрело на нас маленькими глазками-бусинками и негодующе шипело и плевалось. Джек ликовал. Это был тамандуа, древесный муравьед.

Мы торжественно отнесли его на нашу базу. Пока Джек сооружал для нашего пленника клетку, тамандуа быстро и легко взобрался на дерево, росшее около нашей хижины. На двенадцатифутовой высоте он обернулся и сердито посмотрел на нас. Но тут он заметил на дереве большое шарообразное муравьиное гнездо. Муравьед полез к гнезду и, обмотав своим цепким хвостом верхнюю ветку, повис на ней вниз головой. Быстрыми, сильными движениями передних лап разорвал гнездо. Из разрыва потекла коричневая струя муравьев и облепила всего тамандуа, ничуть, однако, не смутив его этим. Он засунул свое трубкообразное рыльце в гнездо и принялся слизывать муравьев длинным черным языком. Минут через пять он начал почесываться задней лапой, не прекращая, однако, трапезы. Вскоре он чесался уже и передней лапой. В конце концов, видимо, решив, что подвергать себя укусам муравьев не имеет больше смысла, он стал спускаться с дерева. Его густая шерсть была не такой уж безупречной защитой от муравьев, как это часто считают.

Чарлз и я наблюдали за животным и снимали его на пленку. Тут нам пришло в голову, что предстоящая нам задача взобраться на дерево и поймать муравьеда будет не из приятных. Ветки кишели разъяренными муравьями, и если их укусы раздражали тамандуа, то для нас они, без всякого сомнения, окажутся крайне болезненными. К счастью, муравьед спустился с дерева, сел на землю и стал чистить правое ухо задней ногой. Он был так занят муравьями, что разрешил Джеку посадить себя в клетку. Там он забился в угол и занялся извлечением муравьев из своего левого уха.

Вот он, наш муравьед.

Перевела с английского Е. Штих

Зимняя дорога

Рисунки Е. Медведева.

Владимир СТЕПАНЕНКО

В тот день судьба неожиданно свела пятерых людей в маленькой избушке бакенщика на пустынном берегу Московского моря.

Стояла первая половина января. Зима выдалась на редкость снежная, с частыми оттепелями. Море замерзало долго. На мелких заливах лед был синеватый и толстый, а на середине, по руслу Волги, только схватывался тонкой коркой.

Четверо рабочих уже вторую неделю рубили пешнями лед, определяли его толщину и вмораживали вешки — колючие еловые лапы. Надо было наметить дорогу, по которой смогут пройти в лес за дровами машины и тяжелые тракторы. Осенью вывезти дрова на баржах не успели.

Рабочие были с одного завода, но работали в разных цехах и мало знали друг друга.

Пятым ночлежником бакенщика Семена оказался мальчик-рыболов. Звали его Петей. Он появился неожиданно, ночью, сбившись в морозной дымке с дороги. Шел он в Бреновский залив.

Старшим над рабочими и, как он сам говорил, материально ответственным за все пешни и лопаты был Агафон Васильевич, пожилой человек с одутловатым лицом, сплошь усеянным родинками. Родинки, как круглые изюмины в большом пироге, были разных цветов: розовые, красные и, словно подгоревшие, совсем черные.

Агафон Васильевич носил очки и когда снимал их, то близоруко щурил голубые глаза, беспомощно разводил руками и натыкался на все вещи в тесной комнате.

Вместе с ним дорогу по морю намечали молодые парни Николай, Мишка и Юрка. Парни скучали и от скуки постоянно разыгрывали подслеповатого Агафона Васильевича. Особенно замысловатые шутки придумывал Юрка. Самый рослый и сильный из парней, он носил полосатую тельняшку, много курил и как-то необыкновенно лихо плевался, цыкая сквозь зубы.

Юрка и открыл Пете ночью дверь, когда тот, замерзший и перепуганный, постучался к бакенщику.

— Парень, да ты щеки приморозил! — сказал Юрка и втащил мальчика в избу. — Эх ты, салага! Сиди, я сейчас сбегаю за снегом.

Он долго хлопотал около Пети, оттирал ему руки и щеки, отпаивал горячим чаем.

Петя выпил подряд пять стаканов чаю, вспотел и неудержимо захотел спать. Голова у него так и валилась на плечо.

Юрка шагнул к русской печке и растолкал спавшего на ней Николая.

— Слазь!

— Это почему? Сегодня я на печи сплю.

— Знаю, сам очередь устанавливал, — пробасил Юрка. — Тут парень пришел. Будет ночевать с нами. Замерз, салага.

Николай неторопливо собирал вещи. Юрка не стал дожидаться и стащил его за ногу.

— Приказ надо сразу выполнять! А не то — берегись! Здесь закон — тайга, хозяин — медведь!

Пете было смешно смотреть, как Николай, маленький, с худенькой птичьей шейкой, наскакивал на Юрку, размахивая кулаками. Николай ему не понравился.

Засыпая на горячей печи, Петя слышал недовольное ворчание Николая, который устраивался на полу, и с благодарностью думал о заботливом и великодушном Юрке. Вот это человек! Такому хочется подражать. Здорово это он сказал: «Здесь закон — тайга, хозяин — медведь». Петя представлял себе, как явится после каникул в класс и расскажет товарищам о рыбалке и о своем необыкновенном знакомстве.

Утром Петю с трудом разбудили.

— Ну и здоров же ты спать! — сказал ласково Юрка. — Вставай скорей, а то картошка остынет!

За замороженными окнами по-прежнему было темно. Казалось, что до рассвета еще далеко.

Петя быстро умылся и подсел к столу. От горячей картошки в мундире подымался сытый парок. Перед каждым из рабочих была горкой насыпана соль. В нее макали картошку.

— Рубай, салага! — поощрительно сказал Юрка. Он потянулся за картошкой для Пети и при этом ловко сдвинул в сторону соль и насыпал перед Агафоном Васильевичем сахарный песок.

Агафон Васильевич ткнул картошку в сахар, откусил и тут же выплюнул.

— Не надоело издеваться? — сказал он и оглядел парней близорукими глазами. — Всему есть предел!

В комнате наступила неловкая тишина.

— Ты не обижайся, Агафоныч, — засмеялся бакенщик Семен. — Скажи, вкусно вышло? Похоже на пирожное?

У Пети сжалось сердце, и он внимательно посмотрел на Агафона Васильевича: неужели его все время так обижают?!.

Сразу же после завтрака Петя собрался уходить, но бакенщик и Юрка наперебой принялись его уговаривать.

— Ты скажи, парень, зачем тебе еще пять километров до Бреновского залива шпарить? — спрашивал бакенщик. — Думаешь, у нас здесь нет окуней? Вода всюду одна, море одно. Ты только ходи вдоль дороги и пробуй по лункам. Сам ведь столько лунок не вырубишь!

И Петя остался с рабочими. Наблюдая, как они рубили пешнями лед, он забыл о глупой Юркиной шутке за завтраком. Больше всего нравилось ему смотреть на Юрку. Легко, словно хвастаясь своей недюжинной силой, он рубил лед одной рукой. Тяжелая пешня летала, как соломинка. Два-три удара — и лом высекал лунку. Юрка быстро измерял толщину льда линейкой. Если лед был достаточно толстым, ставил разлапистую ветку елки и переходил на новое место.

Будущая дорога петляла из стороны в сторону по широкому заливу, отмеченная вешками.

За Юркой было трудно угнаться, и он уходил от остальных все дальше и дальше.

— Прет, медведь! — беззлобно сказал Мишка, остановившись, чтобы передохнуть.

— Эге-ей, Агафоныч! — крикнул издалека Юрка и помахал кожаной рукавицей.

— Догоню! — ответил Агафон Васильевич.

Пете было радостно сознавать, что Агафону Васильевичу, несмотря на все его старания, не догнать Юрку. Увлеченный развернувшимся соревнованием, он не подумал о том, что соревнуется Юрка со старым чело-

веком. Но вот, переходя с лунки на лунку, Петя оказался недалеко от Агафона Васильевича. Только здесь он обратил внимание, как прерывисто и тяжело тот дышит, как часто снимает шапку-ушанку и вытирает большим платком мокрый лоб.

Петя внимательно посмотрел на Агафона Васильевича. Лицо покрыто испариной, темные круги легли под глазами, рот широко открыт.

— Давайте я порублю!

— Еще успеешь. Не фартит тебе или не умеешь ловить? Дай-ка удочку!

Сделав несколько взмахов короткой палочкой, Агафон Васильевич подмотал леску и поднял блесну выше.

Вдруг Петя увидел, что тонкий конец удилища вздрогнул и согнулся. На лед вылетел из воды большой полосатый окунь. Красные перья плавников ярко горели.

— Хороший горбач! — сказал, подходя, Николай. Был он в коротком овчинном полушубке. Большая шапка-ушанка делала голову еще больше. — Вот и хорошо. Половите, Агафон Васильевич, отдохните!

— Нельзя, Николай. Мало ли чего мне захочется! А норму кто выполнит?

— Да какая у нас норма! Все вместе работаем. Это Юрка выдумывает! Его только слушай. Даже на печку очередь установил! Я вырублю за вас десять лунок!

— Давайте и я помогу, — сказал с готовностью Петя. — Я могу рубить!

— Давно бы так, — сказал Николай. — Легко по чужим-то лункам лазить!

Петя покраснел от незаслуженной обиды. А Николай, как ни в чем не бывало, повернулся к старому рабочему.

— Давай, Васильич, я тебе пешню выточу. Здорово затупилась. Напильник едва выпросил. Не хотел Юрка давать.

— Не пойму я его.

— А чего понимать? Дури много!

Закончив работу, Николай ушел.

— А ты молодец, — сказал Агафон Васильевич, вытаскивая второго окуня. — Умеешь побороть свои желания. Правильно, о долге нельзя забывать. Вот сейчас хорошо клюет, а мне надо работать. Дорогу от нас ждут!.. Возьми линейку, где намеришь двадцать сантиметров, — ставь вешку.

Агафон Васильевич отсчитал от лунки пять шагов и принялся рубить. Гулкие удары поплыли по заливу.

После трех часов начало морозить. В сероватой дымке закатывался красный диск солнца, обещая назавтра морозный и ветреный день. Лунки быстро затягивались тонкой коркой льда.

Петя с Агафоном Васильевичем шли к избушке бакенщика уже в сумерках. На синеватом снегу лежали длинные тени. Они ползли от густого камыша и кустов ивняка.

— Много ребята сегодня нарубили! — Агафон Васильевич на ходу считал лунки. Зябко похлопал рукавицами. — А я вот не дотянул.

— Я три вырубил! — торопливо сказал Петя.

— Знаю, спасибо тебе. Пойдем через лес, так ближе будет!

Шагая по пятам за рабочим, мальчик слышал его тяжелое дыхание. «Разве можно устанавливать Агафону Васильевичу такую же норму, как Юрке? — возмущался Петя. — Он старый, больной... Да нет, не мог Юрка этого придумать, Николай по злобе наговаривает!»

В избушке было тепло. Пахло валенками, тулупом и кислыми, хорошо упревшими щами.

Ребята давно пришли в избушку и стучали костями домино. Юрка играл в паре с бакенщиком Семеном против Мишки и Николая.

— Как клевало, салага? — спросил Юрка и крепко ударил по крышке стола. — Будем считать? — Он торжественно посмотрел на противников. — Колька, милочка, почему у тебя такой красный нос? Разве я уже по нему щелкал?

Семен влюбленными глазами смотрел на Юрку, шевелил губами, как будто про себя повторял все Юркины шутки, стараясь их запомнить.

— Ну, детки, не стесняйтесь, подставляйте носики!

Сначала Юрка дал два щелчка по носу Мишке. Мишка только захлопал круглыми глазами, но мужественно перенес удары. Потом Юрка подсел к Николаю и внимательно принялся разглядывать его курносый нос.

У Николая на широком лбу собрались морщины. Петя заметил, что парень трусит. Но Юрка нарочно долго целился. Наконец он выбрал момент и послал удар в самый кончик носа.

Николай захлопал ресницами.

— Юрка, перестань! — решительно сказал Мишка. — Хватит над парнем измываться.

— Ему еще щелчок полагается.

— Стыдно избивать товарища! — Агафон Васильевич удержал Юрку за руку. — Пешни где поставили? Смотрел в сенях — их нет.

— Решили не таскать с собой. На льду бросили.

— Инструмент бросили?.. Государственное имущество!

— Имущество... — Юрка игриво засмеялся. — Да их в базарный день за пятерку никому не продашь! Куда они денутся?

Ели молча. Петя не знал, чьей стороны держаться. Ему казалось, что и Юрка и Агафон Васильевич по-своему правы. Если разобраться, конечно, пешни никто не возьмет. А с другой стороны, они ведь заводу принадлежат! Но невольно мальчика больше тянуло к Юрке. Может быть, в этом была виновата полосатая тельняшка и иссиня-черный якорь на руке. Пете хотелось спросить, где Юрка служил, на каком корабле плавал, но он стеснялся.

Поев, рабочие улеглись спать. Семен вышел задать сена корове и сразу же вернулся. Подошел к Юрке.

— Вставай, парень! Иди за пешнями: снег валит!

— Пусть валит! — Юрка повернулся на другой бок. — Спать мешаешь!

— За ночь так занесет, что не найдешь.

Агафон Васильевич поднялся. Осторожно перешагивая через парней, лежавших на полу, двинулся к печке. Долго отыскивал свои растоптанные валенки.

Агафон Васильич, ты куда? — удивился Семен. — Метет здорово!

— Я в ответе буду. Надо инструмент собрать.

— И то правда.

Петя видел, что ребята не спали, но никто из них не вызвался идти за пешнями вместо Агафона Васильевича.

Тяжело хлопнула набухшая дверь. В комнате наступила тишина. Было слышно, как потрескивал фитиль в керосиновой лампе. Семен достал иголку, нитки и принялся пришивать пуговицу, ругая жену, которая уехала в деревню к родным погостить и долго не возвращалась, бросив на него хозяйство.

— Хватит бубнить, — сказал Юрка. — Гаси лампу, будем спать!

— Не велик барин! И при свете поспишь!

Прошло еще несколько томительных минут. Никто не спал.

— Давайте чай пить, что ли, — первым нарушил молчание Мишка.

— Командуй, а я клюквы принесу, — охотно согласился бакенщик.

Мишка поднялся и начал колоть у печки сосновый кругляк на лучину.

Вслед за Мишкой поднялся Николай. Нос у него от щелчков сильно покраснел. Он развязал мешок и достал белую булку.

— Миша, ситничка хочешь?

— Отломи!

Петя тоже поднялся. Неторопливо оделся и подсел к столу. Открыл коробочку из-под конфет и принялся разбирать мормышки.

Видно, чувство вины перед Агафоном Васильевичем не давало никому покоя. Все делали вид, что увлечены своими занятиями.

Наконец самовар закипел. Семен поставил его на стол и разлил чай по кружкам. Петя не мог больше выносить молчания.

— Долго нет Агафона Васильевича!

Ему никто не ответил, словно не слышали.

В сарае хриплым голосом прокричал петух.

— Радуйся, дурак, что лисица не съела! — сказал Семен. — Ловко она его осенью схапала. Я у нее из пасти выдрал. Выходился. Хорошо он свою службу справляет, всегда меня вовремя будит. Прокричал сейчас — знаю: шесть часов; второй раз подаст голос — двенадцать. Потом еще раз прокукарекает в пять часов утра!

— Брось болтать, Семен! — сказал Мишка. — Кажись, и вправду пропал наш Агафон Васильевич! Давно бы должен вернуться. Разве с дороги сбился? Пойду посмотрю!

Мишка выглянул за дверь, но тут же вернулся в теплую избу.

— Снег валит — страсть! — Он жадно отпил из кружки чаю. — В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит. А тебе бы надо идти, Юрка! Это ты оставил пешни!

— Ты, Мишка, меня не трожь! — угрожающе сказал Юрка. — А то посчитаю твои кости. Гасите лампу. Придет Агафон, куда ему деться!

Николай вскочил из-за стола. Накинул полушубок, схватил шапку и выбежал из избы.

— Колька, стой, возьми мой шарф! — крикнул Мишка, бросаясь за ним.

Мишка вернулся весь в снегу. Снег быстро растаял: на волосах и на рубашке бисером заблестели капли воды.

— Взял бы мои варежки, — сказал Петя. — Они меховые. Папа мне их с Севера привез. Очень теплые!

— Ну и дела! — Семен хлопнул рукой по мундштуку, выбивая окурок.

— Где моя кружка? — Юрка подошел к столу. — Я слышал, кто-то здесь конфетами угощал? Чего загрустили?

Ему никто не ответил. Петя боялся встретиться глазами с Юркой.

— Молчите? Тебе, салага, жалко конфет?

— Берите! — пискнул Петя. Его самого удивил надтреснутый звук собственного голоса.

И снова молчание.

— Считай, полчаса прошло. А здесь ходу десять минут. Видно, Колька тоже заблудился, — сказал Мишка.

— Тише, паника! — Юрка улыбнулся. — У нас на флоте не то было.

— На флоте!.. Ты-то в каптерке портянки считал! — крикнул Мишка. — Ребята рассказывали, те, что с тобой служили!

— Тихо! — Юрка сжал кулаки. Они были огромные, как гири. — У меня закон — тайга...

Но Мишка и не глянул на него. Он набросил на плечи полушубок и вышел.

Петя не мог смотреть на Юрку и Семена. Он поспешно вылез из-за стола. А Юрка засмеялся.

— Понравились мне твои конфеты. Клубника со сливками! Ты, Семен, попробуй, вкусные!

Семен молчал. Трудно сказать, сколько времени прошло...

Вдруг на дворе раздались громкие голоса. Петя бросился к двери, широко распахнул ее и остолбенел. Ему показалось, что Николай и Мишка катят в комнату огромный снежный ком.

— Юрка, тащи снегу! — крикнул Николай и вытер рукавом телогрейки мокрое лицо. Голос его налился неожиданной властной силой. — Около обгорелой ели нашел. Там все время и кружился. Снег очки забивает. Отвернется от ветра, чтобы стекла протереть, и сбивается с направления, топает в другую сторону. Так и кружился. Рукавицы потерял, замерз... А ну, Юрка, быстрей...

— Не барин! Сам принесешь! — огрызнулся Юрка.

— Иди, если тебя человек просит! — сказал Мишка и сжал кулаки.

Юрка молча поднялся.

Петя схватился за горло. Неужели этот человек казался ему героем? Нет, невозможно этому поверить!

Юрка ворвался с полным ведром снега и молча принялся оттирать правую руку Агафона Васильевича.

— Сильно не три, медведь! — прикрикнул Николай. — Миша, заводи самовар!

Агафон Васильевич застонал.

— Дрянь ты, Юрка, — угрюмо сказал Семен. — Завтра ко мне не приходи. Иди ночевать в поселок!

Петя завладел левой рукой Агафона Васильевича. «Почему я не пошел с Колькой искать Агафона Васильевича? Неужели я трус?» — испуганно задавал он себе один и тот же вопрос.

Скоро Петя почувствовал, что широкая рука Агафона Васильевича с темными шнурками вен медленно теплеет. Но он все растирал и растирал ее, мечтая и не надеясь получить прощение.

Максимкин орден

Андрей ЖАРИКОВ

Ночью наступила тишина. Стрелять перестали. Максимка замерз в холодном погребе. Пальто свое он отдал сестренке. Она укрылась и уснула.

— Мам, а мам! Я вылезу... За одеялом схожу.

— Сиди! Хочешь, чтобы тебя немец из пушки?

Максимка стал стучать зубами, чтобы мать услышала.

— Чего дрожишь?

— Замерз.

— Ну вылезай, да смотри осторожно.

Максимка вылез из погреба. Тепло. Из-за макушек деревьев выглядывает луна, пахнет дымом. Кругом тишина. Лишь где-то далеко-далеко строчат пулеметы.

На том месте, где за деревней был бой, тлеют костры, что-то черное, большое стоит, как дом. Максимка присмотрелся: подбитый танк.

Озираясь по сторонам, подошел к разбитому окну и заглянул в хату. Все, как было. Стал на завалинку, дотянулся рукой до лежанки и взял стеганое одеяло. Хотел отнести в погреб, но мать сама вышла и сказала:

— Давай пойду укрою Анюту, а ты походи тут вокруг. Может, где отец...— Мать не досказала, но Максимка понял ее.

«Нет, такого сильного человека никто убить не может»,— подумал он.

Там, где недавно советские бойцы сражались с фашистами, Максимка увидел разбросанные винтовки и автоматы. Поднял сначала одну, потом вторую винтовку, перекинул через плечо два автомата. Посмотрел вокруг: никого. Прибежал в сад и, озираясь по сторонам, закопал их в навозной куче. Может, пригодятся.

...Прошел день, другой, неделя.

Проснулся однажды Максимка, слышит: на улице шум. Выглянул в окно: немцы. Схватил он кусок хлеба да бежать, а куда — и сам не знает. Была в огороде яма, заросшая глухой крапивой и репейником, он и нырнул в густую зелень...

Вечером, когда все снова притихло, прибежал Максимка домой и застыл от страха: лежит мать на полу, плачет горько, рвет на себе волосы...

Юный партизан Максим Попков.

— Изверги! Будьте вы прокляты!

Бросился он к матери, а она словно и не слышит его, причитает:

— Убийцы! Ребятишек не пожалели. Как мне с ними теперь жить-то?

...Отца Максимки похоронили ночью. А рано утром мать забрала малышей и ушла с ними к родным в другую деревню.

Недолго пришлось Максимке присматривать за хозяйством: дом через день фашисты спалили, телку угнали к солдатской кухне.

Перекинул Максимка через плечо веревку, будто за телкой идет, и пошел в лес — искать партизан.

Лес Максимка знал хорошо. И сейчас не побоялся, ушел в самую чащобу. Останавливался в заросших оврагах: не пахнет ли дымом?

В сумерках, когда шел назад, еле волоча ноги, кто-то схватил его за шиворот, завязал глаза и привел в землянку. За столом знакомый человек: товарищ Сень — секретарь райкома партии. Весь в ремнях, с револьвером на боку.

— Ну, зачем ты пришел? У меня же не детский сад. Не возьму.

— Не примете в отряд, я вам автоматы не дам, которые припрятал.

— Пионер он. Надежный. Может, возьмем? — сказал кто-то из партизан.

— Ты лучше скажи, как нашел нас? — спросил командир.

— Нюх у меня собачий,— ответил Максим,— дымком пахнет в лесу. Вот я и шел на костры.

— Ладно. Оставайся. Только не хныкать в случае чего. Ясно?

Дали Максимке красную ленту на шапку и котелок такой же, как у всех. Сначала поставили кашевару помогать, потом коноводом стал у командира, а к зиме и автомат получил. На задания не брали. Маловат.

Но однажды...

Лес шумел, как штормовое море, корабельные сосны скрипели и качались — словом, вовсю разыгралась вьюга. Но и сквозь ее завывание слышно было, как где-то далеко стреляли пушки.

В полночь в землянку, где спал Максимка, вошел дядя Миша — бородач, партизанский сапер. Щелкнула зажигалка. Сапер присел на край нар. Пушистая борода легла на колени. Долго смотрел молодой дед на Максимку. Сынишку вспомнил своего, мальца, погибшего под бомбежкой на Днестре. Жалко ему будить Максимку. Но тот сам проснулся. Потер кулаками глаза.

— Что, на задание?

— На задание, Максимка, на боевое,— ответил дядя Миша.— Задача такая: к фронту идет немецкий эшелон с танками и боеприпасами. Мы должны пустить его под откос. Ясно? Остальное расскажу на месте.

Долго шли партизаны сосновым бором. Впереди Максимка. Сзади дядя Миша и еще человек десять. Взрывчатку везли на санках.

Наконец бор кончился. На опушке не так темно, как в лесу, но ветер злее. Валит с ног. Максимка раза три терял в сугробе правый сапог, потому что они были разные: левый — матери, а правый — отца. Отцовский большой, то и дело соскакивает.

— Зачем же ты босой ногой на снег? Я подам. Держись за шею.—Дядя Миша достает из сугроба большой подшитый валяный сапог, высыпает из него снег и помогает Максимке обуть ногу.— Вернемся, носки тебе свои подарю. Шерстяные.

Подошли к мосту и притаились недалеко от него в кустах. Дядя Миша сказал:

— Мы будем сидеть тут, Максимушка. Ты повезешь санки со взрывчаткой. Как заедешь на мост — бросай их между рельсов. Мы так рассчитаем, что поезд будет как бы нагонять тебя. Ты скорее беги, ложись за насыпь. В случае чего — мы часового снимем из снайперской.

Рассвет наступил незаметно. Где-то далеко послышался паровозный свисток. Дядя Миша то и дело поглядывал на часы.

— Ну, пора!

Максимка нахлобучил рваный треух и повез санки по заснеженной дороге вдоль насыпи, навстречу колючему ветру. Идет и думает: «Ну как часовой трахнет из автомата?» И как будто слышит басовитый голос дяди Миши: «Не трусь, сынок, я его держу на мушке».

Но часовой даже носа не высунул из тулупа: подумаешь, мальчонка с санками. Мало их из села за дровами в лес ходят!

Максимке хочется идти быстрей, а ноги ни с места, как во сне. Самого то в жар бросит, то в холод, и в глазах все темнеет. Кажется, что часовых двое и оба здоровенные, как каланчи. Санки вдруг стали легкими. Максимка оглянулся: его нагонял длинный пыхтящий эшелон. Максимка пошел быстрей. Вот и часовой уже позади, машет, чтобы мальчишка быстрее проходил по мосту... И Максимка, будто очень испугался поезда, бросил санки между рельсов — и бежать...

Он слышал, как сзади веселился немец: «Га-га, га-га!..» Потом раздался сухой щелчок. Максимка оглянулся: гитлеровец, задрав ноги, кубарем летел с моста. Максимка бросился с насыпи вниз, покатился, как колобок, и тут вздрогнула земля, и раздался взрыв. Мальчишка все катился и видел то голубое небо, то снег, то черный столб дыма и падающие сверху обломки вагонов...

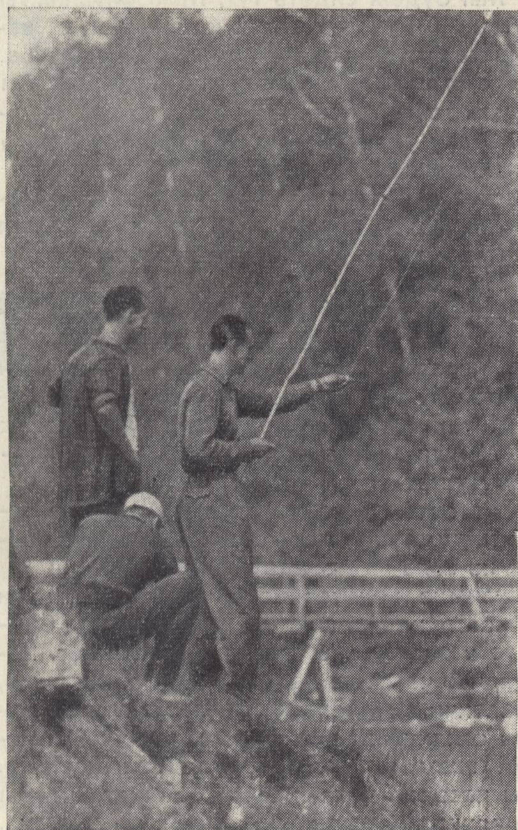
Максимка вылез из сугроба, сел на снег, прислушался. Тишина. Лишь в ушах звенят колокольчики. А на том месте, где был мост, стоит столб дыма, но теперь уже не черный, а седой. Максимке показалось, что где-то идет поезд: «Тук, тук, тук, тук! Тук, тук, тук, тук!». Прислушался: это сердце стучит.

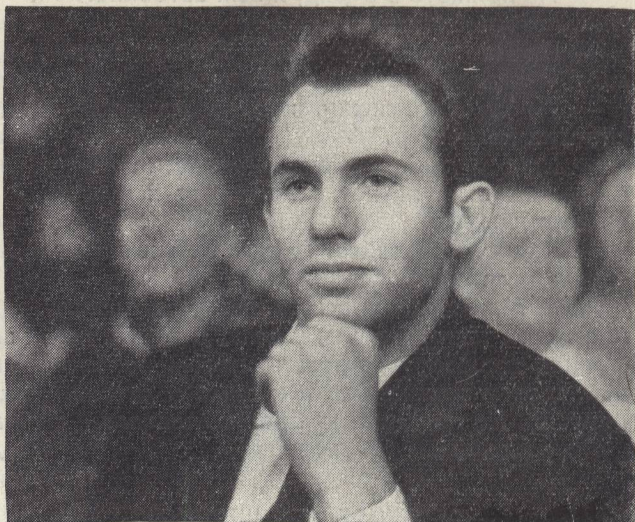
— Максимка! — услышал он.— Тикай в лес! Да сапог, сапог не потеряй!

...За этот подвиг юный партизан Максим Попков был награжден орденом Красной Звезды.

Почти два года партизанил Максимка. Потом ушел добровольцем в гвардейский стрелковый полк, а после войны закончил военное училище и стал кадровым офицером Советской Армии.

★

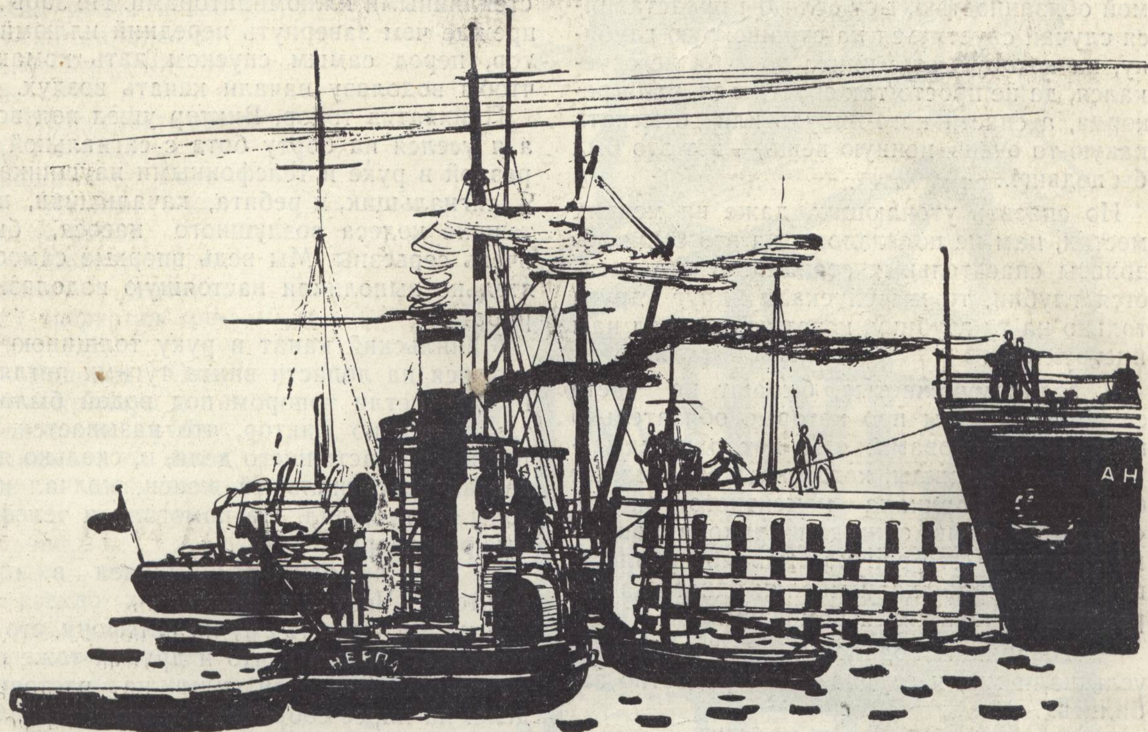
То, чего не видят болельщики

Его вы, конечно, знаете. Еще бы! Валерий Брумель — мировой рекордсмен по прыжкам в высоту! Он снова превзошел самого себя: перекрыл собственный рекорд, взяв 2 метра 27 сантиметров. Видели вы его не раз на фотографиях. Но, признайтесь, таким вы его еще никогда не видали! Здесь Валерий Брумель слушает музыку, ловит рыбу, играет в шахматы, отправляется в путь на мотоцикле.

На пороге подвига

Андрей ШМАНКЕВИЧ

Рисунки Ф. Лемкуля.

Мы были тогда еще очень молодыми водолазами. В наших биографиях были записаны только первые десятки часов, проведенные под водой, да к тому же половина из них приходилась на спуски в металлический чан под названием «водолазный танк». Если учесть, что английское слово «танк» в переводе на русский язык означает «лохань», то, сами понимаете, гордиться нам было еще нечем...

В танке, где за нами через иллюминатор в стене все время наблюдали инструктор и врач, можно было пройти любую глубину. Там создавалось искусственное давление воздуха, и иные из нас, не спускаясь даже на десять метров, мнили себя глубоководниками. Более или менее настоящими водолазами мы почувствовали себя только тогда, когда нас, курсантов водолазного училища, перевезли для прохождения подводной практики в Новороссийск. Здесь начались спуски у молов и пристаней, а то и за молом, в Цемесской бухте, для обследования затонувших кораблей.

Все мы потому и стали водолазами, что были романтиками, мечтали о небывалых приключениях, жаждали подвигов... И вот в Новороссийске нас будто подвели к порогу, за которым началась чудесная страна приключений и подвигов...

Однако очень скоро нам стало ясно, что простоять на этом пороге можно долго. Совершить хотя бы небольшой подвиг никому не удалось. Ведь даже поднять затонувший корабль или снять с него груз и машины было для водолазов делом обычным, их прямой обязанностью. Вот если бы представился случай спуститься на страшенную глубину, на которую еще никто до тебя не спускался, да не просто так спуститься, ради рекорда, а спасти кого-нибудь или отыскать какую-то очень ценную вещь,— вот это был бы подвиг!..

Но спасать утопающих, даже на мелких местах, нам не полагалось: на это были водолазы спасательных станций. А что касается глубин, то мы спускали друг друга только на ту глубину, которую задавал нам инструктор...

К великому счастью, бывают на свете случаи, рассказы про которые обязательно начинаются словами: «Но вот однажды...»

...И вот однажды, когда наш водолазный бот стоял у причала цементного завода «Октябрь» и мы ожидали прихода нашего инструктора (его срочно вызвало начальство), к нам прибежали моряки одного из пароходов, грузившихся цементом.

— Товарищи водолазы, выручайте! — услышали мы, и сердца наши радостно забились.

— Что у вас приключилось? — спросил я как можно басовитее. Инструктор оставил меня за старшего.

— Мы на правый винт намотали трос...— ответили моряки.

— На винт намотали? — протянул я разочарованно.— Это вам надо вызывать портовых водолазов...

— Пока портовые придут, знаете, сколько времени пройдет? Вы ведь рядом... Каждая минута простоя в большую копеечку государству обходится.

Я поступил явно не по уставу: созвал летучее комсомольское собрание. Собрание единодушно решило помочь морякам.

Моряки помогли перетащить наш бот на другую сторону пирса, под корму парохода, потерпевшего аварию. Пароход был сильно гружен, корма сидела глубоко, и не видно было, много ли манильского каната надо срубить с лопастей. Мне, как старшему на боте, самому нельзя было спускаться, и я приказал одеваться Виктору. За это он, когда мы втряхнули его через резиновый ворот в рубаху, незаметно пожал мне руку.

Хотя мы снаряжали водолаза без инструктора, мы ничего не забыли на него надеть и повесить, не забыли обуть его в боты со свинцовыми подошвами, утяжелить пудовыми грузами, подпоясать сигнальным концом, покрыть голову медным шлемом со стеклянными иллюминаторами. Не забыл я, прежде чем завернуть передний иллюминатор, перед самым спуском дать команду, чтобы водолазу начали качать воздух.

Прихватив топор, Виктор ушел под воду, а я уселся на борту бота с сигнальной веревкой в руке и телефонными наушниками. Я, сигнальщик, и ребята, качальщики, вертевшие колеса воздушного насоса, были очень серьезны. Мы ведь впервые самостоятельно выполняли настоящую водолазную работу.

Манильский канат в руку толщиною намотался на лопасти винта тугими петлями. Рубить петли топором под водой было не так легко, но Виктор, что называется, дорвался до настоящего дела, и, сколько я ни дергал за сигнальный конец, молчал и из воды не выходил. Не помогали и телефонные разговоры...

— Чего выходить-то? — шипел в ответ Виктор.— Чепуха осталась.

Я не мог сказать ему по телефону, что надо совесть иметь и что и другим тоже охота попробовать свои силы на настоящем деле: на пирсе собралось много людей. Они не только смотрели, но и слушали... Виктор это отлично понимал.

— Надо перестать качать ему воздух...— проворчал кто-то из курсантов.— Живо выйдет!..

И в тот момент, когда они собирались привести свою угрозу в исполнение, на пирсе послышался шум, крики, детский плач.

— Кто свалился-то? Мальчонка? Сразу на дно?.. Водолаза надо! Скорее!

Я изо всех сил задергал сигнальный конец, требуя, чтобы Виктор поднялся на трап бота, и адмиральским тоном отдал по телефону приказание:

— Курсант Охалов! Приказываю подняться на трап! Человек за бортом!

Это подействовало, и через полминуты шлем Виктора всплыл у борта. Десяток добровольцев, ухватившись за канат, уже тащили нас к месту происшест-

вия, где на пирсе стояла, заливаясь слезами, девчушка лет трех-четырех, а рядом с ней мальчонка, по всей видимости, ее нянька. Он плакал молча и изо всех сил старался оттащить сестренку от воды.

— Перестаньте реветь! — приказал я детишкам.— Говорите толком, кто упал за борт?

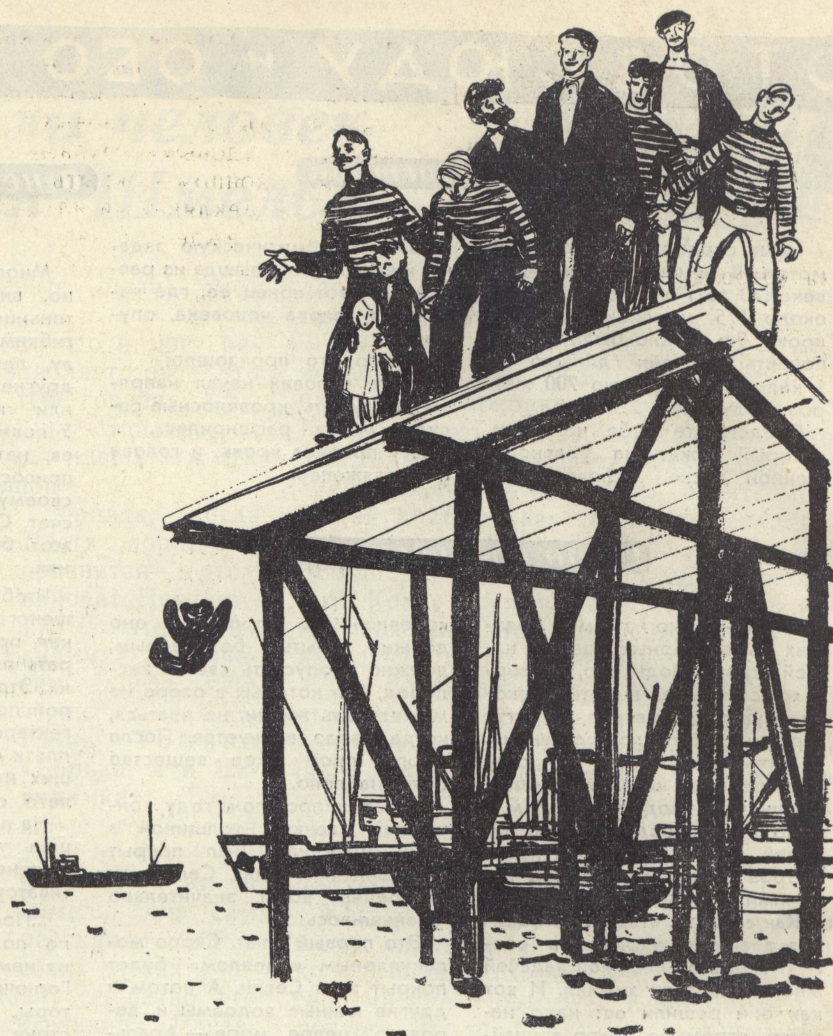
— Мишка упал...— сказала девочка, сразу перестав реветь.

— Водолаз Охалов! — крикнул я в телефонную трубку, заглядывая в шлем через иллюминатор.— В воду упал мальчик...

Даже через мокрое стекло иллюминатора я увидел, как решительно засветились глаза моего дружка.

— Большой он? — спросил я у ребят.

— Нет... маленький... без ноги...—ответил на этот раз мальчик.

— Маленький! Безногий, инвалид...— передал я Виктору подробности.

Как водится, трудно было потом выяснить, кто первый поднял панику, кто крикнул, что в воду упал мальчишка. Виктор решил, что с ним сыграли злую шутку. Потребовав больше воздуха, он всплыл на поверхность и зло швырнул на пирс одноногого плюшевого медвежонка. Медвежонок так тяжело шлепнулся на доски настила, что и без вскрытия было ясно, что он набит опилками.

Мы вернулись к своей работе. Вопреки уверениям Виктора каната, намотанного на винт, хватило на всех нас. Я спускался последним. И когда поднялся на бот, капитан парохода уже благодарил вернувшегося инструктора. Инструктор улыбался, и у меня на душе посветлело: значит, не будет нагоняя за самовольные действия. Только Виктор Охалов слишком много сил приложил, сдирая с меня водолазную рубаху. Видать, он все еще сердился и не верил, что никакого розыгрыша не было и что мы все испытали чувство, когда до подвига рукой подать...

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Кровь и арифметика

Наше сердце — неутомимый мотор. В течение жизни человека (70 лет) оно перекачивает около 175 миллионов литров крови. Ею можно было бы наполнить бассейн длиною в 1 километр шириною 700 метров и глубиною 2,5 метра.

Представьте себе человека, который лежит на уравновешенной доске. Человек стал решать арифметическую задачу, и вдруг доска вышла из равновесия: тот конец ее, где находится голова человека, опустился.

Отчего это произошло?

Когда человек начал напряженно думать, кровеносные сосуды мозга расширились, к мозгу прилила кровь, и голова стала тяжелее.

Севан под „одеялом"

Севан — одно из самых больших высокогорных озер в нашей стране. Воды его, низвергаясь с большой высоты — около двух тысяч метров,— крутят турбины пяти электростанций, а затем растекаются по сети оросительных каналов, дающих жизнь плодородным землям.

Но не вся вода доходит до полей. Более миллиарда кубометров ее испаряется под горячими лучами южного солнца.

Как сделать, чтобы драгоценная влага не уходила в воздух? Над этой сложной задачей много работали химики. И вот как они решили ее: надо накрыть огромное озеро тончайшим «одеялом», которое не позволит испаряться воде. Это «одеяло» не простое, оно должно быть безвредным, должно пропускать свет и кислород, без которых в озере не может быть жизни, не рваться, когда озеро волнуется. После многих проб такое вещество было найдено.

И вот в прошлом году тончайшей пленкой, толщиной в одну молекулу, был покрыт Аркашинский залив Севана, и испарение воды значительно уменьшилось.

Это первый опыт. Скоро молекулярным «одеялом» будет покрыт весь Севан. А потом и другие южные водоемы и, вероятно, целое море — Аральское.

Д. Биленкин

Огнемет на полях

Многие из вас, ребята, наверно, видели невзрачное растеньице, обвивающее своим гибким стеблем сахарную свеклу, лен, клевер, коноплю и другие растения. Это повилика, или кускута,—сорняк-паразит. У повилики нет зеленых листьев, нет корней. При помощи присосок она присасывается к своему хозяину и живет за его счет. Огромный вред приносит этот безобидный на вид сорняк.

Чтобы избавиться от непрошеного нахлебника, колхозникам приходится вручную собирать плети повилики и сжигать их. Это нелегкий труд, ведь порой повилика заражает тысячи гектаров. Да еще бывает и так: плети сожгут, а из семян, упавших на землю, на следующее лето снова вырастает сорняк.

На помощь колхозникам пришли узбекские и киргизские инженеры. Они построили культиватор-огнемет.

...После уборки урожая идет по полю трактор «Беларусь», на нем стоит бочка с горючим. Горючее подается в культиваторы, из которых вырывается струя пламени. Огонь начисто выжигает в почве семена вредного сорняка.

На горном склоне

Этот снимок я сделал в горах Средней Азии, на одном из склонов крупного гранитного массива. Нас, геологов, заинтересовала необычная форма выветривания гранитов.

Присмотревшись внимательно, мы увидели, что в этих гранитах заключено много обломков (ксенолитов) других пород, которые под действием воды и ветра разрушаются быстрее, чем граниты.

На месте этих менее стойких пород и образовались ячейки, которые вы видите на снимке.

А. Строганов

Вредный ли человек Костя Шмель?

Бывают же такие вредные люди! Этот Костя любого доведет!

— Мне просто нравится, что я могу разозлить кого хочешь,— заявляет он.— Это очень просто. Например, тебе говорят: «Ножик есть?» А ты отвечаешь: «Спасибо, я уже пообедал». Или: «Куда идешь?» А ты: «Ага, у кита хвост большой».

Правда, когда Костя спорит или дразнится—в этом виноват Невидимка. Что это за Невидимка, ты узнаешь, когда прочтешь книжку **Юрия Томина «Борька, я и Невидимка».** Борька — это Костин друг. А «я» — это и есть Костя Шмель. Он сам расскажет тебе о своих затеях и невезеньях. Вечно он попадается, вечно его ругает классная руководительница Елизавета Максимовна. А ведь быть у нее примерным учеником ничего не стоит: надо только говорить, то, что привыкла слышать в таких случаях Елизавета Максимовна:

— Ты сознаешь, что дезорганизуешь весь класс?

— Сознаю.

— Если понимаешь, почему не исправляешься? Ты что, и дальше намерен так поступать?..

Да ты и сам знаешь, как это бывает: вопросы всегда одни и те же, и ответы затвержены наизусть: «Я понимаю, что это нехорошо», «Извините, пожалуйста», «Честное слово, больше не буду». О них не думаешь, в них не веришь.

Но у Кости просто язык не поворачивается повторять эти надоевшие слова. Если сможет, он и так исправится. А если вдруг не выйдет, зачем зря обещать? Костя никак не поймет, зачем Елизавете Максимовне так нужны слова. Он молчит. Вот почему для Елизаветы Максимовны Костя Шмель— самый разболтанный ученик в классе.

Но если приглядеться получше, совсем неплохой человек Костя Шмель. И тебе, наверно, он понравится больше всех ребят. Кто придумал, как добыть для школы хорошие станки взамен негодных? Костя! А кто сумел увлечь этим делом ребят? Костя! И так храбро разговаривал с директором настоящего большого завода — тоже Костя. Всегда с ним весело. И он совсем не вредный. Когда Костя увидел, что плачет любимая вожатая Лина Львовна, он догадался, как лучше всего ей помочь.

Тут вот и задумаешься: может, все его выходки не просто озорство. Ведь Костя никогда не отмахивается шуточками от стоящего дела, он издевается только над пустопорожними, бессмысленными разговорами. Ну как не позлить вожатого Владика, если он только забежит в класс, спросит: «Как дела?» — и умчится?

Костя хочет, чтобы все было по-настоящему, справедливо и интересно, а не только на словах гладко. Он обо всем имеет свое мнение. Поэтому с Костей много хлопот тем, кто привык, чтобы все шло как по линеечке, по заведенным правилам.

Но настоящие учителя хотят, чтоб ты был не просто послушной куклой, а приучался сам думать, добиваться того, во что веришь. Поэтому с Елизаветой Максимовной спорит не только Костя. Воюют за Костю с ней и Лина Львовна и Владимир Иванович.

И в твоей школе, может быть, есть такой Костя. Может быть, он тоже на первый взгляд кажется «вредным человеком». Но судить о нем надо не только по его словам, но и по поступкам.

А еще ты узнаешь, что такое таинственный «Пезе», которым Костин класс изводит своих врагов «шестибешников»; почему опасно сидеть тихо на уроке литературы; что будет делать Дубровский, если в Кистеневку придут фашисты; и кто же такой Невидимка.

Прочти эту книжку, не пожалеешь!

Э. КУЗЬМИНА

Советую прочитать!

Я люблю толстые книги, чтобы читать долго, не отрываясь. Но бывает, что и от тоненькой не оторвешься.

Вот прочел я «ДОМИК У КРАЯ ПУСТЫНИ» В. ОРДЖОНИКИДЗЕ. Эта книга о дружбе, о том, что человек человеку должен быть близок, о чуткости и добром сердце людей.

Ведь только доброта заставила ребят идти на помощь летчику. Они думали, что летчик ранен, и хотели оказать ему первую помощь. Им было очень тяжело идти, но они дошли.

И еще мне очень понравился дядя Петрос из рассказа «Голубое такси». Петрос знал, что ребята — баловники, но не позволят себе творить зло. Ребята были благодарны Петросу за то, что он поверил им и заступился, поэтому они и запомнили его навсегда.

Костя Шукалюк, 6-й класс.

Недавно я прочла новую книгу. Называется она «РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРО СИНГАПУР», а написал ее ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ.

Я хочу, чтобы все про нее узнали. Такая это хорошая книга!

Это очень смешные рассказы. Я даже вслух смеялась, когда читала, но есть и грустные места — когда Дениска с папой пришли в цирк, а девочка-артистка, которая так понравилась Дениске, уехала.

Мне трудно выбрать, какие рассказы самые лучшие. «Поют колеса — тра-та-та» — хороший, «Рыцари» — тоже очень хороший, и «Синий кинжал» — тоже.

И хотя эта книга про маленького мальчика, а я люблю про пятиклассников, было очень весело и интересно читать.

Теперь, если встречу рассказ Виктора Драгунского, ни за что не пропущу.

Таня Германова, 5-й класс.

Некоторые почему-то считают — раз книга про индейцев,— значит, для мальчиков.

Я с этим не согласна. Мы, как и мальчики, любим читать о героизме и исторические повести, о путешествиях, раскопках, звездах и, конечно, об индейцах.

Только на днях я прочла совсем новую приключенческую книгу немецкой писательницы АННЫ ЮРГЕН — «ГЕОРГ — СИНЯЯ ПТИЦА».

Мне очень понравились индейцы племени ирокезов. Мужчины их были отважными и терпеливыми, а женщины — красивыми и добрыми. Особенно запоминаются приемные родители Георга — Лучистое Полуденное Солнце и Малый Медведь, тетя — Круглое Облако, дядя — Хмурый День и сестричка — Малия.

О том, как Георг попал к индейцам, и о героях книги можно рассказывать очень долго, только лучше, если ребята сами прочтут эту повесть.

И еще я хотела сказать о рисунках и карте в книге. Они очень помогают, когда читаешь.

Лина Липская, 6-й класс.

ВЫСОКО В ГОРАХ

И. РАХТАНОВ

Высоко в горах лежит Тибет. До последнего времени трудно было пробраться туда. Отгородившись от всего мира, жили тибетские скотоводы. Не много среди них было грамотных, хотя письменность в стране существует с VII века, в то время как в наиболее просвещенных европейских государствах не каждый король, князь или рыцарь умели расписаться...

И все-таки нельзя говорить, что у тибетцев издавна существовала письменная литература. Книгу им заменял устный рассказ — от кочевья к кочевью бродили эти рассказы, сказки, легенды. Они очень своеобразны, не похожи на другие сказки во всем свете. В них красота высоких гор, дремучих лесов, вольных степей.

Сегодня мы можем познакомиться и с легендами, и с сатирическими сказками, и со сказками о животных, и с забавными историями, созданными тибетским народом. Их перевел с китайского В. Кассис, а издало Государственное издательство художественной литературы.

Я уверен, что вам они понравятся не меньше, чем мне. Книжка составлена очень толково: страниц в ней мало, а рассказано на них очень много.

Закрывая книгу, мы чувствуем, что обогатились знаниями об этом крае.

Мы словно побывали в горах Тибета, увидели быстрые реки, восходили

на высокие вершины, пробирались по крутым горным тропкам и, конечно, слушали у костров эти сказки.

Одну из них я хочу привести здесь.

Быть может, сама сказка убедит вас в том, что книжка **«Проделки дядюшки Дэнба»** стоит того, чтобы ее найти и прочесть.

Слон и мыши

Это произошло там, где Голубая река вот уже много-много лет в своем неукротимом беге подмывает Серую гору. Голубая река выбегает из того ущелья, откуда каждое утро поднимается солнце. Солнце целый день освещает Серую гору и вечером, раскрасневшись от такого труда, прячется за нее на отдых.

В реке жили юркие рыбки, а на горе — маленькие мыши. Между ними с давних времен установились добрососедские отношения. И все было бы хорошо, если бы не...

Однажды летом, когда солнце добросовестно обогревало Серую гору и освещало песчаные норки золотистых жителей Голубой реки, внезапно разразился сильный ливень. Голубая река вздулась, начала пениться, бурлить и вскоре затопила все вокруг, не тронув лишь самую верхушку Серой горы. Забрались туда перепуганные мыши и в страхе смотрели на бушующую стихию. А вода все прибывала, угрожая жителям Серой горы. Куда-то исчезли юркие рыбки, над Серой горой перестали летать птицы. Покорившись судьбе, мыши ждали своей горькой участи. И они, конечно, погибли бы, если бы не...

К разлившейся реке подошел Слон: его с самого утра мучила жажда. Увидали мыши Слона и стали звать его на помощь. Каждый знает беспримерную доброту и непобедимую силу Слона. Перешел Слон вброд клокочущую реку и протянул свой хобот мышам. Будто по лестнице, забрались на широкую спину Слона перепуганные насмерть жители Серой горы. И только последняя мышь успела забраться на своего спасителя, как вода совсем затопила Серую гору.

Слон перенес мышей на сухое место, не спеша напился и побрел по своим делам в лес.

Прошло много лет. И вот как-то под вечер тот самый Слон снова пришел на водопой к Голубой реке. Он уже был стар, дряхл и с великим трудом передвигал ноги.

Слон подошел к берегу, случайно поскользнулся на крутом спуске и упал. Силы изменили ему. Без посторонней помощи он не мог подняться. Так и кончилась бы жизнь великана, если бы не...

Мыши, те самые мыши с Серой горы, которых когда-то спас от верной гибели Слон, заметили упавшего великана и целой армией пришли к нему на подмогу. Они день и ночь без устали подкапывали землю под ногами слона. И когда весь береговой откос был срыт, старый Слон смог опять подняться на ноги.

Недаром древняя тибетская пословица гласит: «Помогая другим, ты помогаешь себе».

120 ПИСЕМ ЛЮБЕ ЕВЛИНОЙ

Помните, ребята, что написала **Люба Евлина** из села Новоивановка, Красноярского края? Письмо ее мы поместили в пятом номере журнала.

Люба спрашивала, как организовать работу школьной шахматной секции, просила посоветовать, с чего начать.

Сто двадцать писем пришло в ответ Любе. Вот что пишет сибирской школьнице ученик школы № 13 **Коля Попков** из города Челябинска:

«По-моему, Люба, для начала надо собрать всех ребят, и тех, кто умеет играть в шахматы, и тех, кто хочет научиться этой игре. Надо выбрать бюро секции. Лучшим шахматистам поручить, чтобы они объяснили правила игры новичкам.

Потом надо организовать турниры на первенство классов, а если желающих играть пока мало, то на первенство школы.

Сделайте так, чтобы ваша секция работала по плану».

А вот что советуют **Валя и Лева Барановы** из села Максимкин Яр (Томская область):

«Если у вас в школе нет шахмат, то пусть ребята приносят свои. У ребят надо собрать и книги по шахматам, чтобы по ним могли учиться и другие».

Это же предлагает и **Витя Пережогин** из Нанайского района, Хабаровского края.

Подробное письмо прислали **ребята из шахматной секции Дома пионеров города Микулинцы** (Тернопольская область).

Они советуют аккуратно вести таблицы всех турниров и добиваться, чтобы по каждому соревнованию участники получали спортивные разряды.

А вот что украинские пионеры пишут о твоей задаче, Люба:

«Задача решается ходом 1. Ле7. Но в ней есть и другое решение: 1 cd+ и 1. Ле6+,— а это большой недостаток.

Начинающему шахматисту нелегко составить задачу без ошибок. Но замысел твоей задачи, Люба, интересен. Мы уверены, что твои новые задачи будут лучше и труднее».

Вот что советует **Юра Туров** из деревни Большое Турово (Пермская область):

«Ребята могут купить шахматы на деньги, заработанные в колхозе или вырученные от продажи собранного металлолома. А демонстрационную доску нетрудно сделать самим».

«Только не забудьте вот о чем,— пишет **Витя Клюшниченко** из села Вторая Каменка (Алтайский край).— Когда организуете секцию, постарайтесь устроить матч с соседней школой. Это очень интересно и привлечет много ребят в шахматную секцию».

Полезные советы дали тебе, Люба, твои друзья из разных городов и сел. И советы эти важны не только для новоивановских любителей шахмат. К ним надо прислушаться и многим другим ребятам, чтобы в этом учебном году во всех школах делали свое полезное дело секции любителей шахмат.

Надеюсь, что эти советы пригодятся и **Мише Дьяконову** из поселка Сангар (Якутская АССР).

«У нас в школе,— пишет Миша,— был шахматный кружок, а потом он распался. Хочу узнать, что советуют ребята Любе Евлиной, чтобы и у нас снова наладить занятия кружка».

Миша правильно решил наши конкурсные задачи из журнала № 5. В первой к цели ведет только ход 1. d5, вторая решается ходом 1. Сh8.

Награждаю тебя, Миша, грамотой «Ферзя и Ладьи» и приму в свои оруженосцы, если ты снова организуешь шахматную секцию в школе.

СПРАШИВАЕТ ВАЛЕРИЙ ОВЧАРЕНКО

«У нас, на Феодосийской улице, только семь ребят неплохо играют в шахматы,— пишет **Валерий Овчаренко** (Днепропетровск).— Мы провели турнир. Каждый с каждым играл по три партии. Можем ли мы получить пятый разряд?»

Отвечаем, Валерий, на твой вопрос.

Чтобы получить пятый разряд, надо в турнире новичков, не имеющих разрядов, набрать 50 процентов из возможного количества очков. Для получения разряда должно быть сыграно не менее десяти партий.

Таблицу вашего турнира, Валерий, надо послать в городскую шахматную секцию.

НЕОБЫЧНЫЕ ПОЗИЦИИ

Умеете ли вы, друзья, находить скрытые комбинации в самых, казалось бы, простых положениях? Ведь шахматы тем и интересны, что в них таятся необычные возможности, атаки и ловушки.

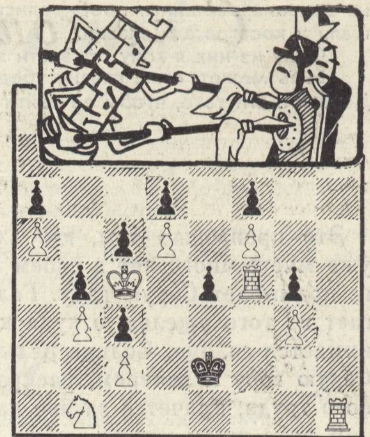
«Комбинационным зрением» называют шахматисты умение зорко видеть все тайны шахматных сражений.

А как у вас с «комбинационным зрением»? Не страдаете ли вы «шахматной близорукостью»? Это покажет ваше участие в конкурсе решений.

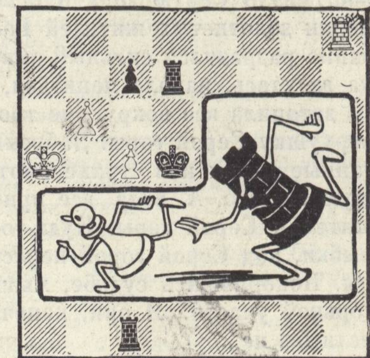
В этот конкурс мы включаем три необычные позиции. Победители соревнования будут награждены грамотами «Ферзя и Ладьи».

А теперь найдите комбинацию, которая ведет к мату в три хода, в следующей задаче:

Найдите, во сколько ходов белые быстрее всего могут здесь дать мат черному королю.

И последнее задание конкурса: Найдите, как белые добиваются ничьей в этом положении.

Во всех заданиях конкурса белые начинают игру. Срок отправки решений — месяц после получения журнала.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

Правильные решения задач из журнала № 5 прислали **Алексей Штерн** (Москва), **Булат Богданов** (с. Кусоты, Бурятская АССР), **Володя Летута** (г. Щорс), **Володя Соколов** (Приморский край), **Гена Валейуллин** (п. Аргаяш, Челябинская обл.), **Витя Медведев** (Тула), **Геннадий Михаленя** (д. Озераны, Гродненская обл.), **Толя Крысанов** (Уфа), **Игорь Харченко** (с. Богдановка, Кировоградская обл.), **Толя Кунах** (с. Павослочь, Житомирская обл.), **Маруф Кадыров** (Ленинабадская обл.) и многие другие читатели.

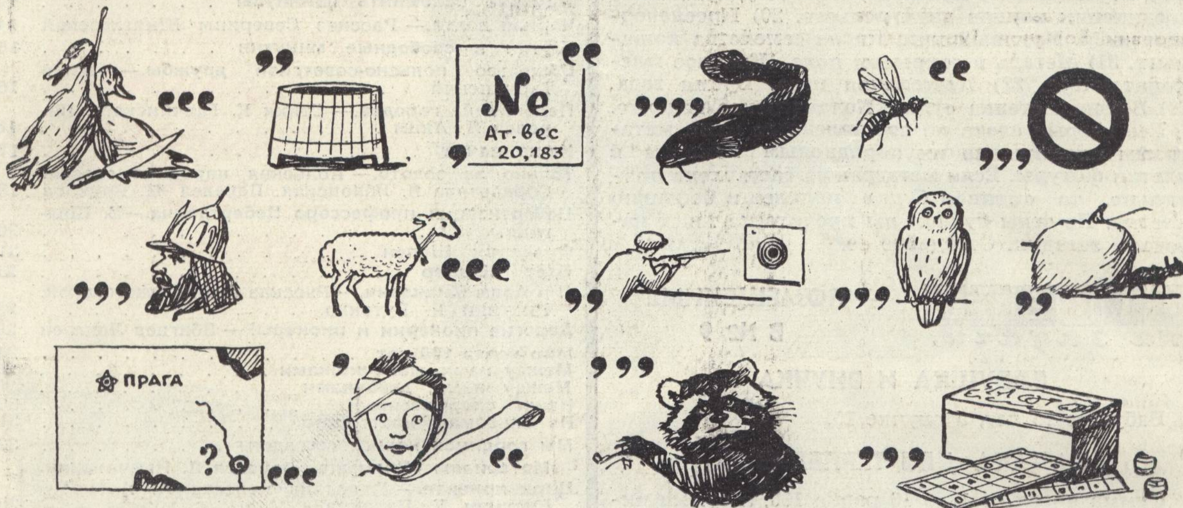
Вместе решали задачи и нашли верные решения ребята из шахматного кружка Дома пионеров г. Калинковичи (Гомельская обл.) и ученики Носковской восьмилетней школы (Брестская обл.).

Участники заочного соревнования, приславшие наиболее точные и подробные решения, награждаются грамотами «Ферзя и Ладьи».

С помощью зеркала

Разгадывая этот ребус обычным способом, вы прочитаете только половину зашифрованной в нем загадки. Чтобы прочитать остальной текст, вам придется снова пройтись по всем рисункам, но уже глядя на них в зеркало, установленное справа или слева от ребуса. Естественно, что в зеркальном изображении порядок рисунков изменится. Расшифровывайте ребус таким, каким вы его увидите в зеркале.

Недавно в нашем журнале напечатана была головоломка, составленная из анаграмм. Теперь предлагаем вам решить головоломку, построенную на метаграммах.

Метаграммы

Напомним: если в каком-либо слове одну букву заменить другой, причем в результате такой замены возникнет новое слово совсем другого значения, то сопоставление этих слов и называется метаграммой. Например, к слову «маска» могут быть подобраны (в зависимости от того, какая буква в слове меняется) такие метаграммы: Маска — Каска, мАска — мИска, маСка — маРка.

А теперь приступайте к решению головоломки. По значениям слов, которые ниже приводятся, составьте 23 парных метаграммы:

1) Вид шерстяной ткани. Плавучее средство передвижения. 2) Хлеб из пшеничной муки. Небольшой лесной зверек с пушистым хвостом. 3) Минеральные остатки сгорания. Ограниченная территория. 4) Металлический стержень с резьбой на конце. Ощущение страдания. 5) Сладкий фруктовый напиток. Порода собак. 6) Изолированная комната на корабле. Чертеж земной поверхности. 7) Атмосферное явление. Средство для изменения наружности. 8) Литературный жанр. Испытание. 9) Сплав меди с оловом. Сыр из овечьего молока. 10) Устаревшее сельскохозяйственное орудие. Хищная ночная птица. 11) Предмет оборудования кухни. Денежное вознаграждение. 12) Часть человеческого тела. Естественный водоем с проточ-

ной водой. 13) Шахматная фигура. Протяжный звук, вызванный болью. 14) Лишение противника свободы. Порядок и сроки выполнения намеченной работы. 15) Дугообразное перекрытие, соединяющее две стены. Двукрылое насекомое, паразитирующее в теле животных. 16) Морской рак. Подъемный механизм. 17) Кушанье из вареного риса с кусочками мяса. Количество пойманной рыбы. 18) Часть ударного механизма в ружье. Вид переходящего приза. 19) Звук от удара. Место соединения концов двух рельсов. 20) Пресноводная рыба. Крупный хищник из семейства кошачьих. 21) Метель в открытом поле. Жвачное млекопитающее. 22) Настольная игра. Время года. 23) Боковая стенка судна. Кондитерское изделие.

Все вторые слова из составленных вами метаграмм впишите по их порядковым номерам в клетки фигуры. Если метаграмма составлена правильно, то сменная буква попадет в большую клетку. По этим буквам вы прочитаете текст народной загадки. Отгадайте ее.

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 9

БАБУШКА И ВНУЧКА

Бабушке 75 лет, а внучке 15.

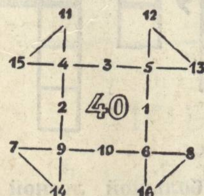
ЗАДАЧА ДЛЯ ТЕРПЕЛИВЫХ

Сумма чисел от 1 до 16 равна 136, а сумма чисел, расположенных по четырем прямым, составляет (40 $\times$ 4) 160. Разница — 24 получается потому, что четыре числа по углам квадрата считались дважды. Следовательно, сумма чисел на углах квадрата должна быть равна 24. На остальные числа по периметру квадрата остается 16.

Можно определить и сумму каждых трех чисел по углам квадрата. Если из суммы всех чисел (136) вычесть числа, расположенные по периметру квадрата (40), то получим 96 — это сумма чисел, расположенных за пределами квадрата. К ней необходимо прибавить сумму четырех чисел, стоящих по углам квадрата, то есть 24. Получаем 120. Разделив это число на четыре, узнаем: сумма каждых трех чисел на углах квадрата равна 30.

Зная это, можно: 1) расставить по углам квадрата четыре числа с общей суммой 24; 2) дополнить по периметру еще четыре числа с общей суммой 16.

Остается дописать недостающие числа, расположенные за пределами квадрата, так, чтобы сумма каждых трех чисел была равна 30. Надо покомбинировать, чтобы подогнать расстановку чисел к условиям задачи. Вот одно из возможных решений.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00177. Подписано к печати 18/X 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 1835. Заказ № 2557.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Пионеры и школьники! Принимайте активное участие в сборе металлического лома!

ВОТ ТАКОЙ МОЩНЫЙ ТЕПЛОВОЗ МОЖНО ПОСТРОИТЬ ИЗ 110 ТОНН МЕТАЛЛОЛОМА:

ИЗ ТАКОГО ЖЕ КОЛИЧЕСТВА МЕТАЛЛОЛОМА МОЖНО СДЕЛАТЬ:

4 ПРИЦЕПНЫХ КОМБАЙНА И 9 САМОХОДНЫХ КОСИЛОК

ИЛИ

5 ГУСЕНИЧНЫХ ТРАКТОРОВ И 5 ПЛУГОВ К НИМ;

1 000 МОТОЦИКЛОВ;

5 000 ВЕЛОСИПЕДОВ;

9 000 ШВЕЙНЫХ МАШИН.

Цена 25 коп.

ЩЕЦИН
ГДАНЬСК
БЫДГОЩ
ТОРУНЬ
ПОЗНАНЬ
ПЛОЦК
ВАРШАВА
ГАЙНУВКА
ЛОДЗЬ
ВРОЦЛАВ
ЧЕНСТОХОВ
ЛЮБЛИН
СТАРОХОВИЦЫ
СТАЛЕВА ВОЛЯ
ТАРНОБЖЕГ
КАТОВИЦЫ
НОВА ГУТА
КРАКОВ

POLSKA

В Народной Польше каждый год возникают новые жилые районы, заводы и портовые сооружения.